

Источник: Троил и Крессида. Перевод А. Федорова. С предисловием Р. Бойля // Шекспир В. Полное собрание сочинений / Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. Т. 4. С. 61-132.

62

<Сверху на странице расположена фотография античной статуи III-II в. д.н.э. «Гомеръ», из фондов музея Сансусси в Подстаде.>

ТРОИЛЬ И КРЕССИДА.

Изъ всѣхъ драмъ Шекспира "Троиль и Крессида" послужила предметомъ наиболѣе разнорѣчивыхъ толкованій. По мнѣнію однихъ, она порождена тѣмъ пессимистическимъ настроеніемъ, которое охватило Шекспира въ позднѣйшіе годы жизни. По мнѣнію другихъ – это сатира на античную Грецію, вызванная досадой Шекспира на многихъ своихъ современниковъ, увлекавшихся литературой и идеалами древнихъ классиковъ.

Обстоятельства, при которыхъ эта драма впервые появилась отдѣльнымъ изданіемъ (in quarto) въ 1609 г., значительно затемняютъ вопросъ о времени, къ которому она относится.

"За шесть лѣтъ до того, въ февралѣ 1603 г." – говоритъ Голиуэль Филиппсъ въ своихъ "Outlines of the life of Shakespeare" – "Робертсъ, одинъ изъ издателей Шекспира, пытался получить разрѣшеніе для напечатанія драмы "Троиль и Крессида", которую играла въ это время труппа Лорда Камергера. Тотъ же сюжетъ былъ разработанъ для сцены Деккеромъ и Чэтлемъ для труппы Лорда Адмирала въ 1599 г. Но хотя эти двѣ труппы могли состоять, какъ и прежде, въ дружескихъ отношеніяхъ, все же трудно предположить, чтобы онѣ обмѣнивались своими правами; поэтому разрѣшеніе, о которомъ хлопоталъ Робертсъ, едва ли относилось къ драмѣ Деккера и Чэтля. Робертсъ не получилъ разрѣшенія, и едва ли ему удалось и впослѣдствіи добиться согласія труппы на задуманную имъ спекуляцію. Во всякомъ случаѣ драма "Троиль и Крессида" не появлялась въ печати до начала 1609 г., когда два другихъ издателя, Боніанъ и Валли, раздобыли обманнымъ путемъ рукопись и рѣшили ее напечатать. Съ цѣлью привлечь покупателей, они имѣли дерзость заявить въ необычномъ по тому времени предисловіи, что пьеса эта никогда до того не появлялась на сценѣ. Они, повидимому, даже гордились тѣмъ, что хитростью достали рукопись. Но ихъ торжество не долго длилось. Обманъ былъ скоро обнаруженъ, и труппа

63

конечно возбудила преслѣдованіе противъ издателей. Потомъ, однако, труппа вѣроятно, вошла съ издателями въ соглашеніе и, получивъ плату, взяла назадъ свой запретъ, такъ какъ 28-го января издатели получили отъ Лорда Камергера разрѣшеніе печатать драму. Предисловіе было совершенно уничтожено, и ложность прежняго заявленія о томъ, что "Троилъ и Крессида" никогда не появлялась на сценѣ, подтверждалась новымъ изданіемъ, гдѣ сказано было, что пьеса печатается въ томъ видѣ, въ какомъ она была играна актерами Его Величества въ "Глобусъ" – когда, не указано. Уничтоженное потомъ предисловіе не было бы написано, если бы драма входила въ репертуаръ 1608–9 г., и дѣйствительно весь тонъ предисловія говоритъ противъ такого предположенія".

Прошеніе Робертса о правѣ печатанія, поданное въ февралѣ 1603 г., доказываетъ, что дѣйствительно существовала драма "Троилъ и Крессида", которую играла Шекспировская труппа, прежде называвшаяся "Служителями" (Servants) Лорда Камергера, а затѣмъ переименованная въ "Служителей Короля" (Kings servants) вскорѣ послѣ вступленія Якова I (1603) на престолъ. Та ли это самая драма, которая дошла до насъ въ изданіяхъ in-folio и in-quarto? По всей вѣроятности, она была пересмотрѣна и расширена до своего теперешняго вида приблизительно, какъ мы увидимъ далѣе, въ 1606 г.

Въ folio 1623 г. она помѣщена между хрониками и трагедіями¹, но не названа въ оглавленіи. Первые три страницы 78, 79, 80 нумерованы, остальные не имѣютъ пагинаціи. Это какъ бы служить указаніемъ на то, что сначала предполагалось помѣстить "Троила и Крессиду" вслѣдъ за "Ромео и Джульетой", которая заканчивается на страницахъ 76 и 79; затѣмъ слѣдуетъ "Тимонъ" съ 80-й страницы. Наша же драма помѣщена непосредственно за "Генрихомъ VIII", и за нею слѣдуетъ "Коріоланъ", начинающійся съ 1-ой страницы. Это указываетъ на нѣкоторое колебаніе относительно пьесы со стороны Юмминга и Конделя, товарищей Шекспира, издателей folio. Указанная выше пагинація дала поводъ Флэю высказать предположеніе въ своемъ "Shakespeare Manual" (1878) что "Троилъ и Крессида" задумана какъ pendant къ "Ромео и Джульетѣ".

Сидней Ли открылъ недавно экземпляръ folio 1623 г., который не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что драма "Троилъ и Крессида" первоначально должна была слѣдовать за "Ромео и Джульетой". Какъ извѣстно, въ старинныхъ изданіяхъ часто замѣчается значительная разница между отдѣльными экземплярами одной и той же книги, чѣмъ и объясняется открытіе Сиднея Ли.

Лучшій обзоръ источниковъ нашей драмы сдѣланъ въ Shakespeare Jahrbuch, т. 6 (1871) профессоромъ В. Герцбергомъ. Онъ указываетъ, что въ средніе вѣка наиболѣе авторитетными источниками по исторіи троянской войны считались рассказы Дареса и Диктиса, выдававшихъ себя за современниковъ греческихъ и троянскихъ героев; изъ нихъ первый былъ

родомъ изъ Фригіи, второй – критянинъ, товарищъ Идоменея. Диктисъ считался авторомъ исторіи троянской войны въ шести книгахъ, переведенной съ греческаго оригинала на латинскій языкъ нѣкимъ Септиміемъ. Боги, по разсказу Диктиса, не вліяли на ходъ войны, и Троя пала вслѣдствіи измѣны Энея и Антенора. Троиль, по этому разсказу, взятъ въ плѣнъ и умерщвленъ по приказу Ахилла долгое время послѣ смерти Гектора; любовной драмы въ разсказѣ Диктиса нѣтъ.

Ввиду стараній многихъ народовъ, отъ римлянъ до англичанъ включительно, доказать свое происхожденіе отъ троянцевъ, естественно, что второй изъ вышеназванныхъ авторовъ – Даресъ, называвшій себя фригійцемъ, возбуждалъ больше симпатій у читателей, чѣмъ кто либо изъ греческихъ авторовъ. Переводчикъ его выдавалъ себя за Корнелія Непота и переводъ его былъ посвященъ Саллюстію Криспу. Но вѣроятно всего, что вся исторія выдуманна мнимымъ переводчикомъ не позже 635 г., когда о ней говоритъ Исидоръ Севильскій, умершій въ этомъ году. По этому разсказу, Троиль становится защитникомъ Трои послѣ смерти Гектора. Разсказъ въ высшей степени вялъ и блѣденъ, что отчасти объясняется непосильной задачей – охватить весь десятилѣтній періодъ осады Трои. Авторъ старается разными способами оживить и ввести въ него нѣкоторое разнообразіе. Между прочимъ онъ пишетъ портреты, изъ которыхъ особаго вниманія заслуживаетъ портретъ Бризеиды съ ея сросшимися бровями – съ этого времени сросшіяся брови стали считаться красивыми. Но любовной драмы нѣтъ и у Дареса. Она впервые появляется въ поэмѣ Бенуа де Сентъ Моръ (More), придворнаго

64

трубадура Генриха II англійскаго, около 1160 г. Въ этой поэмѣ, "Histoire de la guerre de Troie", около 30000 стиховъ. Сентъ-Моръ вноситъ жизнь въ сухой остовъ Дареса. Дѣйствующія лица его поэмы преисполнены рыцарскихъ чувствъ, среди которыхъ, конечно, не можетъ отсутствовать любовь. Онъ заимствовалъ у Дареса образъ Бризеиды и сдѣлалъ ее дочерью Калхаса, которая остается въ Троѣ послѣ того, какъ ея отецъ перешелъ къ грекамъ (онъ, какъ и у Шекспира, представленъ въ поэмѣ троянцемъ). Троиль страстно влюбленъ въ нее и она отвѣчаетъ ему взаимностью. Послѣ захвата Антенора, Калхасъ напоминаетъ греческимъ вождямъ объ обѣщанной ему наградѣ, и проситъ ихъ обмѣнять Антенора на его дочь. Греки на это соглашаются, и въ Трою отправляютъ Діомеда за Бризеидой. Такимъ образомъ всѣ основные мотивы любовной интриги въ "Троиль и Крессидѣ" уже имѣются въ этомъ раннемъ произведеніи.

Было бы слишкомъ долго слѣдить за интереснымъ развитіемъ этого сюжета втеченіе вѣковъ до того, какъ онъ вылился въ окончательную форму

въ трагедіи Шекспира. Но укажемъ на одну изъ важнѣйшихъ стадій этого развитія, на *Filostrato* Боккачіо.

У Боккачіо сюжетъ сталъ истинно поэтическимъ и приобрѣлъ ту колоритность и психологическую глубину, которая сдѣлала его пригоднымъ для Чоусера и Шекспира. Гризеида Боккачіо поэтическій образъ его собственной возлюбленной. Она вдова и Троиль впервые видитъ ее въ траурѣ въ храмѣ Паллады и сразу влюбляется въ нее. Она вначалѣ чиста, но становится жертвой хитраго Діомеда и послѣ того быстро и непоправимо падаетъ. Боккачіо вводитъ въ свой разсказъ Пандара въ качествѣ кузена Гризеиды, способствующаго встрѣчамъ любящихъ.

Слѣдующей стадіей въ разработкѣ сюжета была поэма Чоусера "*Troilus and Creseyde*" въ пяти книгахъ. Она написана около 1372 г. или на 20 лѣтъ позже, чѣмъ "*Филострато*" Боккачіо; точная дата появленія "*Филострато*" не извѣстна, но предполагаютъ, что она написана была около 1350 г. Отношеніе поэмы Чоусера къ Боккачіо выяснено Альфонсомъ Кисснеромъ, который доказываетъ, что поэма Чоусера вольный переводъ – насколько это было возможно – итальянской. Чоусеръ придалъ любовной исторіи Троила и Крессиды окончательную форму, въ которой она и перешла къ Шекспиру; ничего въ ней не было измѣнено ни Лидгатомъ, ни Какстономъ, разрабатывавшими этотъ сюжетъ послѣ Чоусера. Разсказомъ Какстона Шекспиръ пользовался въ драмѣ только поскольку онъ касается исторіи Гектора. Что его источникомъ для этой части драмы былъ именно Какстонъ, а не Лидгатъ, какъ утверждалъ Деліусъ, доказано д-ромъ Смолемъ (Small) въ его "*Stage quarrel*" (Breslau, Marcus). Онъ сравниваетъ имена въ прологѣ и въ пятомъ актѣ съ именами у Лидгата и Какстона и выясняетъ, что всѣ они взяты у Какстона.

Такимъ образомъ, что касается любовной интриги "*Троила и Крессиды*", то совершенно ясно, что она не имѣетъ ничего общаго съ классической древностью; сюжетъ этотъ – созданіе среднихъ вѣковъ и поэзіи трубадуровъ. У Шекспира не было никакого намѣренія написать пародію на Гомеровскій міръ въ этой части драмы, и его характеристики греческихъ героев и Гектора исключаютъ возможность подобной пародіи. Шекспиръ взялъ готовый сюжетъ, и теорія Ульрици объ умышленномъ пародированіи совершенно падаетъ.

"Троиль и Крессида" состоитъ изъ трехъ переплетенныхъ между собой сюжетовъ: 1) любовная исторія Троила и Крессиды; 2) исторія Улисса; 3) исторія Гектора или поединка. Хотя до сихъ поръ не возникало сомнѣній въ принадлежности этой драмы Шекспиру, но многіе авторитетные критики сомнѣваются, чтобы декламаторскій тонъ шести сценъ (отъ 4 – 10) V акта могъ принадлежать Шекспиру. Ни одинъ изъ авторитетныхъ критиковъ новѣйшаго времени не рѣшается утверждать, что вся піеса цѣликомъ, съ этими сценами включительно – произведеніе Шекспира. Флэй въ своемъ "*Shakespeare Manual*" 1878 г. говоритъ слѣдующее: "я считаю, что въ драмѣ сплетены три сюжета, каждый изъ которыхъ былъ разработанъ отдѣльно, въ

иной манерѣ и въ другое время, нежели два другіе. Первой была написана исторія Троила и Крессиды на основаніи Чоусеровской поэмы, затѣмъ исторія вызова Гектора Аяксу, ихъ поединокъ и убійство Гектора Ахилломъ на основаніи Какстоновскихъ "Трехъ разрушеній Трои". Позже всего написана была исторія хитрости Улисса, побудившаго Ахилла вернуться на поле битвы тѣмъ, что противъ него выступилъ Аяксъ. Этотъ эпизодъ написанъ послѣ появленія Чапмановскаго перевода Гомера, изъ котораго заимствованъ Терситъ,

65

главное дѣйствующее лицо въ этой части драмы. Сидней Ли и д-ръ Смоль, въ изслѣдованіи, появившемся въ 1899 г., напротивъ того, считаютъ "Троила и Крессида" пьесой, написанной сразу въ 1602 г. и принадлежащей всецѣло Шекспиру. Въ 1900 г. нижеподписавшійся помѣстилъ въ "Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" статью, напечатанную послѣ того въ "Englische Studien", (30 B., Heft 1) за 1901 г., гдѣ доказываетъ, что Флэй былъ правъ, усматривая въ драмѣ три различныхъ сюжета. Но онъ считаетъ только слабыя семь сценъ пятаго акта, написанными другимъ авторомъ. Въ вышеупомянутой статьѣ доказывается путемъ сравненія со стихосложеніемъ пьесъ перваго періода, что "Троиль и Крессида" въ исторіи любви героя и героини очень близко подходитъ по языку къ "Ромео и Джульетѣ". Найденный Сиднеемъ Ли экземпляръ folio, по которому видно, что первоначально драма "Троиль и Крессида" должна была слѣдовать за "Ромео и Джульетой", въ значительной степени подкрѣпляетъ эту догадку, доказывая, что издатели folio полагали, какъ и Флэй, что "преданная и вѣрная Джульета" и "лживая, вѣроломная Крессида" дополняютъ одна другую. Тщательное разсмотрѣніе именъ собственныхъ показало особенность въ употребленіи слова "Ilium". Въ такой формѣ это слово появляется во всѣхъ сценахъ, касающихся любви Троила и Крессиды. Въ сценахъ же, заимствованныхъ у Какстона, видоизмѣняется въ "Ilion", а въ третьемъ сюжетѣ, въ исторіи Улисса, употребляется только названіе "Троя". Такъ какъ и метрическая форма мѣняется въ трехъ сюжетахъ, то самое естественное объясненіе разнородности пьесы, заключается въ слѣдующемъ: Шекспиръ написалъ около 1594–5 г., вскорѣ послѣ или до "Ромео и Джульеты", любовную исторію Троила и Крессиды. Это была пьеса, существовавшая въ 1602 г.; права на печатаніе ея и добивался такъ тщетно Робертсъ. Она же упоминается въ "Westward Ho", пьесѣ, представленной на Рождествѣ 1604 г., и, вѣроятно, извѣстной года за два до того. Въ "Westward Ho" (A. V, сц. 3) говорится: "этому нельзя помочь, почтенный Троиль, и мнѣ столь же грустно, что вы сегодня будете лишены вашей лживой Крессиды, потому что здѣсь нѣтъ сэра Пандара, который провелъ бы васъ въ вашу комнату." Это мѣсто доказываетъ, что драма "Троиль и Крессида" въ

первоначальной формѣ была хорошо извѣстна около 1604 г. Но ни въ одной пьесѣ до 1609 г. нѣтъ какого либо намека на другія части содержанія драмы, кромѣ любовнаго эпизода. Въ той части, которую мы назвали исторіей Гектора, есть несомнѣнный намекъ на книгу Бэкона, "Advancement of Learning" (книга V), изданную въ 1605 году. Изъ намека явствуется, что эта часть была присоединена къ любовной исторіи не ранѣе конца 1605 или въ 1606 г. Около того же времени, или во всякомъ случаѣ не многимъ позже, какъ это доказывается особенностями стихосложенія, Шекспиръ началъ пересмотрѣть драмы. Онъ прибавилъ исторію Улисса, т. е. исторію несогласій въ греческомъ лагерѣ къ любовной интригѣ, но эта переработка обрывается съ концомъ третьяго акта. Мы должны поэтому предположить, что Шекспиръ отложилъ пьесу, и его труппа поручила другому драматургу закончить ее. Тотъ прибавилъ къ законченной уже исторіи Троила и Улисса исторію вызова, посланнаго Гекторомъ. Эта третья исторія была по всей вѣроятности написана современникомъ Шекспира, Марстономъ. Она имѣетъ всѣ особенности стиля и стиха Марстона, какъ доказываетъ тщательная свѣрка съ извѣстными его драмами.

Эта догадка, подтверждаемая очевидными доказательствами, объясняетъ необъяснимую ничѣмъ другимъ разнородность состава драмы. Что семь сценъ пятаго акта принадлежать другому автору – всѣ допускаютъ. Но стиль этихъ семи сценъ такой же, какъ и во всей исторіи Гектора, такъ что отсюда слѣдуетъ, что авторъ семи сценъ также авторъ исторіи Гектора. Много данныхъ говорятъ за то, что этотъ авторъ – Марстонъ. Ни одинъ писатель того времени не былъ такъ склоненъ, какъ Марстонъ, къ декламации, которая является наиболѣе характерной чертой "Троила и Крессиды". Это можетъ быть доказано сравненіемъ его "Parasitaster"а съ тѣмъ, что мы приписываемъ ему въ нашей драмѣ. Есть поразительныя совпаденія въ мысляхъ и выраженіяхъ между нашей драмой и "Parasitaster"омъ; вотъ почему наиболѣе простое и естественное объясненіе этого факта заключается въ предположеніи, что товарищи Шекспира поручили Марстону закончить пьесу, отложенную Шекспиромъ. Наша догадка, объясняющая, почему актеры-издатели folio 1623 года сначала затруднились включить "Троила и Крессиду" (какъ это явствуется изъ отсутствія пагинаціи въ печатномъ текстѣ) и

объясняющая также ихъ колебанія относительно порядка ея помѣщенія, сильно подтверждается и несомнѣннымъ несходствомъ стиха въ трехъ частяхъ драмы. Но главное подтвержденіе – въ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ. Участники любовной драмы написаны совершенно въ манерѣ раннихъ пьесъ Шекспира. Они относятся къ эпохѣ "Ромео и Джульетты", "Двухъ веронцевъ" и "Венеціанскаго купца". Къ тому же, лица,

дѣйствующія въ этой части, не появляются ни въ одной изъ двухъ остальныхъ, а герои исторіи Гектора появляются только въ сценѣ прихода троянцевъ въ греческій лагерь. Наконецъ, исторія Улисса рѣзко отличается отъ двухъ остальныхъ частей драмы и относится вполне къ періоду великихъ трагедій. Эта часть тѣсно связана съ "Королемъ Лиромъ" въ изображеніи чувствъ. Многое изъ того, что говоритъ Эдгаръ въ "Лирѣ", повторяется Улиссомъ въ нашей драмѣ. Въ особенности протестъ противъ астрологическихъ и иныхъ суевѣрій и раціоналистическое пониманіе жизни роднитъ эти два лица между собою и поражаетъ читателя, какъ проявленіе однихъ и тѣхъ же философскихъ взглядовъ на жизнь. Подробный анализъ психологіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ нашей драмы подтверждаетъ истину сказаннаго нами. Правдивый, вѣрный Троиль вполне напоминаетъ вѣрнаго и постоянного Валентина изъ "Двухъ веронцевъ". Его правдивость и постоянство выдвинуты съ такой же яркостью, какъ тѣ же черты у Валентина, и тѣмъ же самымъ способомъ – т. е. при помощи контрастовъ. Валентинъ противопоставляется Протею, Троиль Крессидѣ. Чувственность, сильно подчеркнутая въ характерѣ Троила, отсутствуетъ у Валентина, но это черта, свойственная большинству героевъ драмъ перваго періода и проявляется даже въ самой поздней изъ пьесъ перваго періода – "Венеціанскомъ купцѣ" въ лицѣ Бассаніо (А. I, сц. 2.)

Есть нѣкоторая необтесанность въ Валентинѣ, которая проявляется наиболѣе ясно въ его писаніи тяжелыхъ стиховъ Сильвіи, (А. III, сц. 1), а также въ томъ, какъ онъ ошибается относительно Сильвіи, характеръ которой ему становится понятнымъ только послѣ разъясненія Спиды во 2-мъ актѣ (сц. I). Эта черта соотвѣтствуетъ открытости и искренности характера Валентина. Троиль проявляетъ свою несвѣтскость въ предостереженіи Крессидѣ (А. IV, сц. 3).

У юныхъ грековъ много
Достоинствъ. Знай – они любезны, щедро
Надѣлены дарами какъ природы,
Возвышенной искусствомъ, такъ и долгимъ
Заботливымъ, изящнымъ воспитаньемъ.
Меня страшить, – какое впечатлѣнье
Произведутъ и новизна и прелесть
Ихъ личностей на бѣдную Крессиду?
Увы – предчувствіе, какъ злая гидра,
Мнѣ не даетъ покоя.

Оба они, очевидно, созданы по одному образцу и относятся къ одному и тому же періоду творческой жизни поэта. Единственный разъ, когда Троиль появляется въ позднѣйшей части пьесы – это сцена, въ которой Улиссъ убѣждаетъ его въ предательствѣ Крессиды. Въ этой сценѣ онъ только яростно негодуетъ на ея измѣну (конецъ IV и начало V акта). Очень трудно опредѣлить, кому принадлежитъ эта сцена; по всей вѣроятности, въ ней принимали участіе оба автора. Отчасти она производитъ впечатлѣніе

юношеского творчества, отчасти относится къ болѣ зрѣлому періоду. Во всякомъ случаѣ она ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ Троила, вполне законченной въ предыдущихъ актахъ. Въ ней Шекспиръ почти не уклоняется отъ изложенія Чоусера. Въ изображеніи Крессиды онъ значительно отступаетъ отъ характеристики Чоусера, рисуя ея въ привлекательномъ видѣ даже послѣ ея паденія. Шекспиръ, напротивъ того, безжалостно раскрываетъ ея природную порочность. Въ любовной драмѣ она представлена ловкой кокеткой и грубочувственной натурой. Въ IV актѣ (сц. 5), написанной отчасти Шекспиромъ, отчасти Марстономъ, Улиссъ даетъ ея точную характеристику, завершающуюся словами:

Я знаю ихъ, безстыжихъ, что способны
То предлагать, чего у нихъ не просить
Пока никто, и записную книжку,
Куда въ разбродъ занесены ихъ мысли,
Открыть предъ каждымъ, кто читать умѣетъ.
Какъ грязныя случайности отрепья,
Какъ дочерей разгула, всѣ должны бы
Ихъ презирать...

Это совершенно соотвѣтствуетъ широкому знанію людей и жизни, которое Шекспиръ приписываетъ Улиссу, что побуждаетъ меня приписать приведенное мѣсто Шекспиру, несмотря на то, что оно написано риёмованными стихами. Послѣдній разъ

67

Крессиде появляется во 2-й сценѣ V-го акта, гдѣ она выражаетъ нѣкоторое сожалѣніе о томъ, что покинула Троила, но въ то же время высказываетъ твердую рѣшимость остаться при своемъ второмъ избранникѣ. Шекспировскій Пандаръ еще болѣе далекъ отъ Чоусеровскаго образца, чѣмъ Крессиде. Онъ все болѣе и болѣе нравственно падаетъ по мѣрѣ развитія дѣйствія, и въ концѣ драмы становится профессиональнымъ сводникомъ – такимъ, что его имя стало нарицательнымъ для человѣка, занимающагося этимъ ремесломъ. Въ folio 1623 г. мы находимъ въ его словахъ, обращенныхъ къ Троилу доказательство, что первоначальная драма, т. е. исторія Троила и Крессиды, заканчивалась на 3-й сценѣ V акта:

Входитъ ПАНДАРЪ.

ПАНДАРЪ. Слышишь ли, принцъ, слышишь?

ТРОИЛЬ. Что такое?

ПАНДАРЪ. Письмо отъ бѣдняжки Крессиды. *(Передаетъ свитокъ).*

ТРОИЛЬ. Прочтемъ.

ПАНДАРЪ. Ахъ, эта шурина дочь, чахотка. Какъ она, шурина дочь, мучить меня, а не менѣе ея мучать нелѣпныя неудачи этой дѣвчонки. По той ли, или другой причинѣ, а мнѣ придется на дняхъ распрощаться со всѣми вами. Потомъ глаза у меня слезятся; а ломота въ костяхъ доходитъ до того, что, не умѣй я ругаться да богохульствовать, право, не зналъ бы, что на это сказать или подумать. (*Троилу*). Что она пишетъ?

ТРОИЛЬ.

Слова, слова, одни слова пустыя, –
И ничего, что трогало бы сердце;
Другому отдано, какъ видно, чувство.
(*Разрываетъ письмо и бросаетъ вверхъ клочки*).
Лети жъ, лети на вѣтеръ и по волѣ
Его кружись, вертись и измѣняйся...
Да, мной она безжалостно играетъ.
Другого же любовью награждаетъ.

Это все есть во всѣхъ изданіяхъ. Но въ folio прибавлено еще слѣдующее:

ПАНДАРЪ. Нѣтъ, выслушайте раньше...

ТРОИЛЬ. Убирайся, братецъ-прислужникъ, низость и позоръ отнынѣ пусть преслѣдуютъ тебя всю твою жизнь и живи навсегда съ такимъ именемъ. (*Hence brother lackie, ignomie and shame pursue thy life and live aye with thy name*).

Это первоначальное заключеніе пьесы было исправлено Марстономъ. Если сравнить теперешнее окончаніе съ прежнимъ, то самымъ важнымъ измѣненіемъ является перемѣна стиха: "*Hence, broker, lackie, ignomy and shame*".

Замѣна слова "brother" другимъ, "broker", допускаетъ предположеніе, что Марстонъ имѣлъ въ рукахъ экземпляръ первоначальной пьесы и замѣтилъ искаженіе, вкравшееся въ текстъ.

Изъ другихъ лицъ, относящихся къ любовной драмѣ ни одно не представляетъ чего либо выдающагося.

Изъ дѣйствующихъ лицъ, вставленныхъ Шекспиромъ въ драму при пересмотрѣ ея, наиболѣе значительное и характерное – Улиссъ. Основная черта его, какъ сказано выше, большая жизненная мудрость и знаніе людей. Но мудрость Улисса не будитъ въ немъ любви къ людямъ. Напротивъ того, онъ пользуется ею главнымъ образомъ для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ своей жизненной философіи, онъ представляетъ большое сходство съ другимъ лицомъ изъ "Короля Лира" Эдмундомъ. Но онъ пользуется людьми не для своей личной выгоды, а въ интересахъ дѣла, которому посвятилъ себя. Онъ стоитъ по-уму выше всѣхъ остальныхъ грековъ, даже выше Нестора, который читаетъ Крессида только "смышленной женщиной". Несторъ и Агамемнонъ, не говоря о Менелай и остальныхъ, ступеньками идутъ передъ выдающимся умомъ Улисса.

Стоить задуматься надъ тѣмъ, почему Ахиллъ выставленъ Шекспиромъ въ такомъ несимпатичномъ видѣ. Ульрици видитъ въ этомъ² подтвержденіе своего предположенія, что драма задумана какъ пародія. Но, какъ уже указано, не слѣдуетъ забывать, что греческій герой почерпнуть не изъ греческаго источника, а изъ произведенія среднихъ вѣковъ, когда принято было низводить все греческое и восхвалять троянцевъ. Единственное лицо, навѣянное Илиадой, – Терситъ. Только семь пѣсенъ Илиады, и то не въ послѣдовательномъ порядкѣ, появились по англійски, когда написана была наша драма. Но Терситъ только намѣченъ Гомеромъ; въ драмѣ же онъ низведенъ до глубинъ паденія и стоитъ на одной ступени съ Пандаромъ. Онъ такъ же ненавидитъ и презираетъ людей, какъ Тимонъ Аѳинскій, но въ немъ нѣтъ величія Тимона. Въ рукахъ Марстона, въ IV и V актахъ, Терситъ въ значительной степени утрачиваетъ свой умъ и становится отвратительнымъ. Это особенность всѣхъ дѣйствующихъ

68

лицъ этой драмы, намѣченныхъ Шекспиромъ и разработанныхъ Марстономъ. Гекторъ отличается скромностью въ замыслѣ Шекспира, но при встрѣчѣ съ Ахилломъ онъ соперничаетъ съ нимъ въ напыщенности и ярости. Напыщенность – особенность всѣхъ характеровъ Марстона, какъ я выяснилъ въ статьѣ о "Троилѣ и Крессидѣ" въ "Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" (ноябрь, 1900 г.), гдѣ собранъ обширный матерьялъ для сравненія извѣстныхъ пьесъ Марстона съ приписываемыми ему здѣсь сценами въ драмѣ Шекспира. Не только Гекторъ и Ахиллъ, но Діомедъ, Эней, и даже мудрый Несторъ обнаруживаетъ склонность къ напыщенности (А. V, сц. 5). Улиссъ тоже не чуждъ этой черты, и въ той же сценѣ (стихи 30-42) есть много слѣдовъ ея. Правда, онъ говоритъ объ Ахиллѣ, а не о себѣ, какъ другіе, но тонъ, все таки, остается напыщеннымъ.

И именно это ослабленіе пьесы къ концу и не позволяетъ допустить, чтобы Шекспиръ былъ отвѣтственъ за ея напыщенность. Даже убѣжденные поклонники поэта охотно допускали, что послѣднія семь сценъ не имъ написаны. Но кто точно прослѣдитъ за развитіемъ характеровъ и сравнитъ ихъ между собой въ пятомъ актѣ и въ части, приписываемой Марстону въ предшествующихъ актахъ, убѣдится, что та же напыщенность, которая портитъ послѣднее дѣйствіе, искажаетъ ихъ и въ предшествующихъ. Для того, чтобы помочь всякому, кто займется такимъ изслѣдованіемъ, я даю таблицу съ раздѣленіемъ драмы на то, что написано Шекспиромъ раньше, на то, что написано имъ позже и на то, что принадлежитъ Марстону. Такая таблица, конечно только приблизительно соответствуетъ дѣйствительности. Но и въ такомъ видѣ она можетъ помочь разобраться въ этой, самой запутанной по составу, драмѣ Шекспира³.

Нельзя также точно установить относительно Марстона, какъ относительно Бомонта, Флетчера, Джонсона и другихъ, что актеры королевской труппы приглашали его писать для своего театра. Но однако фактъ, что Вилькинсъ написалъ 1-ый и 2-ой акты "Перикла", хотя тоже нельзя доказать, что онъ когда либо былъ приглашенъ писать для этого театра. Въ такихъ случаяхъ нельзя добиваться несомнѣнныхъ доказательствъ и нужно ограничиваться наиболѣе вѣроятными предположеніями.

Робертъ Бойль⁴.

69

<Сверху на странице расположена иллюстрація «Герои Троянской войны въ изображеніяхъ античныхъ вазъ» (ваза в Лувре: Ахиллес и Патрокл прощаются с родителями; James Millingen, Painted Greek, rases London, 1822).>

Дѣйствующія лица:

ПРІАМЪ, царь троянскій.

ГЕКТОРЪ.

ПАРИСЪ.

ТРОИЛЬ.

ДЕЙФОБЪ.

ЭЛЛЕНЪ.

ЭНЕЙ.

АНТЕНОРЪ.

} Сыновья Пріама.

} Троянскіе вожди.

КАЛХАСЪ, троянскій жрецъ, сторонникъ грековъ.

ПАНДАРЪ, дядя Крессиды.

МАРГАРЕЛОНЪ, побочный сынъ Пріама.

АГАМЕМНОНЪ, греческій полководецъ.

МЕНЕЛАЙ, братъ его.

АХИЛЛЕСЪ.

АЯКСЪ.

УЛИССЪ.

НЕСТОРЪ.

ДІОМЕДЪ.

ПАТРОКЛЪ.

} Греческіе вожди.

ТЕРСИТЪ, безобразный и непристойный грекъ.

АЛЕКСАНДРЪ, слуга Крессиды.

ЕЛЕНА, жена Менелая.

АНДРОМАХА, жена Гектора.
КАССАНДРА, дочь Пріама, пророчица.
КРЕССИДА, дочь Калхаса.
Троянскіе и греческіе солдаты, слуги и народъ.

Дѣйствіе происходитъ частію въ Троѣ, частію въ греческомъ лагерѣ.

70

<Сверху на странице расположена иллюстрація рисунка «Мѣстность древней Трои» (Schliemann, Troja, Leipzig, 1884).>

ПРОЛОГЪ.

Арена – Троя. Гнѣвомъ благороднымъ
Охваченные, къ гавани Аѳинъ
Шлють корабли властители Эллады,
На корабляхъ – войска, орудья битвъ.
Все – для войны. И вотъ, шестьдесятъ девять
Увѣнчанныхъ царей даютъ обѣтъ
Разрушить Трою, и отъ волнъ аѳинскихъ
Пускаются къ далекимъ берегамъ.
Тамъ нѣжится за крѣпкими стѣнами,
Похищена Парисомъ и въ его
Объятіяхъ – супруга Менелая –
Предметъ раздора. Греки пристають
Къ Тенедосу. Тяжелыя суда
На берегъ грузъ воинственный спустили,
И бодрые, не смятые борьбой,
На царственныхъ равнинахъ дарданійскихъ
Разбили греки пышные шатры.
Всѣ шесть воротъ у города Пріама:
Тимбрійскія, Троянскія ворота,
Аntenоридскія, Дарданскія, Хетскія
И Илліонскія, – скрывая за собой
Питомцевъ Трои, замкнуты вплотную
Желѣзными засовами внутри,
Входящими въ огромнѣйшія скобы.
Надежда на себя такъ разжигаетъ
Тѣхъ и другихъ, что греки и троянцы
Равно рассчитываютъ только на удачу.

И если я, Прологъ, являюсь здѣсь
Вполнѣ вооруженнымъ, то конечно,
Не съ тѣмъ, чтобы актеровъ защитить
Иль автора перо, а лишь повѣдать,
О, зрители почтеннѣйшіе, вамъ,
Облекшись въ плащъ, достойный представленья,
Что опустивъ начало той войны,
Все дѣйствіе начнется съ середины
И оборвется тамъ, гдѣ надо. Вы
Хвалите представленье, иль браните,
Все въ вашей волѣ. Здѣсь, какъ на войнѣ,
Отъ случая зависитъ все вполнѣ.

71

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Троя; передъ дворцомъ Приама.

Входитъ вооруженный ТРОИЛЬ, съ нимъ ПАНДАРЪ.

ТРОИЛЬ.

Зови слугу. Я вновѣ сниму доспѣхи.
Зачѣмъ мнѣ биться внѣ троянскихъ стѣнъ,
Когда во мнѣ, во мнѣ самомъ ужаснѣй
Кипитъ война! Пусть съ греками ужъ тотъ
Сражается, кто самъ надъ сердцемъ властенъ.
Троиль, увы, утратилъ эту власть.

ПАНДАРЪ.

Ты няньчиться съ собой намѣренъ долго?

ТРОИЛЬ.

Умѣютъ греки силою своей
Распорядиться. Ловкость ихъ доходитъ
До лютости, а лютость – до геройства...
Я-жъ женскихъ слезъ слабѣе, я пугливѣй
Ночного сна, глупѣе, чѣмъ незнанье.
Геройства-же во мнѣ не больше, чѣмъ
У дѣвушки въ полночи. Ловкость! Ловкость!

Любой ребенокъ превзойдетъ меня.

ПАНДАРЬ. Ладно. Достаточно у насъ съ тобой было говорено объ этомъ. Больше я не намѣренъ вмѣшиваться въ это дѣло. Кто желаетъ получить пшеничный пирогъ, пусть подождетъ, пока смелютъ пшеницу.

ТРОИЛЬ. Развѣ мало я ждалъ!

ПАНДАРЬ. Да, пока мололи. Подожди, пока просѣютъ.

ТРОИЛЬ. Развѣ мало я ждалъ!

ПАНДАРЬ. Да, пока просѣивали. Подожди, когда взойдетъ тѣсто.

ТРОИЛЬ. Ждалъ и этого.

ПАНДАРЬ. Да... тѣста! Но то не все. Еще надо замѣсить тѣсто, сдѣлать пирогъ, затопить печь и посадить въ нее пирогъ... Да и этого еще мало. Надо дать пирогу простыть, а не то, не равно, губы обожжешь.

ТРОИЛЬ.

Терпѣнье – Богъ, но даже онъ едва-ли
Сносить страданья можетъ такъ, какъ я!
Когда, порой, за трапезой Пріама
Въ моихъ мечтахъ возникнетъ какъ то вдругъ
Чарующій и свѣтлый ликъ Крессиды –
Возникнетъ! О, какъ смѣю я такъ лгать!
Да есть-ли мигъ, когда онъ не со мною!

ПАНДАРЬ. Надо сознаться, вчера вечеромъ она мнѣ показалась особенно красивой. Врядъ-ли могла соперничать съ нею какаянибудь другая женщина.

ТРОИЛЬ.

О, да! Я также видѣлъ. Въ цѣломъ мірѣ
Прекраснѣй нѣтъ. А сердце! Ахъ, оно
Отъ вздоховъ то грозило разорваться,
То выскочить изъ груди. Но, боясь,
Чтобы отецъ, иль Гекторъ не постигли
Завѣтной тайны, я ее скрывалъ
Улыбкою. Такъ солнце поглощаетъ
Своимъ сіяньемъ тучи. Но печаль,
Прикрытая притворною улыбкой,
Подобна счастію: блеснетъ
И вдругъ во тьмѣ страданья пропадетъ.

ПАНДАРЬ. Не будь ея волосы немного потемнѣе, чѣмъ у Елены, по моему, ихъ и сравнивать было бы невысказано. Впрочемъ, она мнѣ родственница, и я вовсе не желаю нареканій въ томъ, что, какъ говорится, хвалю ея. Однако, я желалъ бы, чтобъ кто нибудь вчера подслушалъ, какъ я, ея разговоръ. Конечно, я нисколько не умаляю ума твоей сестры Кассандры, но...

Троиль.

О, Пандаръ, замолчи! Когда тебѣ
Я говорю, что всѣ мои надежды
Потоплены навѣкъ... – ты измѣряешь
Всю глубину пожравшей ихъ пучины!...
Какъ другу, довѣряюся тебѣ,
Что отъ любви къ Крессидѣ я стораю,
Схожу съ ума, – а ты терзаешь мнѣ
Сердечную, мучительную рану
То царственною поступью ея,
То чудными глазами, то щекою,
То волосами. О ея рукѣ
Ты говоришь, въ сравненіи съ которой
Все бѣлое – чернила, лишь къ тому
И годные, чтобъ въ этомъ расписаться.
Лебяжій пухъ тяжелъ и грубъ съ ней рядомъ,
А нѣжное дыханіе Зефира –
Шершавѣ ладони землепашца.
Хоть говоришь безспорную ты правду,
Но для чего она, когда я самъ

72

Одно и то же вѣчно повторяю:
"Люблю! Люблю безумно!" И взаимѣнъ
Цѣлебнаго бальзама, ты мнѣ въ рану
Вонзаешь ножъ любви.

Пандаръ. Что-жъ, правду не переростешь.

Троиль. Ты не сравнишься съ правдой.

Пандаръ. Ладно. Если такъ, мое дѣло сторона. Пусть она будетъ такой,
какъ ей заблагоразсудится. Хороша – тѣмъ лучше для нея. Не хороша –
средство помочь бѣдѣ у нея подъ руками.

Троиль. Ну, полно, Пандаръ, добрый мой Пандаръ.

Пандаръ. И вотъ награда за всѣ мои страданія. Изъ-за нея – твое
пренебреженіе ко-мнѣ, изъ-за тебя – ея пренебреженіе. Я-то мечусь отъ
одной къ другому, и вотъ – благодарность!

Троиль. Неужели ты обидѣлся, Пандаръ? Это на меня-то!

Пандаръ. Если она мнѣ родственница, такъ значитъ и не можетъ быть
хороша, какъ Елена. А не будь родственницей – о, тогда ее и въ пятницу
можно признать столь-же красивой, какъ Елена въ воскресенье. Да мнѣ то

что за дѣло! Будь она такъ же черна и дурна, какъ арапка, не все-ли мнѣ равно!

ТРОИЛЬ. Да развѣ я говорю, что она не хороша?

ПАНДАРЬ. Не все-ли мнѣ равно, говоришь ты, или нѣтъ. Дура она, что остается здѣсь безъ отца. Отправилась бы къ грекамъ. При первой же встрѣчѣ я ей это внушу. Ну, а я? Мое дѣло – сторона. Не стану я въ это мѣшаться.

ТРОИЛЬ. Пандарь!

ПАНДАРЬ. Ни въ какомъ случаѣ!

ТРОИЛЬ. Славный мой Пандарь...

ПАНДАРЬ. Сдѣлай милость, не приставай. Я, какъ все засталъ, такъ и оставляю. Кончено. *(Уходитъ)*.

(За сценой трубятъ тревогу).

ТРОИЛЬ.

Умолкни, гуль противный! Замолчите
Вы, звуки возмутительные! Всѣ,
Всѣ вы глупцы и греки и троянцы!
Пусть хороша Елена, если вы
Здѣсь каждый день своею кровью въ этомъ
Расписываетесь. Но я
Не въ силахъ воевать за это: поводъ
Ничтожный здѣсь для моего меча.
Но, Пандарь! Пандарь! Какъ вы безпощадны
Ко мнѣ о, боги! Безъ него, увы,
Мнѣ не проникнуть никогда къ Крессидѣ.
А онъ! Лишь только рѣчь зайдетъ о ней,
Становится такимъ-же безпощаднымъ,
Такимъ же грознымъ, какъ она сама.
Когда свою невинность защищаетъ
Отъ пламенныхъ намѣреній моихъ.
О, Аполлонъ! Хоть ради Дафны только
Скажи мнѣ, что Крессида? Пандарь? Я?
Ей Индія и ложе и отчизна,
Жемчужина безцѣнная она...
Межъ ней и мной и нашимъ Иліономъ
Какъ бы кипитъ мятежный океанъ.
Я противъ волнъ плыву за ней, и Пандарь
Мой утлый челнъ, мой кормчій, якорь мой,
Маякъ надеждъ, обманчивый въ туманѣ.

(Снова трубятъ тревогу).

Входитъ ЭНЕЙ.

ЭНЕЙ.

Зачѣмъ ты здѣсь, а не на полѣ битвы?

Троиль.

Затѣмъ, что здѣсь. Отвѣтъ, конечно, бабій,
Но кстати онъ. Не правда-ль? Быть не тамъ,
Умѣстно бабѣ. Но скажи скорѣе,
Что новаго на полѣ битвы?

Эней.

То,
Что раненый Парисъ домой вернулся.

Троиль.

Кѣмъ раненъ?

Эней.

Менелаемъ.

Троиль.

О, пускай
Струится кровь. Забавна только рана:
Ее нанесъ рогами Менелай.

(Тревога).

Эней.

Ты слышишь-ли, какая за стѣнами
Идетъ потѣха?..

Троиль.

Я бы предпочелъ
Ее въ стѣнахъ, когда бъ въ одно слилися
Хотѣть и мочь. Но время. Дѣло къ спѣху.
Идешь?

Эней.

Сейчасъ.

Троиль.

Такъ вмѣстѣ на потѣху!

(Уходятъ).

<Сверху на странице расположена иллюстрация с изображением головы древнегреческого юноши (Афинский акрополь, VI-V в. д. н. э.).>

СЦЕНА II.

Другая улица въ Троѣ.

Входятъ КРЕССИДА и АЛЕКСАНДРЪ.

КРЕССИДА.

Кто это былъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Елена и Гекуба.

КРЕССИДА.

Куда-жъ онѣ?

АЛЕКСАНДРЪ.

На битву поглядѣть –
Къ восточной башнѣ, царственно стоящей
Надъ полемъ. Гекторъ нынче раздраженъ.
Куда терпѣнье дѣлось! Андромеху
Онъ разбранилъ, прибилъ оруженосца.
Съ разсвѣтомъ, какъ прилежный земледѣлецъ,
Одѣлъ доспѣхи бранные и въ поле
Направился, гдѣ весь въ росѣ, цвѣтокъ
Какъ бы слезами горестными плачетъ,
Несчастіе предвидя, какъ пророкъ.

КРЕССИДА.

А что его взбѣсило такъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Да слухи,
Что будто въ станѣ грековъ есть герой,
Троянецъ – кровью, съ именемъ Аякса....

Племянникъ Гектора при этомъ...

КРЕССИДА.

И затѣмъ?

АЛЕКСАНДРЪ.

Онъ, говорятъ, весьма своеобразенъ
И держится всегда особнякомъ.

КРЕССИДА. Да и всякій такъ держится, коли не пьеть, не боленъ и съ цѣлыми ногами.

АЛЕКСАНДРЪ. Этотъ человѣкъ, по отзывамъ, воспринялъ всѣ качества звѣрей: онъ храбръ, какъ левъ, грубъ, какъ медвѣдь, неповоротливъ, какъ слонъ. Природа до того перепутала въ немъ всѣ эти крайности, что его мужество граничитъ съ глупостью, за то въ глупости прорывается истинная мудрость. Нѣтъ того порока и добродѣтели, которые не сказались бы въ немъ такъ или иначе. Онъ безъ причины бываетъ печаленъ, и ни съ того, ни съ сего веселъ. У него всего много, но все въ разладъ: это какой-то паралитикъ –

74

Бріарей: сто рукъ и не управляется съ ними, – или – Аргусъ: весь въ глазахъ и ничего не видитъ.

КРЕССИДА. И этотъ забавный человѣкъ могъ взбѣсить Гектора!

АЛЕКСАНДРЪ. Слышно, вчера, въ бою, онъ схватился съ Гекторомъ и повалилъ его, оттого Гекторъ, пристыженный и униженный, пересталъ ѣсть и спать.

КРЕССИДА. Кто тамъ идетъ?

АЛЕКСАНДРЪ. Вашъ дядя Пандаръ.

Входитъ ПАНДАРЪ.

КРЕССИДА. А все-же Гекторъ храбрый человѣкъ.

АЛЕКСАНДРЪ. Во всемъ мірѣ нѣтъ равнаго ему по храбрости.

ПАНДАРЪ. Въ чемъ дѣло? О чемъ рѣчь?

КРЕССИДА. Доброго утра, дядя Пандаръ.

ПАНДАРЪ. Доброго утра, племянница Крессида. О чемъ это вы бесѣдовали? Доброго утра, Александръ. Какъ поживаешь племянница? Когда изъ Иллиона?

КРЕССИДА. Нынче утромъ, дядя.

ПАНДАРЪ. О чемъ шла рѣчь, когда я подходилъ къ вамъ... А Гекторъ дома былъ, когда ты шла въ Иллионъ, или онъ ужъ вооружился и ушелъ? А Елена, вѣрно и не вставала еще?

КРЕССИДА. Гекторъ уже ушелъ, но Елена еще не вставала.

ПАНДАРЪ. Раненько-же онъ ушелъ сегодня!

КРЕССИДА. Объ этомъ-то мы и бесѣдовали, когда ты подошелъ. Да еще о томъ, что онъ былъ въ ярости.

ПАНДАРЪ. А онъ былъ въ ярости?

КРЕССИДА. Да, вотъ по его словамъ.

ПАНДАРЪ. Такъ оно и есть. Я знаю почему. Достанется нынче отъ него грекамъ! Да и Троиль отъ него не отстанетъ. Берегись они Троила! Могу поручиться!

КРЕССИДА. Какъ! развѣ онъ тоже сердить?

ПАНДАРЪ. Кто? Троиль? Да Троиль-то еще позначительнѣе будетъ.

КРЕССИДА. О, Юпитеръ! Можно-ли ихъ сравнивать!

ПАНДАРЪ. Троила съ Гекторомъ! Да развѣ ты не отличишь мужа, развѣ увидѣвъ его?

КРЕССИДА. Разумѣется, если я прежде видала и отличала его.

ПАНДАРЪ. Вотъ я и говорю. Троиль есть Троиль.

КРЕССИДА. И я убѣждена, что онъ не можетъ быть Гекторомъ.

ПАНДАРЪ. Но за то Гекторъ не Троиль.

КРЕССИДА. Справедливо. Каждый самъ по себѣ.

ПАНДАРЪ. Самъ по себѣ! Увы, бѣдный Троиль! Если-бы онъ могъ быть самъ по себѣ.

КРЕССИДА. Такъ онъ и есть.

ПАНДАРЪ. Если-бы было такъ, я бы съ радости босикомъ въ Индію сходилъ.

КРЕССИДА. Однако, не сталъ же онъ Гекторомъ.

ПАНДАРЪ. Самъ по себѣ! Желалъ-бы я, чтобы онъ былъ самъ по себѣ. Но вѣдь есть-же надъ нами боги! Время все можетъ исправить. Жди, Троиль, прійдетъ твое время. Желалъ-бы я, чтобы въ ея груди было мое сердце. Нѣтъ, Гекторъ ни въ какомъ случаѣ не лучше Троила.

КРЕССИДА. Ну, ужъ извини.

ПАНДАРЪ. Онъ, во-первыхъ, старше.

КРЕССИДА. Извини, извини.

ПАНДАРЪ. А Троиль еще не дожилъ до его лѣтъ. Посмотримъ, что ты скажешь, когда онъ доживетъ. Гектору не мѣшало-бы признанъ ума у младшаго, но только... не въ этомъ году.

КРЕССИДА. Ему и не зачѣмъ занимать: своего достаточно.

ПАНДАРЪ. Нѣтъ у него тѣхъ достоинствъ, какія есть у Троила.

КРЕССИДА. Какія это?

ПАНДАРЪ. Во-первыхъ, нѣтъ такой красоты.

КРЕССИДА. Зачѣмъ ему такая красота? Своя къ нему больше идетъ.

ПАНДАРЪ. У тебя не достаётъ вкуса, племянница. Давеча сама Елена клялась, что смуглость Троила для мужчины... онъ правда смуглъ... въ томъ нельзя не сознаться... И однако, не совсѣмъ.

КРЕССИДА. Совсѣмъ смуглъ.

ПАНДАРЬ. По правдѣ, онъ и смугль и не смугль.

КРЕССИДА. По правдѣ, эта правда – неправда.

ПАНДАРЬ. По ея словамъ, цвѣтъ его лица куда лучше, чѣмъ у Париса.

КРЕССИДА. По моему, румянецъ у Париса достаточно свѣжъ.

ПАНДАРЬ. Достаточно.

КРЕССИДА. Значитъ, Троилъ не въ мѣру румянъ. Если Елена говорила, что цвѣтъ его лица лучше, чѣмъ у Париса, значитъ онъ ярче, а такъ какъ Парисъ достаточно румянъ, онъ долженъ быть ярче яркаго. Изъ этого слѣдуетъ, что такая похвала слишкомъ ярка. Пожалуй, такъ

75

золотой язычокъ Елены найдетъ, что у Троила мѣдный носъ, и станетъ его восхвалять за это.

ПАНДАРЬ. Я готовъ дать клятву, что Еленѣ онъ нравится больше, чѣмъ Парисъ.

КРЕССИДА. О, значитъ, у этой гречанки прелегкомысленный нравъ!

ПАНДАРЬ. Я увѣренъ, что онъ ей нравится. На дняхъ она приблизилась къ нему... Онъ стоялъ у оконной ниши... Ты знаешь, вѣдь у него на подбородкѣ всего три-четыре волоска растутъ.

КРЕССИДА. Да, откровенно говоря, ихъ легко счесть и безъ математики. Любой трактирный слуга подсчитаетъ.

ПАНДАРЬ. Да, онъ еще очень молодъ. И все таки, сила у него такая, что онъ... ну, можетъ быть, на три фута меньше вытянетъ, чѣмъ его братъ Гекторъ.

КРЕССИДА. Да неужели! Такъ молодъ и такая прыть!

ПАНДАРЬ. И вотъ доказательство, что Елена къ нему не равнодушна: она подошла къ нему и прикоснулась своей бѣлой ручкой къ его раздвоенному подбородку.

КРЕССИДА. О, сжался Юнона! Кто-же ему раздвоилъ подбородокъ?

ПАНДАРЬ. Не то. У него, знаешь, ямочка на подбородкѣ. По моему, во всей Фригii ни у кого нѣтъ подобной улыбки.

КРЕССИДА. О, улыбка у него замѣчательная!

ПАНДАРЬ. Не правда-ли?

КРЕССИДА. Какъ осенняя туча.

ПАНДАРЬ. Ну, говори, говори... Однако, чтобы доказать тебѣ, что Елена влюблена въ Троила...

КРЕССИДА. Докажи это Троилу. Ему интереснѣе.

ПАНДАРЬ. Троилу! Но она для него не интереснѣе выѣденнаго яйца.

КРЕССИДА. Если ты такъ же любишь выѣденныя яйца, какъ пустыя головы, то поѣшь всѣхъ не вылупившихся цыплятъ.

ПАНДАРЬ. Вспомнить не могу безъ смѣха, какъ она щекотала ему подбородокъ. Вѣдь, у Елены дивная ручка, надо сознаться.

КРЕССИДА. И даже – безъ пытки.

ПАНДАРЪ. Вдругъ, она нашла сѣдой волосокъ на его подбородкѣ.

КРЕССИДА. Бѣдный подбородокъ! Онъ можетъ позавидовать многимъ бородавкамъ.

ПАНДАРЪ. Сколько тутъ было смѣха! Царица Гекуба хохотала до слезъ; онѣ выкатывались у нея...

КРЕССИДА. Какъ жернова.

ПАНДАРЪ. И Кассандра хохотала такъ...

КРЕССИДА. Что глаза выкатывались? Или и у нея изъ глазъ катились слезы?

ПАНДАРЪ. И Гекторъ до того смѣялся...

КРЕССИДА. Надъ чѣмъ-же они, однако, такъ надрывались отъ смѣха?

ПАНДАРЪ. Да все надъ тѣмъ-же сѣдымъ волоскомъ, который Елена открыла на Троиловомъ подбородкѣ.

КРЕССИДА. Вотъ если-бы зеленый волосъ она у него нашла, я бы, пожалуй, посмѣялась тоже.

ПАНДАРЪ. Ихъ разсмѣшилъ еще не столько волосъ, сколько забавный отвѣтъ его.

КРЕССИДА. Что-же онъ такое отвѣтилъ?

ПАНДАРЪ. "Знаешь, – сказала Елена, – у тебя на подбородкѣ всего пятьдесятъ одинъ волосъ и одинъ изъ нихъ посѣдѣлъ.

КРЕССИДА. Только и всего?

ПАНДАРЪ. Постой. "Пятьдесятъ одинъ, – отвѣчаетъ онъ, – и одинъ изъ нихъ посѣдѣлъ. Значить, этотъ сѣдой – мой отецъ, а остальные – его сыновья". "О, Юпитеръ! – воскликнула она на это. – Который-же изъ нихъ супругъ мой – Парисъ?" – "Раздвоенный, – отвѣчаетъ Троиль. – Вырви его и отдай ему". Тутъ всѣ залились смѣхомъ, Елена такъ покраснѣла, а Парисъ такъ разозлился... Ну, а всѣ остальные чуть не лопнули отъ хохота.

КРЕССИДА. Довольно. А то лопнетъ мое терпѣніе отъ этихъ пустяковъ.

ПАНДАРЪ. Дѣло твое, племянница. Я тебѣ вчера кое-что сообщилъ. Подумай объ этомъ.

КРЕССИДА. Думаю.

ПАНДАРЪ. Клянусь, это сушая правда. Троиль такъ плачетъ о тебѣ, какъ будто въ апрѣлѣ родился.

КРЕССИДА. Такъ я вырасту отъ его слезъ, какъ майская крапива. (*Бьютъ отбой*).

ПАНДАРЪ. Смотри, вотъ они возвращаются съ поля битвы. Станемъ здѣсь и поглядимъ, какъ они будутъ проходить въ Илліонъ. Не такъ-ли, моя добрая племянница, моя милая Крессида?

КРЕССИДА. Пожалуй.

ПАНДАРЪ. Стой здѣсь. Отличное мѣсто! Отсюда мы прекрасно все разглядимъ. Я буду называть тебѣ всѣхъ по имени, сообразно съ тѣмъ, какъ они будутъ проходить. Но ты обращай вниманіе на одного Троила.

КРЕССИДА. Не такъ громко.

Проходитъ Эней.

ПАНДАРЪ. Вотъ Эней. Это-ли не дивный

76

мужчина! Могу сказать по совѣсти – одинъ изъ цвѣтковъ Трои. Но все-же ты обращай вниманіе на Троила. Вотъ ты увидишь, каковъ онъ.

КРЕССИДА. А это кто?

Проходитъ Антеноръ.

ПАНДАРЪ. Это Антеноръ. Могу по совѣсти сказать – умнѣйшая голова и очень недурень собой. Однако, что-же не идетъ Троиль? Увидишь, какъ только онъ замѣтитъ меня, сейчасъ сдѣлаетъ условный знакъ головою.

КРЕССИДА. Осчастливить тебя.

ПАНДАРЪ. Увидишь.

КРЕССИДА. Велика важность.

Проходитъ Гекторъ.

ПАНДАРЪ. А вотъ и Гекторъ. Вонъ тотъ... тотъ самый молодчина. Да, племянница, Гекторъ мужчина хоть куда! Храбрый, мужественный... Замѣть, какъ онъ смотритъ! Какова осанка! Это величіе. Развѣ не молодчина?

КРЕССИДА. Неоспоримо.

ПАНДАРЪ. Не правда-ли! Сердце радуется при взглядѣ на него. Замѣть, какіе рубцы на его шлемѣ. Вглядиись хорошенько. Видишь? Это не шутка. По этимъ рубцамъ видно, что жаркое дѣло было. Это рубцы!

КРЕССИДА. И все отъ мечей?

ПАНДАРЪ. Не все-ли равно, отъ мечей, или не отъ мечей. Хоть самъ чортъ на него напади, онъ не поддастся. Всѣхъ боговъ призываю въ свидѣтели, – сердце радуется при взглядѣ на него. А вонъ Парисъ идетъ. Видишь, вотъ, вотъ Парисъ.

Проходитъ Парисъ.

ПАНДАРЪ. Смотри на него, племянница. Развѣ не красивъ и онъ! Что-же ходили слухи, что онъ уже возвратился домой и раненъ? Ни малѣйшей раны! То-то обрадуется Елена, когда онъ вернется домой невредимымъ! Теперь бы взглянуть на Троила. Что-же Троиль?

Проходитъ Элленъ.

КРЕССИДА. А это кто?

ПАНДАРЪ. Элленъ. Странно, однако, – нѣтъ и нѣтъ Троила. Да... Элленъ... Или тотъ сегодня не выходилъ на бой?.. Этотъ... да... Этотъ – Элленъ.

КРЕССИДА. А развѣ Эллень тоже въ состояніи сражаться?

ПАНДАРЪ. Эллень-то? Куда ему! То есть, такъ себѣ... и въ состояніи и не въ состояніи... Удивляюсь, куда запропастился Троиль? Слушай... Тамъ, кажется, кричатъ: "Троиль"?.. Нѣтъ, куда Эллину драться! Эллень трусь.

КРЕССИДА. А это что за пиголица переступаетъ тамъ?

Проходитъ Троиль.

ПАНДАРЪ. Гдѣ?.. А, ты не про того! Это – Дейфобъ... А вотъ – Троиль. Что, племянница! Каковъ человѣкъ! Да, доблестный Троиль. Герой надъ героями!

КРЕССИДА. Тише. Постыдился-бы!

ПАНДАРЪ. А ты взглядишь въ него. Запомни хорошенько. О, храбрый Троиль! Замѣть, какъ окровавленъ мечъ его. А шлемъ-то! Шлемъ-то! Изсѣченъ больше, чѣмъ у Гектора. Замѣть, какой взглядъ! Какая поступь! О, дивный юноша! И ему нѣтъ двадцати трехъ лѣтъ! Иди своей дорогой, Троиль! Иди своей дорогой! Будь у меня сестра грація, или дочь богиня, я предоставилъ бы ему любую. Дивный мужчина! Парись? Парись – тѣфу передъ нимъ. Елена съ радостью отдала-бы за этого – того, да еще собственный глазъ въ придачу.

Проходятъ нѣсколько простыхъ воиновъ.

КРЕССИДА. Вотъ и еще идутъ.

ПАНДАРЪ. Ослы! Дураки! Олухи! Труха и солома! Солома и труха! Похлебка послѣ мяса! Я до самой смерти могъ бы, кажется, не сводить глазъ съ Троиля. Ну, что ты смотришь еще? Что? Улетѣли орлы, остались только вороны, да галки, галки, да вороны. Ужъ если на кого походить, такъ я предпочелъ бы быть Троиломъ, скорѣе, чѣмъ всѣми греками вмѣстѣ, съ прибавкой Агамемнона.

КРЕССИДА. Среди грековъ есть Ахиллесъ. Далеко до него Троилу.

ПАНДАРЪ. Ахиллесъ! Да это ломовой извощикъ, носильщикъ, верблюды!.. и больше ничего.

КРЕССИДА. Полно, полно.

ПАНДАРЪ. Чего полно! Есть у тебя понятіе? Есть глаза? Не можешь отличить мужа! Развѣ порода, красота, статность, краснорѣчіе, мужество, образованіе, воспитаніе, любезность, добродѣтель, юность, щедрость и все прочее – не та соль, не тѣ пряности, которыя приправляютъ человѣка.

КРЕССИДА. И не говори! Человѣкъ изъ особеннаго тѣста, въ которое и финиковъ класть не надо: безъ нихъ всходить.

ПАНДАРЪ. Престранная ты женщина. Нѣтъ возможности предвидѣть твои

отвѣты, на какое слово ты наляжешь и отъ какого ускользнешь.

КРЕССИДА. Я полагаюсь на спину, чтобы защитить животъ, на умъ, чтобы защитить лукавство, на скромность, чтобы защитить честь. Маской защищаю я красоту, а тобою – все это разомъ. Вотъ тѣ слова, на которыя я опираюсь при отвѣтахъ. У меня ихъ не счесть, какъ и средствъ для самозащиты.

ПАНДАРЪ. Нельзя-ли узнать хоть одно?

КРЕССИДА. Ни за что. Лучшее средство для защиты – молчаніе. Если то, что нуждается въ защитѣ, я не съумѣю сохранить отъ постороннихъ рукъ, то, по крайней мѣрѣ, я скрою пораженное мѣсто. Развѣ ужъ, если оно вспухнетъ до очевидности... Тогда ужъ поздно охранять.

ПАНДАРЪ. Престранное ты существо.

Входитъ мальчикъ, слуга ТРОИЛА.

МАЛЬЧИКЪ (*Пандару*). Мой господинъ желаетъ сейчасъ-же поговорить съ тобою.

ПАНДАРЪ. Гдѣ онъ?

МАЛЬЧИКЪ. У тебя на дому. Онъ снимаетъ теперь свои доспѣхи.

ПАНДАРЪ. Передай ему, славный юноша, что я иду. (*Мальчикъ уходитъ*). Боюсь, не раненъ ли онъ! Прощай, любезная племянница.

КРЕССИДА. Прощай, дядя.

ПАНДАРЪ. Я скоро опять увижусь съ тобою.

КРЕССИДА. Съ чѣмъ тебя ждать, дядя?

ПАНДАРЪ. Съ доказательствомъ любви ТРОИЛА. (*Уходитъ*).

КРЕССИДА. И тѣмъ окончательно докажешь, что ты – сводникъ.

Всѣ жертвы, всѣ дары любви, признанья,
Восторгъ, печаль и слезы и стенанья
Отъ имени другого онъ сулитъ.
Не знаетъ онъ, что сердце говоритъ
Мнѣ о высокихъ качествахъ ТРОИЛА –
Въ сто разъ яснѣй, сильнѣй, чѣмъ отразило
Ихъ зеркало напыщенныхъ похвалъ.
Но не сдаюсь, – какъ онъ бы ни желалъ.
Мы, женщины, мы ангелы, покуда
Въ мужчинахъ къ намъ горитъ огонь. Но чудо
Становится ничѣмъ, когда его
Онъ, вдругъ, возметъ. Одинъ лишь мигъ всего –
И смерть любви! Нѣтъ, какъ бы ни любила
Я милаго, – уста мои могила!

(Уходитъ).

<На странице расположена иллюстрация картины английского художника Кирка (Th. Kirk, † 1797) из коллекции Малой Бойделевской галереи «Пандаръ и Крессиди (Дѣйствие I, сц. 2)».>

СЦЕНА III.

*Станъ грековъ передъ шатромъ Агамемнона. Трубы. Проходятъ АГАМЕМНОНЪ,
НЕСТОРЪ, УЛИССЪ, МЕНЕЛАЙ и другіе.*

АГАМЕМНОНЪ.

Скажите мнѣ, князья и полководцы,
Какая скорбь туманитъ ваши лица
Болѣзненной, злобщей желтизною?
Случалось-ли, чтобъ всѣ предначертанья,
Всѣ планы человѣка исполнялись,
Согласно съ ожиданьями? О, нѣтъ,
И самыя великія дѣянья
Нерѣдко на пути своемъ встрѣчаютъ
Препятствія и бѣды; и они
Нерѣдко развиваются, подобно
Уродливымъ наростамъ, иль узламъ
На царственныхъ могущественныхъ кедрахъ.
Движеніе соковъ въ вѣткахъ и корняхъ
Они въ себѣ задерживаютъ жадно,
И стройный стволъ кривится. Такъ, друзья,
Повѣрьте мнѣ, не стоитъ огорчаться,
Что все еще надежды не сбылись

78

На скорое завоеваніе Трои
И что пока незыблема она.
Всѣ предпріятыя славныя, на сколько
Изъ прошлаго рисуетъ память мнѣ,
Полны такихъ неожиданныхъ отступленій
Отъ ясныхъ начертаній и отъ формъ
Возвышенныхъ и въ мысляхъ совершенныхъ.
Зачѣмъ-же вы въ смятеніи и тоскѣ

Взираете на положенье наше?
Неужто эта мелкая задержка
Вамъ кажется позоромъ? А межъ тѣмъ,
Вы въ ней должны провидѣть испытанье,
Ниспосланное Зевсомъ, чтобъ узнать
Границы нашей вѣры и терпѣнья.
Да, этого металла чистоту
Немыслимо постичь, пока фортуна
Потворствуетъ намъ: храбрый, какъ и трусь,
Силачъ, какъ слабый, умный, какъ и глупый,
Тогда вполнѣ казались-бы равны.
Лишь бури жизни мощнымъ дуновеньемъ
Съ поверхности срываютъ пѣну, муть;
И только то, въ чемъ есть и вѣсь и твердость,
То, что въ огнеупорной чистотѣ
Лежитъ на днѣ плавильнаго сосуда,
Считается металломъ благороднымъ.

НЕСТОРЪ.

Съ тѣмъ уваженьемъ, коего достоинъ
Твой тронъ божественный о, вождь Агамемнонь, —
Твои слова еще дополнить Несторъ.
Испытаннымъ вполнѣ считать себя
Лишь можетъ тотъ, кто стойко перенесъ
Ниспосланныя рокомъ испытанья.
Пока спокойно море, погляди,
Какъ много тамъ мелькаетъ утлыхъ лодокъ,
Сопутствуя испытаннымъ судамъ.
Но только лишь разгнѣванный Борей
Накинется на кроткую Θетиду,
Корабль могучій, крѣпкоробый, вдаль
Среди стихій взволнованныхъ несется,
Похожій на Персеева коня,
А утлая и ветхая ладья,
Еще недавно спорившая дерзко
Съ гигантами, она иль стала вдругъ
Добычею Нептуна, иль укрылась
Въ нѣмую гавань. Истинную доблесть
Такъ отличить легко во время бурь.
Средь блеска и сіянья счастья, оводъ
Страшнѣ стаду кажется, чѣмъ дикій,
Свирѣпый тигръ. Когда гроза дохнетъ,
Столѣтній дубъ склоняетъ вдругъ колѣни,
Подъ сѣнью вязовъ вьется мошкара,

А человекъ, безстрашный и могучій,
Грозою вдохновенный, съ нею въ ладъ
Отвѣтствуетъ разгнѣванному року
Таковыми же громовыми рѣчами.

Улиссъ.

Агамемнонь! Великій вождь, душа
И становой хребетъ Эллады – сердце
И мозгъ несмѣтныхъ полчищъ нашихъ. Ты,
Въ комъ такъ слились всѣ наши мысли, чувства,
Послушай рѣчь Улисса. Но сперва
Позволь воздать отъ глубины сердечной
Достойное хваленіе (*Агамемнону*) тебѣ,
Прославленному доблестью и саномъ.
(*Нестору*). Затѣмъ – тебѣ, своею сѣдиной
Стяжавшему права на уваженіе.
О, царь, чтобъ рѣчь твою запечатлѣть,
Ее десница Греціи на мѣди
Должна бы вырѣзать! А про твою,
Маститый Несторъ, я сказать обязанъ,
Что и ее, какъ и тебя бы, надо
Оправить въ серебро, дабы, какъ ось,
Вокругъ которой небеса вертятся,
Служила связью вѣчною она
Межъ жаднымъ до познання слухомъ грековъ
И языкомъ торжественнымъ твоимъ –
И все-же я молю, благоволите
Ты, славный вождь и, мудрый старецъ, ты
Услышать рѣчь Улисса.

Агамемнонь.

Царь Итаки,
Тебя готовы слушать мы; давно
Извѣстно намъ, что съ мудрыхъ устъ Улисса
Безплодныхъ словъ нельзя и ожидать,
Какъ съ дерзкихъ устъ Терсита невозможно
Ждать мудрости оракула, иль пѣсень.

Улиссъ.

Уже давно была-бъ во прахъ Троя,
Мечъ Гектора давно-бъ упалъ изъ рукъ,
Когда-бы въ станѣ грековъ чтилось свято
Величье власти. Но, увы, шатровъ,
Вѣтрами раздуваемыхъ, не меньше,

Чѣмъ лживыхъ и раздутыхъ самолюбій.
Возможно-ль меда ждать, когда самъ вождь –
Не матка улья и въ раздорѣ пчелы.
Тамъ, гдѣ вождемъ распущены войска,
Тамъ недостойный и достойный рядомъ.
Вездѣ свой строй – и на землѣ внизу,
И въ небесахъ, среди планетъ горящихъ –
Законы первородства всюду есть,
Есть первенство во всемъ, есть соразмѣрность:
Въ обычаяхъ, въ движеніяхъ, въ пути
Вездѣ порядокъ строгій, нерушимый.
Одно свѣтило – солнце, выше всѣхъ.
Оно, какъ на престолѣ, управляя
По царски сонмомъ всѣхъ другихъ планетъ,
Своимъ цѣлебнымъ окомъ исправляетъ
Ихъ вредное воздѣйствіе и видъ,

И злыхъ и добрыхъ равно наставляя.
Но стоитъ разъ планетамъ обойти
Порядокъ свой, – о, сколько бѣдъ возникнетъ
Чудовищно мятежныхъ! Сколько бурь!
Землетрясеній, столкновеній грозныхъ
И перемѣнъ! Смятеніе, ужасъ, мракъ
Цвѣтущихъ странъ разрушать міръ блаженный.
Гдѣ лѣстница для величавыхъ дѣлъ!
Что, кромѣ смерти, ждетъ всѣхъ предпріятыя!
Чѣмъ держится порядокъ стройный школъ!
Сословья въ городахъ, торговля! Только
Священною охраной правъ! Попробуй
Ступени эти вырвать, или вѣру
Поколебать, и скоро вы разладъ
Во всемъ найдете. Въ міръ все къ борьбѣ
Настроено. Недвижимыя воды
Мгновенно возмутятся; затопивъ
Всѣ берега, онѣ и міръ затопятъ,
И станетъ онъ похожъ на мокрый хлѣбъ.
Насиліе поработщаетъ слабость,
И извергъ-сынъ отца замучитъ. Право
Замѣнитъ сила. А еще вѣрнѣй –
Неправда съ правдой, посреди которыхъ

Есть справедливость, – всѣ сольются вдругъ
И стигнуть скоро даже ихъ названья.
Все подпадетъ подъ иго грубой силы,
Сама-жъ она – подъ иго своеволя,
А своеволие – рабъ чревоугодья.
Чревоугодье – ненасытный волкъ,
При помощи сподвижниковъ подобныхъ,
Въ концѣ-концовъ, пожретъ само себя.
Такъ вотъ, о вождь блистательный, что выйдетъ,
Коль упразднить чиноначалье. Да,
Хаосъ вездѣ, во всемъ! Уничтоженъ
Во время войнъ ведетъ лишь къ одному:
Все, что впередъ не движется, обратно
Должно пойти. Ближайшій подчиненный
Съ презрѣньемъ отнесется къ полководцу,
А къ этому – еще стоящій ниже:
Такъ, выростая съ каждою ступеню,
Переходя отъ одного къ другому,
Оно влечетъ соперничество, зависть,
И до сихъ поръ своимъ спасеньемъ Троя
Обязана не мужеству защиты,
А роковымъ раздорамъ въ нашемъ станѣ!
Чтобъ рѣчь мою пространную закончить
Я повторяю: Троя невредима
Не потому, что мужество въ ней сильно,
А потому, что мы безсильны сами.

НЕСТОРЪ.

Я признаю, – недугъ, гнетущій насъ
Опредѣлилъ Улиссъ премудро, вѣрно.

АГАМЕМНОНЪ.

Недугъ открыть, но чѣмъ его лѣчить?

УЛИССЪ.

Чѣмъ? Ахиллесъ великій, тотъ, кого
Молва зоветъ десницей гордыхъ грековъ,
Въ своей палаткѣ, лестью упоенъ,
Валяется, кичась и насмѣхаясь
Надъ нашими стараньями. Патроклъ
Съ нимъ заодно глумится надъ врагами
И насъ клеймитъ позорной клеветой.
Что мы! Тебя, Агамемнонъ великій,
Онъ не щадить... ни имени, ни сана,

И, какъ актеръ бездарный, всѣ таланты
Котораго лишь въ подколѣнной жилѣ,
Въ бесѣдѣ ногъ съ кроватью деревянной,
Позорить онъ твое величье дерзко,
Тѣмъ голосомъ, который дребезжить,
Какъ колоколъ разбитый, и словами,
Которыя въ устахъ Тифона даже
Казались бы гиперболами злыми!
Смотря на эти пошлости, Ахиллъ
Отъ грубыхъ плечъ до живота хохочетъ
И громко восклицаетъ: "Ну, совсѣмъ
Агамемнонъ! Отлично! Превосходно!
Теперь представь мнѣ Нестора, какъ онъ
Предъ каждой рѣчью бороду погладить,
Покашляеть..." И представляетъ тотъ.
Пускай одно похоже на другое,
Какъ на Вулкана мощнаго – жена,
Но Ахиллесъ все вопить: "Превосходно,
Ну, сущій Несторъ! А теперь, Патроклъ,
Представь, какъ онъ въ часы ночной тревоги
Вооружается". И вотъ, Патроклъ опять
Надъ немощами старости глумится:
Онъ кашляетъ, плюетъ и съ дрожью рукъ
Какъ будто бы застегиваетъ латы,
Не попадая въ пряжку ремешкомъ.
А тотъ, герой, катается отъ смѣха,
Крича: "Довольно! Будетъ! Будетъ, другъ,
А то умру отъ смѣха!" Такъ всѣ наши
Достоинства, таланты и черты,
Намѣренья, успѣхи, неудачи
И выдумка и правда – все ему
Посмѣшищемъ и поруганьемъ служить.

Несторъ.

А нечестивцевъ пагубный примѣръ,
Богъ вѣсть за что, – какъ нашъ Улиссъ замѣтилъ, –
Возведенныхъ едва не на Олимпъ,
И прочихъ заражаетъ. Для примѣра
Взять хотъ Аякса. Этотъ тоже сталъ
Заносчивъ, гордъ, себялюбивъ, не меньше,
Чѣмъ Ахиллесъ. Онъ, какъ и тотъ, теперь
По цѣлымъ днямъ въ шатрѣ своемъ пируетъ,

Съ величіемъ оракула глумясь
 Надъ нашими невзгодами. Онъ даже
 Науськиваетъ подлаго Терсита,
 Безстыжаго раба, чья желчь и злость
 Чеканить, какъ фальшивую монету,
 И клевету и гнусности объ насъ.
 Что до того ему, что подрываетъ
 Онъ языкомъ своимъ довѣрье войскъ!

Улиссъ.

Они позорятъ нашу осторожность
 И трусостью зовутъ и на войнѣ
 Считаютъ лишней. Тамъ, по ихъ понятьямъ,
 Одинъ кулакъ полезень. А работу
 Ума, который долженъ вычислять
 И взвѣшивать наличность силъ враждебныхъ,⁵
 Они не ставятъ ни во что. Такой
 Полезный трудъ они считаютъ даже
 Стратегикой постельной, кабинетной.
 Они таранъ, за страшный вѣсь его
 И гибельную скорость, почитаютъ
 Достойнѣе, почтеннѣй той руки,
 Которой онъ сработанъ, или мысли,
 Его создавшей.

Несторъ.

Коль повѣрить имъ,

Такъ этакъ конь Ахилла въ состояньи
 Прижить дѣтей съ Ѳетидою.

(За сценой трубы).

Агамемнонъ.

Трубятъ.

Мой братъ, взгляни, что тамъ?

Менелай.

Посолъ изъ Трои.

Входитъ Эней.

Агамемнонъ.

Зачѣмъ, посолъ, явился къ намъ?

Эней.

Прошу
Отвѣтить: здѣсь шатеръ Агамемнона?

Агамемнонь.

Онъ здѣсь.

Эней.

Осмѣлится-ль герольдъ и вождь
Слухъ царственный его склонить къ посланью?

Агамемнонь.

Не меньше Ахиллеса мечъ
Мои слова надежны, и порукой
Они, что здѣсь посланіе твое
Дойдетъ къ Агамемнону передъ тѣми,
Кто отличилъ избраніемъ его.

Эней.

Достойная порука и любезность.
Но какъ же мнѣ, простому пришлецу,
Царя царей не знавшему доселѣ,
Отъ прочихъ смертныхъ какъ мнѣ отличить?

Агамемнонь.

Какъ отличить?

Эней.

Да, свой вопросъ тебѣ
Я задаю, чтобъ встать съ благоговѣньемъ
Предъ взорами царя, чтобы зажглись
Такимъ румянцемъ вдругъ мои ланиты,
Съ какимъ Заря на Феба обращаетъ
Невинный взоръ. Итакъ, повѣдай мнѣ,
Гдѣ этотъ Богъ по сану и властитель
Сердечъ и думъ? Гдѣ царь Агамемнонь?

Агамемнонь.

Надъ нами насмѣхается троянецъ?
Иль царедворцы льстивые они?

Эней.

Да, можетъ быть, мы, правда, царедворцы,
Когда привѣтъ и миръ несемъ друзьямъ,
Но кличъ войны насъ превращаетъ въ бурю:
Мечи блестятъ, какъ молніи въ рукахъ
Свидѣтель Зевсъ, троянцы не бѣжали.
Но замолчи, Эней! Троянецъ, стой!
Перстъ на уста! Хвала теряетъ цѣну,
Когда она относится къ тому,
Кто говоритъ ее. Лишь та хвала прекрасна,
Которая слетаетъ съ устъ врага.

АГАМЕМНОНЪ.

Скажи, посолъ троянскій, не Энеемъ
Тебя зовутъ?

ЭНЕЙ.

Да, такъ меня зовутъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Съ чѣмъ ты пришелъ къ намъ?

ЭНЕЙ.

Я скажу объ этомъ
Агамемнону.

АГАМЕМНОНЪ.

Онъ не захочетъ
Посланіе троянское, какъ тайну,
Выслушивать.

ЭНЕЙ.

Изъ Трои я пришелъ
Не съ тайною, шептаться я не буду!
Труба со мной, чтобъ сонный слухъ будить

81

И рѣчь свою начну тогда я только,
Когда его вниманіе зажгу.

АГАМЕМНОНЪ.

Троянецъ! Пусть свободную, какъ вихрь,

Услышу рѣчь. Теперь Агамемнону
Не время спать. Онъ самъ передъ тобой.

Эней.

Греми, труба! Греми звончѣй! Пусть льются
Изъ глубины могучей мѣдной груди
Живые звуки въ вялые шатры!
Пусть каждый грекъ услышитъ то, что Троя
Въ лицѣ моемъ открыто говоритъ.

(Трубачи трубятъ).

Ты, царь Агамемнонъ, слыхалъ, быть можетъ,
Что въ Троѣ есть царевичъ Гекторъ, сынъ
Достойнѣйшій достойнаго Пріама.
Наскуча долгимъ перемирьемъ, онъ
Мнѣ предложилъ при трубномъ звукѣ громко
Вамъ возвѣститъ условіе свое,
Цари, вожди и воины!

Найдется-ль

Средь грековъ благороднѣйшихъ – одинъ,
Кто-бъ честь поставилъ выше чѣмъ покой
Кто, добиваясь славы, презираетъ
Опасности, надѣясь на свое
Могущество, совсѣмъ не знаетъ страха?
Кто сердцемъ любитъ женщину и можетъ
Свою любовь открыто доказать
Съ оружіемъ въ рукахъ при всемъ народѣ?
Найдется-ль! Пусть услышитъ вызовъ мой,
И мужественный Гекторъ нашъ докажетъ
Иль доказать попробуетъ герою
Передъ лицомъ всѣхъ грековъ и троянъ,
Что въ мірѣ знаетъ женщину, красою
И вѣрностью съ которой ни одна
Изъ женъ, которыхъ греки обнимаютъ,
Соперничать не можетъ! Если вы
Согласны, – онъ, Гекторъ, завтра трубнымъ звукомъ
Васъ извѣститъ, что тамъ, на полпути
Межъ греческимъ и межъ троянскимъ станомъ,
Онъ ждетъ того, кто можетъ отстоять
Честь вашихъ женъ. Онъ ждетъ его съ привѣтомъ,
А не найдется, – всюду разгласить,
Что жены грековъ всѣ черны отъ солнца,
Не стоитъ изъ-за нихъ ломать копья.
Я кончилъ.

АГ АМЕМНОНЪ .

Мы передадимъ все это,
Эней, влюбленнымъ нашимъ. Кошь изъ нихъ
Никто рѣчей не приметъ близко къ сердцу,
Такъ значить дома дремяють всѣ бойцы.
Но если такъ, и самъ еще я воинъ!
Пусть прослыветъ ничтожнымъ трусомъ тотъ,
Кто самъ влюбленнымъ не былъ и влюбленнымъ
Не мнилъ себя. И такъ, когда среди нихъ
Объявится такой, что былъ влюбленнымъ,
Иль мнилъ себя такимъ, – отвѣтитъ онъ
На вызовъ Гектора; а не найдется, –
Я отвѣчаю самъ.

НЕСТОРЪ .

Скажи ему,
Что есть еще у грековъ Несторъ, воинъ,
Который мужемъ былъ уже тогда,
Когда еще у материнской груди
Кормился дѣдъ его, отецъ Пріама.
Пусть Несторъ старъ, но если въ войскѣ грековъ
Не сыщется способный постоять
За женщину любимую, повѣдай, –
Я бороду сребристую мою
Подъ золотымъ забраломъ спрячу, руки
Иссохшія я скрою отъ него
Въ наручникахъ и, выступивъ на битву,
Скажу ему: "Жена моя была
Прекраснѣй бабки Гектора и чище
Всѣхъ женщинъ въ мірѣ! Крови капли три
Во мнѣ осталось. Я готовъ на встрѣчу.
За святость словъ я кровью той отвѣчу.

ЭНЕЙ .

Храни васъ Зевсъ! Ужель бойцовъ такъ мало
Среди юношей, что выступить старикъ!

УЛИССЪ .

Да будетъ такъ.

АГ АМЕМНОНЪ .

Тебѣ, Эней, я руку
Хочу пожать и лично проводить
Къ себѣ въ шатеръ. Твой вызовъ Ахиллесу

Передадимъ мы тотчасъ же, а также
И всѣмъ вождямъ ахейскимъ, изъ шатра
Въ шатеръ. Теперь ты гость нашъ. Вмѣстѣ съ нами
Пойдемъ. Тебя гостепріимство ждетъ,
Въ гостяхъ у насъ и недругъ встрѣтитъ дружбу.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Улисса и Нестора).

Улиссъ.

Ну, Несторъ!

Несторъ.

Что ты скажешь, царь Итаки?

82

Улиссъ.

Блеснула мысль въ умѣ моемъ. Она
Еще въ зародышѣ, но ты замѣнишь
Мнѣ время и придашь ей зрѣлость.

Несторъ.

Что

Задумалъ ты?

Улиссъ.

Послушай: острымъ камнемъ
Разсѣчь не трудно узелъ. Гордость ту,
Что словно колось зрѣлый налилась
Въ душѣ Ахилла, надо подкосить,
Не то на землю высыпятся зерна
И среди насъ посѣютъ столько бѣдъ,
Что мы погибнемъ.

Несторъ.

Правда. Только какъ же
Все это сдѣлать?

Улиссъ.

Дерзкій вызовъ тотъ,
Съ которымъ Гекторъ обратился къ грекамъ,
Относится къ Ахиллу.

НЕСТОРЪ.

Мнѣ расчетъ

Понятенъ, какъ итогъ несложный. Если
Ахиллъ услышитъ вызовъ, будь мозги
Его бесплодны такъ, какъ Ливіи пески –
А что бесплодны – знаетъ Аполлонъ, –
Герой нашъ мудрый все-же угадаетъ
Кому тотъ вызовъ.

УЛИССЪ.

А рѣшится онъ

Отвѣтить Гектору?

НЕСТОРЪ.

Я полагаю.

Къ тому же это неизбѣжно. Кто
Поддержитъ честь побѣды въ поединкѣ
Съ такимъ врагомъ, какъ Гекторъ? Лишь Ахиллъ.
Хотя троянца вызовъ – лишь забава,
Но для молвы побѣда намъ важна.
О, вкусу изощренному троянцевъ
Хотѣлось бы объѣдковъ нашей славы
Попробовать. И вѣрь, Улиссъ, хотя
Предложенъ вызовъ въ очень странномъ видѣ,
Онъ можетъ крупный вредъ намъ принести.
Бой шуточный, – исходъ для насъ серьезный:
Въ немъ образъ нашъ, заглавье, что въ себѣ
Таитъ суть книги. Всѣ рѣшатъ, что избранъ
Для поединка съ Гекторомъ герой,
Мѣрило силы, доблести ахейской,
И если Гекторъ верхъ надъ нимъ возьметъ,
Какъ возгордится весь враждебный лагерь
Своей побѣдой! Какъ онъ возомнитъ
О торжествѣ своемъ надъ побѣжденнымъ!
Общественному мнѣнію – рука
Такой же другъ, какъ лукъ, иль мечъ послушный
Для той руки.

УЛИССЪ.

Прости, что перебью

Тебя я, Несторъ. Рѣчь твою я понялъ.
Такъ! На борьбу Ахилла не должны
Мы выпускать... Мы какъ купцы поступимъ:
Товаръ поплоше выпустимъ, и съ рукъ,

Быть можетъ, онъ сойdetъ. А если этотъ
Разсчетъ не оправдается, то все-жъ
Того поднимемъ цѣну, что въ запасѣ.
Не надо соглашаться, чтобъ Ахиллъ
Сражался съ Гекторомъ. Тогда побѣда
И пораженіе – только грусть для насъ.

Несторъ.

Быть можетъ, такъ глаза мои ослабли,
Послѣдствій грустныхъ я не разгляжу.

Улиссъ.

Надъ Гекторомъ блестящая побѣда
Была бъ, пожалуй, нашимъ торжествомъ,
Когда бъ Ахиллъ такъ гордъ безмѣрно не былъ.
Онъ и теперь заносчивъ безъ границъ.
Повѣрь мнѣ, легче намъ стоять подъ солнцемъ
Палящей Африки, чѣмъ выносить
Надменный взглядъ Ахилла при побѣдѣ;
А если Гекторъ побѣдитъ; на насъ
Падетъ позоръ: сильнѣйшій грекъ поверженъ.
Не лучше-ль бросить жребій такъ, чтобъ онъ
Глупцу Аяксу выпалъ. Такъ полезный
Урокъ Ахиллу мы дадимъ и тѣмъ
Излѣчимъ навсегда и Мирмидона
Великаго отъ спеси. Пусть скромнѣй
Свой пестрый гребень носить: отъ хваленій
Онъ у него превыше поднялся,
Чѣмъ даже лукъ сверкающей Ириды.
Когда Аяксъ безмозглый изъ сраженія
Вдругъ выйдетъ побѣдителемъ, его
Мы вознесемъ до неба. – Если жъ будетъ
Онъ побѣжденъ, останется у насъ
Увѣренность, что есть бойцы получше.

83

Удастся ль, не удастся-ли нашъ планъ,
Мы все-жъ достигнемъ цѣли. Избирая
Аякса, мы избраніемъ такимъ
Ахиллу перья всѣ расшевелимъ.

Несторъ.

Твой планъ, Улиссъ, мнѣ по душѣ и надо
Его внушить Агамемнону. Пусть
Онъ и его расшевелить. Пусть оба
Рычащихъ пса одинъ другого рвутъ,
И, если гордость крѣпче всякихъ путь,
Пусть ихъ она обоихъ съѣстъ, какъ злоба.

(Уходятъ).

<На странице расположена фотография античной статуи, из коллекции Антиквариум, Берлин «Древнегреческій воинъ, въ полномъ вооруженіи».>

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Другая часть греческаго лагеря.

Входятъ Аяксъ и Терситъ.

Аяксъ. Терситъ!

Терситъ. О, чтобы волдыри вскочили у этого Агамемнона на всемъ тѣлѣ!

Аяксъ. Терситъ!

Терситъ. Если-бы волдыри эти потомъ вскрылись и онъ бы вытекъ. Что скажешь?

Аяксъ. Псина!

Терситъ. По крайней мѣрѣ, хоть чѣмъ нибудь бы проявилъ себя, а то теперь и этого нѣтъ.

Аяксъ. Твои уши оглохли, волчій сынъ, такъ я заставлю чувствовать твои бока. *(Бьетъ его).*

Терситъ. Чтобы греческая проказа тебя взяла, ублюдокъ съ бычачьимъ мозгомъ!

Аяксъ. Поговори еще, поговори. Я тебя буду взбивать, какъ прокислое тѣсто, пока красавца изъ тебя не сдѣлаю.

Терситъ. Скорѣй насмѣшки мои превратятъ тебя въ умнаго и благочестиваго человѣка, хотя лошадь твоя и та скорѣе выучить наизусть любую проповѣдь, чѣмъ ты выучишь наизусть хоть одну молитву. Дерись, дерись, возьми тебя чесотка съ твоими лошадиными наклонностями.

Аяксъ. Говори, поганый грибъ, что давеча тамъ провозглашали?

Терситъ. Иль, по твоему, я не чувствую твоихъ ударовъ.

Аяксъ. Что провозглашали, я спрашиваю?

Терситъ. Глупость твою, разумѣтся.

Аяксъ. Ой, берегись, дикобразъ. Берегись! У меня руки раззудѣлись и безъ того.

Терситъ. Чтобы тебя всего зудъ взялъ, а мнѣ бы разрѣшили драть тебя. Я бы живо тебя обратилъ въ гнуснѣйшую греческую язву.

Аяксъ. Будешь ты говорить, что провозглашали?

Терситъ. Извѣстно, что ты безпрестанно лаешь и ворчишь на Ахилла изъ зависти, какъ Церберъ на красоту Прозерпины.

Аяксъ. Баба-Терситъ.

Терситъ. Такъ побей его.

Аяксъ. Лепешка!

Терситъ. Онъ бы тебя двумя пальцами въ порошокъ стеръ.

Аяксъ. Потаскушкино отродье!

(Бьетъ его).

Терситъ. Попробуй, сунься.

Аяксъ. Вѣдьминъ пометъ!

Терситъ. Бей, ослиная голова, бей! У тебя мозгу въ ней не больше, чѣмъ у меня въ локтяхъ. Оселъ могъ бы научить тебя храбрости. Ты вѣдь только и годенъ давить троянцевъ, а для умныхъ людей ты дикій хамъ. Если ты еще будешь меня колотить, я примусь тебя обрабатывать съ головы до пятъ. Такъ переберу, что любо.

Аяксъ. Псина!

Терситъ. Паршивый герой.

Аяксъ. Харя! *(Бьетъ его).*

Терситъ. Бей, Марсовъ болванъ, бей, дикій хамъ, бей, верблюдъ... бей, бей!

Входятъ Ахиллъ и Патроклъ.

Ахиллъ. Въ чемъ дѣло, Аяксъ? За что ты его колотишь? Да расскажи-же, Терситъ, какъ и что?

Терситъ. Видѣли, каковъ гусь? Видѣли?

Ахиллъ. Да въ чемъ суть, однако?

Терситъ. Погляди на него хорошенько.

Ахиллъ. Гляжу, – ну, что-жъ изъ этого?

Терситъ. Нѣтъ, ты получше погляди.

Ахиллъ. Да гляжу.

Терситъ. И все-таки, не какъ надо, потому что за что бы ты его ни принималъ, – онъ останется Аяксомъ.

Ахиллъ. Само собою разумѣтся, дуракъ!

Терситъ. Само собою разумѣтся, для васъ, да не для этого дурака.

Аяксъ. За это я и бью тебя.

ТЕРСИТЬ. Ну, вотъ это образецъ его плоскихъ остротъ. У всѣхъ его фразъ длиннѣйшія уши. Его мозгъ пострадалъ отъ меня больше, чѣмъ мое тѣло отъ его кулаковъ. Мозгъ его не стоитъ и воробьиного хвоста, а вѣдь десятку воробьевъ грошъ цѣна! Словомъ, Ахиллъ, тебѣ сразу стало ясно, что я говорю про Аякса, у котораго мозгъ въ брюхѣ, а кишки въ головѣ.

АХИЛЛЪ. Что-же говоришь?

ТЕРСИТЬ. Я говорю, – у Аякса...

АХИЛЛЪ (*останавливаетъ Аякса, который хочетъ ударить Терсита*). Полно, добрѣйшій Аяксъ.

ТЕРСИТЬ. Не хватаетъ ума даже...

АХИЛЛЪ. Прекрати, дуракъ...

ТЕРСИТЬ. Я бы прекратилъ, да дуракъ то не прекращается. Вотъ этотъ, видишь.

АЯКСЪ. Проклятая собака! Вотъ я!...

АХИЛЛЪ. Неужто ты съ дуракомъ станешь состязаться въ умъ!

ТЕРСИТЬ. Ручаюсь, что нѣтъ: каждый дуракъ заткнетъ его за поясъ умомъ.

ПАТРОКЛЪ. Сдержись, Терситъ!

АХИЛЛЪ. Да изъ-за чего у васъ загорѣлось?

АЯКСЪ. Я спрашиваю у этого гнуснаго филина, что вышло сегодня въ лагерь, а онъ лается.

ТЕРСИТЬ. Я не слуга твой.

АЯКСЪ. Хорошо, продолжай, продолжай.

ТЕРСИТЬ. Я служу здѣсь самъ по себѣ.

АХИЛЛЪ. Однако, послѣдняя твоя служба была совсѣмъ не такова. Подъ колотушки самъ по себѣ не полѣзешь. Тутъ вѣдь Аяксъ дѣйствовалъ добровольно, а ты-то не по доброй волѣ получалъ.

ТЕРСИТЬ. И то! Или многія врутъ, или и часть твоего ума въ мышцахъ. Вотъ Гекторъ-то разинетъ ротъ, когда, размноживъ твою или его голову, увидить, что расколотъ гнилой орѣхъ безъ признака ядра.

АХИЛЛЪ. Какъ? Ты уже и меня задѣваешь?

ТЕРСИТЬ. Взять Улисса, или стараго Нестора. У нихъ умъ и тогда уже плѣсенью начиналъ покрываться, когда у вашихъ дѣдовъ и ногтей еще не росло. Вотъ они и запрягли теперь васъ, какъ яремныхъ воловъ въ плугъ... заставляютъ пахать поле битвы.

АХИЛЛЪ. Что? Что!

ТЕРСИТЬ. Вѣрно... Гей, гей, Ахиллъ... Гей, гей, Аяксъ!.. Гей, гей!

АЯКСЪ. Я вырву языкъ твой!

ТЕРСИТЬ. Не бѣда. Я и безъ него буду не менѣе краснорѣчивъ, чѣмъ ты.

ПАТРОКЛЪ. Молчи, Терситъ. Довольно!

ТЕРСИТЬ. Такъ я и замолчу по требованію Ахиллесовой ищейки.

АХИЛЛЪ. Вотъ и тебѣ попало, Патроклъ.

ТЕРСИТЬ. Будетъ съ меня. Я приду въ ваши палатки развѣ затѣмъ, чтобы увидѣть подвѣшенными пустыя головы. Покидаю скопище дурней. Буду только тамъ отнынѣ, гдѣ сіяетъ умъ. *(Уходитъ)*.

ПАТРОКЛЪ. Счастливаго пути.

АХИЛЛЪ.

Коль хочешь знать, Аяксъ, провозглашали,
Что завтра въ пять часовъ, когда взойдетъ,
Сіяя солнце, – межъ стѣнами Трои
И нашими шатрами, Гекторъ самъ
При громѣ трубъ заявитъ громогласно,
Что вызываетъ дерзкаго на бой,
Того, кто утверждать при немъ посмѣетъ,
А что... не знаю... Глупости!.. Прощай...

АЯКСЪ. Прощай. Но кто-жъ на вызовъ отзовется?

АХИЛЛЪ. Не знаю... Слышно, жребіемъ рѣшать... Найдется...

АЯКСЪ. Онъ не на тебя-ли мѣтитъ? Пойду узнать.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Троя. Комната во дворцѣ Пріама.

Входятъ ПРІАМЪ, ГЕКТОРЪ, ТРОИЛЪ, ПАРИСЪ и ЭЛЕНЪ.

ПРІАМЪ.

Друзья мои, не мало
Рѣчей, часовъ и жизней утекло,
И вотъ что намъ вѣщаетъ снова Несторъ
Отъ имени соотчичей: "Елену
Верните намъ, а всѣ иныя жертвы:
Труды и честь, утраты, кровь и раны,
Погубленное время и друзья –
Все, что война такъ алчно поглотила,
Забудется... Что скажешь, Гекторъ, ты?

<На странице расположена фотография одной из статуй фронтона Эгинского храма Афины, ныне в Мюнхене (VI-V в. д н. э.) «Парисъ».>

Г Е К Т О Р Ъ .

Хоть врядъ-ли кто боится грековъ меньше,
Чѣмъ я, хоть мнѣ средь женщинъ равной нѣтъ
Своимъ губкоподобнымъ, мягкимъ сердцемъ,
Чужую скорбь впивающимъ въ себя,
И все-таки, Пріамъ несокрушенный,
Я признаюсь... и закричать готовъ
Предъ цѣлой Троей: "Кто намъ поручится
За будущее гибельной войны?
Въ себя одна лишь безопасность вѣрить:
Плодъ не войны, а мира. Недовѣрье
Разумное – и мѣра – и маякъ
Въ густомъ туманѣ будущаго; съ ними
Мудрецъ спокойно разбираетъ все...
Елену отпустите. Съ той поры,
Какъ въ этой распрѣ обнаженъ впервые
Былъ острый мечъ, не каждая-ль изъ десяти
Погибшихъ душъ, а ихъ такъ много сгубло –
Была, какъ и Елена, дорога?
Безстрашно и упорно защищая
Намъ женщину чужую, принесли
Мы много жертвъ кровавыхъ... Я не вижу
Достаточнаго повода послать
Отказъ на эту просьбу грековъ.

Т Р О И Л Ъ .

Стыдися, Гекторъ. Царственную честь,
Достоинство такого властелина
Великаго, какъ нашъ родитель, ты
Желаешь взвѣситъ жалкими вѣсами,
Могучихъ крыльевъ царственный размахъ
Сковать ничтожной рамкой разсужденій;

86

Отъ имени боговъ я говорю:
"Стыдись, стыдись"...

Э Л Е Н Ъ .

Меня не удивляетъ,
Что ты, Троиль, врагъ разсужденій... Но
Лишь потому, что нѣтъ ихъ у Троила,
Нельзя вмѣнять въ обязанность отцу
Ихъ презирать въ дѣлахъ особо-важныхъ.

Троиль.

Элень, какъ жрецъ, къ мечтамъ и грезамъ склонень;
Перчатки даже подбиваетъ онъ
Благоразумьемъ... Напримѣръ, извѣстно,
Что непріятель намъ желаетъ зла,
Что обнажать разящій мечъ опасно,
– Бѣду разсудкомъ можно отвратить,
Поэтому легко понять, что стоитъ
Ему съ оружіемъ грека увидать,
Чтобъ прицѣпить къ ногамъ разсудка крылья
И улетѣть, какъ самъ Меркурій вдаль
Отъ грозныхъ глазъ разгнѣваннаго Зевса,
Иль какъ звѣзда, сошедшая съ пути.
Итакъ, друзья, ужъ если намъ нельзя
Бѣжать разсудка – ворота замкнемъ
И ляжемъ спать спокойно. Что намъ честь
И мужество! Пускай они, какъ зайцы,
Дрожать въ потьмахъ, достойныя тебя.
Блѣднѣетъ печень, мужество хирѣетъ
Отъ этого благоразумья!

Гекторъ.

Братъ,
Сама Елена жертвъ такихъ не стоитъ.

Троиль.

Своею мѣрой всякій мѣритъ...

Гекторъ.

Да,
Но цѣнность-то сильна не произволомъ,
Достоинство цѣну опредѣлить ей,
Достойный взвѣситъ. Если поклоненье
Преувеличить божество, – оно
Уже зовется идолопоклонствомъ,
Благоговѣнье-жъ страстное къ тому,
Въ чемъ то мы чтимъ, чего нѣтъ даже тѣни,
Безуміе!

Троиль.

Я нынѣ избираю

Себѣ жену. Послушенъ волѣ выборъ,
А волю вдохновляли и глаза,
И уши, – двое славныхъ кормчихъ,
Свершающихъ отважно вѣчный путь
Между двумя подводными скалами –
Желаніемъ и разумомъ. Когда-жъ
Мое желанье смѣнить отвращенье,
Могу-ль я безсердечно отвергать
Ту, на кого палъ выборъ мой свободный?
Нѣтъ, никогда! И съ честью примирить
Нельзя такой поступокъ. Мы не смѣемъ
Запятнанныя ткани возвращать
Купцу, который чистыми ихъ продалъ.
Остатки яствъ не валимъ мы въ лохань
Лишь потому, что послѣ пира сыты.
Париса подстрекали всѣ, когда
Задумалъ мстить онъ грекамъ. Ты припомни,
Какою бурей дружнаго согласия
Вздувались паруса его! Море
И вѣтры, имъ враждебные, сошлись
Въ союзъ мирномъ, въ рабскомъ угожденьѣ.
Достигъ завѣтной цѣли онъ. Успѣхъ
Вѣнчаетъ подвигъ брата. Онъ привозитъ
Взамѣнъ старухи-тетки – дивный перлъ,
Красавицу-царицу. Передъ ней
Самъ Аполлонъ – старикъ морщинистый,
Блѣдна заря... Туманно утро мая.
Зачѣмъ ее мы держимъ? А зачѣмъ
Въ плѣну еще и нынѣ держать греки
Старуху-тетку? Стоило-ль держать
Въ плѣну Елену? Да, о, да! Конечно.
Безцѣнный перлъ! Не тысячи-ль судовъ
За ней моря переплывали дерзко!
Не падали-ль вѣнцы къ ея ногамъ
И короли въ купцовъ преображались.
Когда согласны вы, что поступилъ
Парисъ благоразумно... А вѣдь съ этимъ
Не согласиться вамъ нельзя: не вы-ль
Ему кричали: "Въ путь Парисъ! Смѣлѣе!"
И если вы безцѣнною тогда
Его добычу называли, крича:
"О, чудо! Чудо!" и рукоплескали, –

Изъ-за чего-жъ порочите теперь
Плоды своихъ совѣтовъ и творите
То, что Фортуна сдѣлаетъ едва-ль:
Презрѣніемъ клеймите вы теперь
То, что казалось раньше вамъ безцѣнный
Земли и неба! Для чего же красть
То, что боитесь у себя оставить?
Мы наглые воришки и того
Не стоящіе, что мы воровали.
Обиду злую грекамъ нанеся,
Ее мы сами испугались скоро...
О, стыдъ! О, срамъ! О тягости позора!

КАССАНДРА (*за сценой*).

Плачь, Троя, плачь!

ПРИАМЪ.

Кто тамъ кричитъ такъ скорбно?

87

ТРОИЛЬ.

Ахъ, то сестра безумная – ее
По голосу узналъ я.

КАССАНДРА.

Плачь, плачь, Троя!

Входитъ КАССАНДРА, въ дикомъ возбужденіи.

ГЕКТОРЪ (*при видѣ сестры*).

Кассандра!

КАССАНДРА (*Прорицая*).

Плачь, плачь, Троя! Дай, мнѣ дай,
Дай десять тысячъ глазъ мнѣ, чтобы я
Изъ нихъ лила пророческія слезы!

ГЕКТОРЪ.

Молчи, молчи, сестра.

КАССАНДРА.

О, всѣ вы, всѣ,

И юноши, и дѣвы, и младенцы,
Умѣющіе только лишь кричать,
И взрослые, и старцы... О, скорѣе
Въ мой скорбный вопль вливайте вы свой плачь...
Мы выплачемъ хоть часть тѣхъ слезъ заранѣ,
Которыя грядущее сулитъ...
Плачь, Троя, плачь! Ты такъ приучишь очи
Къ слезамъ! На гибель ты обречена...
Твой Иллионъ сіяющій я вижу
Въ могильномъ пеплѣ... Насъ сожжетъ Парисъ –
Онъ страшный факель! Плачь, плачь горько Троя!
Кричите всѣ: Елена и несчастье!
Свободу ей! Свободу! Или грянетъ
Ужасный громъ и Троя пепломъ станетъ!

(Убѣгаетъ).

Г Е К Т О Р Ъ .

О, юный мой Троилъ, – неужто голосъ
Пророческій сестры твоей въ душѣ
Не пробуждаетъ страшныхъ опасеній?
Неужто такъ пылаетъ кровь твоя,
Что охладить ее уже не въ силахъ
Ни горькій вопль разсудка, ни позоръ,
Преслѣдующій всѣ дѣла дурныя?

Т Р О И Л Ъ .

Нѣтъ, убѣжденъ я, что не можетъ случай
Быть мѣрой правды или дѣла... Нельзя
Духъ мужества гасить на основаньи
Безумныхъ словъ Кассандры. Бредъ ея
Не знаменье, что самый поводъ къ распрѣ
Вдругъ измельчалъ. Не сами-ль мы клялись
Считать его священнымъ. Мнѣ онъ не ближе,
Чѣмъ всѣмъ другимъ сынамъ Пріама. Но
Молю я Зевса, онъ да насъ избавитъ
Отъ тѣхъ дѣяній, гдѣ заключено
Сомнѣнье въ томъ, что намъ необходимо
Стоять за дѣло правды до конца.

П А Р И С Ъ .

О, да, должны мы начатое кончить,
Иначе міръ осыпетъ насъ хулой,
Упреками: меня за легкомыслѣе
Моихъ поступковъ, за совѣты васъ.

Клянусь самимъ Олимпомъ, опасенье
Съ такимъ поступкомъ связанное, въ прахъ
Разсѣяно согласьемъ вашимъ дружнымъ.
Что сдѣлала-бъ одна моя рука!
Что стойкость одного бойца предъ силой
И бѣшеною злобою толпы,
Всѣхъ, клявшихся казнить виновныхъ въ распрѣ!
И все-же я открыто говорю,
Что еслибы мнѣ одному пришлось
Преодолѣть преграды и мое
Могущество моей равнялось волѣ,
Я и тогда отречься бы не могъ
Отъ сдѣланнаго мною и тогда бы
Начатое упорно продолжалъ.

П Р І А М Ъ .

Мой сынъ Парисъ – блаженствомъ упоенный,
Ты потому и судишь такъ: подай
Тебѣ весь медъ, другимъ-же – горечь желчи.
Такой отвагѣ честь не велика.

П А Р И С Ъ .

Родитель нашъ, не только тѣмъ блаженствомъ,
Которое несетъ намъ красота,
Я упоенъ. Но я еще желаю,
Владѣя ей, делѣя и храня,
Смыть то пятно, которымъ на неѣ
Ложится похищенье. И возможно-ль
Отдать ее супругу, если такъ
Желаешь городъ! Это-ль не безчестье,
Не злой позоръ для твоего вѣнца,
А для нея – жестокая обида!...
Не можетъ быть, чтобъ мысль такая вдругъ
Въ твоёмъ умѣ зажглася. Межъ слабѣйшихъ
Найдется врядъ-ли воинъ и одинъ,
Чтобъ острый мечъ не поднялъ за Елену.
Никто изъ благородныхъ не найдетъ,
Что посвятить Еленѣ жизнь – паденье,
Что умереть безславно за нее.
Нашъ долгъ стоять съ отвагой неизмѣнной
За ту, кому нѣтъ равной во вселенной!

ГЕКТОРЪ.

Я отдаю обоимъ справедливость –
Тебѣ – Парисъ, тебѣ – Троилъ. Вы оба
Прекрасно говорили, но коснулись
Вопроса лишь поверхностно. Подобны
Вы юношамъ, которыхъ Аристотель
Считаетъ неспособными учиться
Моральной философіи. Скорѣй
Всѣ ваши разсужденія могли бы
Кровь разжигать, чѣмъ отдѣлять во тьмѣ
Добро отъ зла, отъ правды ложь; извѣстно,
Что мечь и сластолюбье глухи больше,
Чѣмъ скрытая улитка, если рѣчь
Зайдетъ о томъ, что называютъ "право".
Природа всѣмъ права распредѣлила
И ничего нѣтъ въ мірѣ выше правъ
Супружества... Порою страсти дерзко
Законъ природы нарушаютъ... Духъ,
Заблудшійся, хотя-бы и высокій,
Идетъ ему наперекоръ... Но есть
Во всякомъ обществѣ свои законы,
Чтобы держать въ настойчивой уздѣ
Мятежную, безудержную похоть.
Елена, – несомнѣнно, по закону
Жена царя спартанскаго и значитъ
Права природы и законы міра, –
Все требуетъ, чтобъ мы вернули мужу
Его жену. Такъ думаетъ о правѣ
Самъ Гекторъ. Но, однако-жъ, не взирая
На это, братья пылкіе мои,
Я подаю вамъ руку: да, Елену
Необходимо удержать, – вѣдь тутъ
Замѣшана не наша только честь,
Но честь всего народа.

ТРОИЛЪ.

Да, коснулся
Ты именно натянутой струны...
Когда-бы лишь разгаръ страстей безумныхъ
Насъ побуждалъ, а не стремление къ славѣ
Я за Елену не далъ бы ни капли
Троянской крови. Но она для насъ,

Достойный Гекторъ, воплощеніе славы
И чести, вдохновенный зовъ
Къ величію и подвигамъ. Сіянье
Ея очей въ насъ распаляетъ духъ
И гибелью грозитъ онъ гордымъ грекамъ.
Во тьмѣ временъ грядущихъ возвеличить
Оно насъ всѣхъ и озаритъ лучомъ
Безсмертной славы.

ГЕКТОРЪ.

Доблестная вѣтвь
Великаго Пріама! Я послалъ
Въ станъ греческій свой громоносный вызовъ...
Привыкшіе къ сонливой, праздной лѣни,
Какъ изумятся греки!... Стороной
Ужъ слышалъ я, что спитъ ихъ полководецъ,
А зависть и соперничество тамъ
Свирѣпствуютъ... Конецъ ихъ сладкимъ сномъ!

СЦЕНА III.

Греческій лагерь, передъ палаткой Ахиллеса.

Входитъ ТЕРСИТЬ.

ТЕРСИТЬ. Что-же это такое, Терситель? Ты совсѣмъ потерялся въ лабиринтъ твоего гнѣва! Неужели слонъ-Аяксъ всегда возьметъ верхъ? Онъ меня бьетъ, а я отвѣчаю насмѣшками. Нечего сказать, утѣшеніе! Было бы гораздо лучше - наоборотъ: я его бью, а онъ отвѣчаетъ насмѣшками. Ну, да стой-же! я выучусь вызывать дьяволовъ въ качествѣ сподручныхъ... Только бы выйти изъ этого гнуснаго положенія, въ которомъ ничего нѣтъ, кромѣ злости. А тутъ еще Ахиллъ! Ахъ, ужъ и ловко-же онъ ведетъ подкопы. Стѣны Трои, коль доживемъ до этого, - скорѣе разрушатся отъ ветхости, чѣмъ отъ ухищреній этой парочки. (*Преклоня колына*). О, великій Олимпа Громовержецъ, забудь, что ты Юпитеръ, а ты, Меркурій, простись съ жезломъ, одухотвореннымъ змѣиною мудростью, если вы не отнимете у нихъ ту капельку... менѣе чѣмъ капельку умишка, которымъ они надѣлены, при содѣйствіи котораго, - даже близорукая глупость видитъ это, - они и муху изъ сѣтей не освободятъ, не разорвавъ паутины. А потомъ, проклятіе и месть всему лагерю! Пусть неаполитанская костоѣда пожираетъ ихъ: не эта ли болѣзнь бичуетъ тѣхъ, кто гоняется за юбками! (*Вставая*). Всѣ мои молитвы

кончены. Пусть дьяволъ зависти изречетъ – аминь. Ну, гей, герой Ахиллъ! Гдѣ ты?

Входитъ ПАТРОКЛЪ.

ПАТРОКЛЪ. Кто тамъ? А, любезный Терситъ. Иди сюда и заводи руготню.

ТЕРСИТЪ. Если-бы мнѣ пришла на умъ позолоченная мѣдяшка, я бы остался съ тобой. Впрочемъ, бѣда не велика: останься съ самимъ собою. Пусть обычное проклятіе, тяготящее надъ людьми, - глупость и безуміе, будутъ твоимъ удѣломъ. Да сохранить тебя небо отъ всякаго разумнаго совѣта и да не упадетъ тебѣ въ голову ни одна живая мысль! Пусть похотливая кровь

89

твоя до самой смерти управляетъ тобою и, если та, которая будетъ обмывать тебя послѣ смерти, скажетъ, что ты красивый покойникъ, я поклянусь чѣмъ хочешь, что она не завертывала въ саванъ только прокаженныхъ. Аминь. Гдѣ Ахиллъ?

ПАТРОКЛЪ. Какъ, ты сталъ ханжой? Ты молился?

ТЕРСИТЪ. Да, услышь меня небо!

Входитъ АХИЛЛЪ.

АХИЛЛЪ. Кто здѣсь?

ПАТРОКЛЪ. Терситъ, мой господинъ.

АХИЛЛЪ. Гдѣ? Гдѣ? Ага, такъ ты пришелъ. Ну-съ, мой сыръ, моя желудочная настойка – почему тебя не подавали къ моему столу? Ну-ка, что такое Агамемнонъ?

ТЕРСИТЪ. Твой командиръ.

АХИЛЛЪ. А теперь ты, Патроклъ, скажи мнѣ, что такое Ахиллъ?

ПАТРОКЛЪ. Твой господинъ, Терситъ. Теперь скажи на милость, что такое ты самъ?

ТЕРСИТЪ. Человѣкъ, который видитъ тебя насквозь. А теперь скажи мнѣ, Патроклъ, какъ по твоему, – кто ты таковъ?

ПАТРОКЛЪ. Если ты такъ хорошо меня знаешь, – скажи самъ.

АХИЛЛЪ. Ну-ка, скажи, скажи.

ТЕРСИТЪ. Я просклоняю весь вопросъ. Агамемнонъ командуетъ Ахилломъ; Ахиллъ – господинъ надо мною; я тотъ, кто изучилъ Патрокла, а Патроклъ – дуракъ.

ПАТРОКЛЪ. Ахъ, ты, негодяй!

ТЕРСИТЪ. Молчи, дуракъ, я еще не кончилъ.

АХИЛЛЪ. Онъ на особыхъ правахъ. Продолжай, Терситъ.

ТЕРСИТЬ. Агамемнонь – дуракъ, Ахиллъ дуракъ, Терситъ дуракъ и Патроклъ дуракъ, какъ уже было сказано раньше.

АХИЛЛЪ. Изволь объяснить, - почему?

ТЕРСИТЬ. Агамемнонь дуракъ, потому что вздумалъ командовать Ахилломъ, Ахиллъ дуракъ, потому что слушаетъ приказы Агамемнона, Терситъ дуракъ, зачѣмъ служить такому дураку, а Патроклъ дуракъ самъ по себѣ, коренной.

ПАТРОКЛЪ. Почему-же это я дуракъ?

ТЕРСИТЬ. Спроси объ этомъ Создателя, а съ меня достаточно знать, кто ты таковъ. Смотрите-ка, кто это идетъ сюда.

Входятъ АГАМЕМНОНЪ, УЛИССЪ, НЕСТОРЪ, ДІОМЕДЪ и АЯКСЪ.

АХИЛЛЪ. Патроклъ, я ни съ кѣмъ не хочу говорить. Иди за мной, Терситъ.

(Уходитъ).

ТЕРСИТЬ. Все это такая гадость! Вздоръ! Раболѣпство! Вся ссора вышла изъ-за мужа рогоносца и распутной бабенки. Нечего сказать, славная ссора! Есть отчего враждовать между собою и заниматься кровопусканіемъ. Ахъ, возьми сухая парша виновныхъ всего этого! Пропади они всѣ отъ войны и распутства!

(Уходитъ).

АГАМЕМНОНЪ. Гдѣ Ахиллъ?

ПАТРОКЛЪ. Въ палаткѣ онъ, но только онъ не въ духѣ.

<На странице расположена фотография фрагмента античной вазы из коллекции Бартольди в Риме (James Millingen, Painted Greek vases, London 1822) «Менелай и Елена».>

АГАМЕМНОНЪ.

Пойди, скажи ему, что мы пришли.
Онъ отослалъ гонцовъ моихъ обратно,
И, отложивъ достоинство свое,
Я самъ къ нему иду. Но пусть не мнитъ онъ,
Что мѣсто я ему не укажу,
Или забуду, - кто я!

ПАТРОКЛЪ. Я скажу.

(Уходитъ).

УЛИССЪ. Мы видѣли его въ дверяхъ палатки – не боленъ онъ.

АЯКСЪ. Да, боленъ, львиною болѣзною,

боленъ отъ сердечной гордости: можешь назвать это печалью, если хочешь простить ему. Но, клянусь моей головой, это гордость – только чѣмъ, чѣмъ онъ можетъ такъ гордиться, - пусть бы показалъ намъ! – Агамемнонъ, одно слово, господинъ мой.

(Отводитъ Агамемнона въ сторону).

НЕСТОРЪ. Съ чего это Аяксъ такъ лаетъ на него?

УЛИССЪ. Ахиллъ переманилъ у него шута.

НЕСТОРЪ. Кого? Терсита?

УЛИССЪ. Его самого.

НЕСТОРЪ. Ну, значитъ, Аяксу не о чемъ будетъ говорить, такъ какъ онъ потерялъ тему для разговоръ.

УЛИССЪ. Нѣтъ, отчего-же! Какъ видишь, теперь онъ говоритъ о томъ, кто отнялъ у него эту тему, - объ Ахиллѣ.

НЕСТОРЪ. Тѣмъ лучше. Раздоръ между ними желательнѣе для насъ, чѣмъ ихъ дружба. Однако, крѣпокъ же былъ союзъ, если дуракъ могъ разорвать его!

УЛИССЪ. Дружба, не скрѣпленная мудростью, легко можетъ быть разорвана глупостью. Вотъ идетъ Патроклъ.

НЕСТОРЪ. Но безъ Ахилла.

Входитъ ПАТРОКЛЪ.

УЛИССЪ. У слона есть суставы, но не для любезностей. Ноги ему даны лишь на потребу, а не для колѣнопреклоненій.

ПАТРОКЛЪ.

Ахиллъ отвѣтитъ приказалъ, что онъ
Душевно сожалѣтъ, если васъ
Со свитою влекли инья цѣли,
Помимо развлеченья... Онъ вполнѣ
Надѣется, что это лишь прогулка
Для твоего пищеваренья.

АГАМЕМНОНЪ.

Слушай,

Патроклъ. Отвѣты эти намъ знакомы.
Презрѣньемъ окрыленные, они
Не могутъ ослѣпить ни нашихъ взоровъ,
Ни нашей мысли. Да, въ Ахиллѣ есть
Достоинства... мы признаемъ охотно;
Однако-же, всѣ доблести его,
Направленныя часто не ко благу,

Теряють постепенно яркій блескъ...
Такъ поданные на нечистомъ блюдѣ
Душистые плоды не возбуждаютъ
Желанія отвѣдать ихъ и плѣсенью
Покроются. Ступай, скажи Ахиллу,
Что мы пришли сюда для объясненій.
И ты не погрѣшишь, когда прибавишь,
Что выше мѣры гордъ онъ, а учтивъ
Гораздо ниже, что у него гораздо меньше
Почтенныхъ качествъ, чѣмъ пустого самомнѣнья.
Пусть знаетъ онъ, что болѣе достойный,
Забывъ свое величіе и санъ,
Презрѣвъ обиды, царственно снисходитъ
Къ его капризнымъ требованьямъ. Даже
Считается съ его блажною волей
И сторожить приливы и отливы
Смѣшныхъ причудъ и настроеній, точно
Онъ центръ войны и главная пружина.
Ступай, скажи... Добавь еще, что если
Онъ черезчуръ высокою себѣ
Назначить цѣну, можемъ обойтись мы
И безъ него. Пусть, какъ снарядъ тяжелый,
Онъ пылью покрывается, какъ хламъ,
Мы-жъ будемъ говорить: Онъ хоть и славенъ,
Но для войны негоденъ. Даже карликъ,
Способный двигаться, намъ на войнѣ
Дороже осовѣлаго героя...
Такъ и скажи ему все это...

ПАТРОКЛЪ.

Такъ
Все передамъ и вамъ отвѣтъ доставлю.

(Уходитъ).

АГАМЕМНОНЪ.

Изъ устъ вторыхъ отвѣтъ, однако, врядъ-ли
Насъ удовлетворить. Вѣдь мы желали
Увидѣться съ нимъ лично, такъ иди
Къ нему хоть ты, Улиссъ.

(Улиссъ уходитъ).

Аяксъ. Чѣмъ же онъ превосходитъ всякаго другого?
Агамемнонъ. Только тѣмъ, что онъ о себѣ воображаетъ.

Аяксь. И это такъ много значить! Не воображаетъ ли онъ, что во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ меня?

Агамемнонь. Безъ сомнѣнія!

Аяксь. И ты раздѣляешь его мнѣніе? Скажешь, онъ выше меня?

Агамемнонь. Нѣтъ, благородный Аяксь. Ты такъ же силенъ, такъ же храбръ, такъ же уменъ, но разни́ца та, что ты вѣжливѣе и обходительнѣе.

Аяксь. Не понимаю, чѣмъ иной разъ гордятся люди? Откуда эта гордость! Я даже не знаю, что она такое, собственно!

Агамемнонь. Твой умъ, Аяксь, свѣтлѣе и твои добродѣтели привлекательнѣе. Гордецъ самъ себя пожираетъ. Гордость – его собственное зеркало, собственная его труба, собственная лѣтопись. Всякій, прославляющій себя не только дѣлами, пожираетъ дѣла самохвальствомъ.

91

Аяксь. Гордые люди ненавистны мнѣ, какъ жабые сѣмя.

Несторъ (*въ сторону*). А себя-то, однако, любить. Не странно-ли это!

Возвращается Улиссъ.

Улиссъ.

Ахиллъ не выйдетъ завтра въ бой.

Агамемнонь.

Причины?

Улиссъ.

Да никакихъ. Капризно отдался
Онъ буйному, заносчивому нраву.
Ему совсѣмъ нѣтъ дѣла до другихъ;
Его законъ – пустое своеволие.

Агамемнонь.

Но почему на дружный нашъ призывъ
Онъ изъ шатра не хочетъ даже выйти,
Чтобъ наслаждаться свѣжестію дневной!

Улиссъ.

Всѣ отговорки жалкія его
Ничтожны, какъ ничто. Онъ просьбу вашу
Не исполняетъ только потому,
Что это просьба. Онъ совсѣмъ помѣшанъ
На собственномъ величіи, и самъ

Съ собою даже говорить, какъ съ богомъ.
А мнимое величье до того
Въ немъ раздуваетъ спесь и самомнѣнье,
Что порождаетъ явное безумье:
Онъ самъ себя бичуетъ и казнить.
Что въ немъ еще?... Его самовлюбленность
Такъ велика, что выхода ей нѣтъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Аяксъ, сходи къ нему, съ нимъ объяснись
Привѣтливѣй. Всѣ говорятъ, что мнѣнья
Онъ о тебѣ высокаго... Иди,
И можетъ быть, нелѣпое рѣшенье
Отмѣнить онъ.

УЛИССЪ.

О, нѣтъ, Агамемнонъ!
Осмѣлюсь-ли сказать тебѣ... Напрасно...
Не посылай... Напротивъ, мы должны
Благословлять все то, что отдѣляетъ
Аякса отъ Ахилла. Какъ! Гордецъ,
Питающій свое высокомерье
Своимъ же жиромъ, презирая все,
Что не въ его мозгахъ перемололось, –
Передъ собой увидеть вдругъ того,
Кто намъ дороже всѣхъ Ахилловъ въ мірѣ!
Нѣтъ, трижды нѣтъ. Герой, боецъ храбрѣйшій
Излишнею любезностью не долженъ
Безславить лавровъ первенства... Нѣтъ, нѣтъ!
Я не даю согласия на безславые
Достоинства высокаго! Ему –
Идти – къ кому-жъ! Къ Ахиллу! Этимъ только
Въ Ахиллѣ откормили-бъ мы свинью
Надутой спеси. Ублажать Ахилла,
Въ созвѣздье Рака угли подсыпать!
И безъ того горитъ оно надменно
Огнемъ Гиперіона. Чтобъ Аяксъ
Пошелъ къ Ахиллу! Да спаси насъ Зевсъ!
Пусть онъ гремитъ: "Ахиллѣ, иди къ Аяксу!"

НЕСТОРЪ (*про себя*).

Вотъ ловко. Онъ его пощекоталъ!

ДІОМЕДЪ (*про себя*).

Какъ льетъ онъ лести!

Аяксъ.

Къ нему идти готовъ я,
Но лишь затѣмъ, чтобъ черепъ раскроить.

Агамемнонъ.

Ты не пойдешь.

Аяксъ.

А чваниться онъ станетъ, –
Приглажу чванство я... Иду къ нему!

Улиссъ.

Нѣтъ, никогда, хотя бы весь успѣхъ нашъ
Зависѣлъ отъ того!

Аяксъ.

Онъ просто негодяй!

Несторъ (*про себя*).

Какъ ловко онъ себя опредѣляетъ!

Аяксъ.

Неужели онъ не научится
Обходиться съ людьми какъ подобаетъ!

Улиссъ (*про себя*). Ругается надъ чернымъ цвѣтомъ воронъ.

Аяксъ. Я выпущу изъ него кровь.

Несторъ (*въ сторону*). Самъ боленъ, а хочетъ быть врачомъ.

Аяксъ. О, если бы всѣ думали, какъ я!

Несторъ (*про себя*). Умъ совсѣмъ вышелъ бы изъ употребленія.

Аяксъ. Онъ бы не отдѣлался отъ меня дешево. Я бы заставилъ его
проглотить мой мечъ. Неужто гордость такъ-таки и восторжествуетъ!

Несторъ (*въ сторону*). Если-бы восторжествовала, половина побѣды
была-бы на твой счетъ.

Улиссъ (*въ сторону*). Пожалуй, и всѣ десять десятыхъ.

92

Аяксъ. Я въ муку сотру его и превращу въ мякишъ.

Несторъ (*въ сторону*). Подогрѣйте его похвалами. Онъ еще не совсѣмъ
готовъ. Надо поливать его честолюбіе, пока оно томится жаждой.

Улиссъ (*Агамемнону*).

Нѣтъ, храбрый вождь, ты эту непріятность
Ужъ слишкомъ близко принимаешь къ сердцу.

Несторъ.

Великій вождь, забудь о ней.

Діомедъ.

Повѣрь,
Ахиллъ не важенъ намъ для поединка.

Улиссъ.

Одно ужъ имя это раздражаетъ
Великаго вождя... Вотъ человѣкъ...
Но что со мной... Не принято, не ловко
Хвалить въ глаза, и я молчу.

Несторъ.

Зачѣмъ?
Онъ не Ахиллъ и нѣтъ въ немъ честолюбія.

Улиссъ.

Пусть знаетъ міръ, что онъ безмѣрно храбръ!

Аяксъ. Этотъ проклятый щенокъ только и умѣетъ поднимать всѣхъ на смѣхъ! О, какъ бы я желалъ, чтобы онъ былъ троянцемъ!

Несторъ.

Прискорбно было бъ, еслибы Аяксъ...

Улиссъ.

Былъ такъ же гордъ...

Діомедъ.

Иль къ похваламъ такъ жадень!

Улиссъ.

Упрямъ... сварливъ...

Діомедъ.

Самолюбивъ... надутъ...

Улиссъ.

Хвала богамъ за доброе смиреніе.
Честь матери, въ тебя вдохнувшей жизнь
И грудью благородною вскормившей!

Хвала наставнику, хотя онъ шель
Лишь за твоей душою одаренной...
Но пусть тому, кто приучилъ твои
Властительныя руки для сраженій, -
Пусть, разрубивши вѣчность пополамъ,
Марсъ подаритъ счастливцу половину!
Что-жъ говорить о силѣ! Самъ Милонъ,
Кротонскій волоносецъ, ей уступитъ
Свои права. Не стану восхвалять
Твой свѣтлый умъ: онъ, какъ плотина, берегъ
Иль гребень горъ опредѣляетъ грань
Могучаго размаха дарованій.
Вотъ, предъ тобою Несторъ: умудренъ
Лѣтами онъ, таковъ и отъ природы,
Инымъ онъ быть не можетъ. Но, прости,
Маститый дѣдъ, невольное признание.
Аякса умъ, хотя и юнъ, высокъ,
Не ниже ты, но и не выше.

Аяксъ.

Дай мнѣ

Назвать тебя отцомъ.

Улиссъ.

О, милый сынъ,

Зови, зови!

Диомедъ.

Пусть онъ и руководитъ
Тобой, Аяксъ.

Улиссъ.

Здѣсь дольше пребывать
Намъ нѣтъ нужды. Подобно лани, въ дебряхъ
Застрялъ Ахиллъ. Угодно-ли созвать
Великому вождю совѣтъ военный?
Ужъ новые союзные цари
Примкнули къ намъ. Всѣ наши силы завтра
Должны быть въ полномъ сборѣ. Вотъ боецъ.
Пусть, витязи стекаются съ Востока
И съ Запада, пусть лучшій цвѣтъ дружинъ
Пошлютъ на бой, - Аяксъ имъ не уступитъ.

Агамемнонъ.

Итакъ, въ совѣтъ! Пусть спитъ Ахиллъ спокойно:
Когда корабль бездѣйствуетъ средь волнь,
Его легко обгонить утлый челнъ.

93

<Сверху на странице расположена иллюстрация картины президента Лондонской Академии художеств Пойнтера (Edward John Poynter. R. A. P., род. 1836) «Крессиды».>

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Троя. Комната во дворцѣ Пріама.

Входятъ ПАНДАРЪ и СЛУГА.

ПАНДАРЪ. Эй, дружище, на пару словъ! Ты, кажется ходишь за юнымъ Парисомъ?

СЛУГА. Да, когда онъ идетъ передо мною.

ПАНДАРЪ. Я хотѣлъ сказать: ты служишь ему.

СЛУГА. Я служу Господу Богу.

ПАНДАРЪ. Ты служишь прекрасному Господину – нельзя не похвалить Его.

СЛУГА. Честь и слава Ему!

ПАНДАРЪ. Вѣдь ты знаешь меня? Вѣрно?

СЛУГА. Знаю, да не очень.

ПАНДАРЪ. Такъ взглядишь въ меня попристальнѣе. Я – Пандаръ.

СЛУГА. Надѣюсь проникнуть тебя вполнѣ.

ПАНДАРЪ. Искренно желаю.

СЛУГА. Значить, въ настоящую минуту вы въ полномъ блескѣ.

ПАНДАРЪ. Въ полномъ блескѣ! Нѣтъ, дружище, покуда далеко не въ полномъ. *(За сценой музыка).* Что это за музыка?

СЛУГА. Музыка, какъ музыка, но я знаю ее не вполнѣ.

ПАНДАРЪ. Но, можетъ быть, знаешь музыкантовъ?

94

СЛУГА. О, ихъ знаю вполнѣ!

ПАНДАРЬ. Для кого они играютъ?

СЛУГА. Для тѣхъ, кто ихъ слушаетъ.

ПАНДАРЬ. Для чьего удовольствія?

СЛУГА. Для моего и для удовольствія всякаго любителя музыки.

ПАНДАРЬ. Я имѣю въ виду того, кто приказалъ?

СЛУГА. Только не меня.

ПАНДАРЬ. Мы, любезный, не понимаемъ другъ друга. Я слишкомъ вѣжливъ съ тобой, а ты не въ мѣру увертливъ. А потому опять спрашиваю, - кто приказалъ музыкантамъ играть?

СЛУГА. Такъ бы и сказали! Они играютъ по приказанію Париса, моего господина, который тамъ своею собственной персоной, а съ нимъ – земная Венера, сердце красоты, воплощенная душа любви.

ПАНДАРЬ. А, значить тамъ моя племянница Крессида!

СЛУГА. Не Крессида, а Елена. Не трудно догадаться по описаннымъ мною ея особенностямъ.

ПАНДАРЬ. Не видѣлъ-же ты, пустомеля, Кресиды. Отъ имени царевича Троила я явился къ Парису переговорить съ нимъ. Сейчасъ я наговорю ему любезностей съ три короба. Спѣши – дѣло кипитъ.

СЛУГА. Кипитъ... Воистинну - кухонный языкъ.

Входятъ ПАРИСЪ и ЕЛЕНА со свитой.

ПАНДАРЬ. Привѣтъ тебѣ, о доблестный Парисъ, и всей твоей блестящей свитѣ! Счастливейшее исполненіе всѣхъ счастливыхъ желаній, а твоихъ, царица, въ особенности! О, да будутъ ваши нѣжныя мысли изголовьемъ вашимъ!

ЕЛЕНА. Твоя рѣчь, любезный Пандарь, полна красотъ.

ПАНДАРЬ. Только красоты души твоей могутъ вызвать эти красоты. (Парису). Какъ жаль, царевичъ, что прервалась такъ неожиданно такая прекрасная музыка.

ПАРИСЪ. Не ты-ли самъ-же и прервалъ ее, дядя, но, клянусь честью, самъ-же ты и исправишь, - по-просту, исполнишь какое нибудь свое сочиненіе. Знаешь, Елена, онъ весь одна гармонія.

ПАНДАРЬ. О, нѣтъ, царица!

ЕЛЕНА. О, сдѣлай милость!

ПАНДАРЬ. Мой голосъ грубъ, право, грубъ.

ПАРИСЪ. Пустая отговорка. Ты капризничаешь.

ПАНДАРЬ. У меня есть дѣло къ Парису, прекраснѣйшая царица! Угодно тебѣ, любезный Парисъ, выслушать меня?

ЕЛЕНА. Эта уловка, однако, не можетъ лишить насъ удовольствія насладиться твоимъ пѣніемъ.

ПАНДАРЬ. Ты изволишь шутить со мною, очаровательная царица. Но клянусь, мое дѣло очень важно. Вотъ видишь-ли, любезный Парисъ, мой близкій другъ, твой братъ родной Троиль...

ЕЛЕНА. Любезный Пандарь, сладчайшій Пандарь...

ПАНДАРЬ. Сладчайшая царица, продолжай... Царевичъ, во-первыхъ, свидѣтельствуешь тебѣ свое глубочайшее почтеніе.

ЕЛЕНА. Хорошо... хорошо. Но тѣмъ болѣе ты не рѣшишься оставить насъ безъ пѣсни и такимъ образомъ огорчить сладчайшую.

ПАНДАРЬ. Сладчайшая царица... Наисладчайшая!.. Надѣюсь...

ЕЛЕНА. Не надѣйся, а знай, что и наисладчайшую царицу не трудно превратить отказомъ въ наискучнѣйшую.

ПАНДАРЬ. Увы, и этимъ ты меня не тронешь, клянусь, не тронешь. Я глухъ временами и къ такимъ рѣчамъ. Я съ просьбою къ тебѣ, Парисъ: если Троила потребуютъ къ столу Пріама, извини какъ-нибудь его отсутствіе.

ЕЛЕНА. Слушай, Пандарь.

ПАНДАРЬ. Что угодно моей царицѣ, моей наи...

ЕЛЕНА. Нѣтъ, Пандарь, какъ угодно...

ПАНДАРЬ. Что угодно наисладчайшей царицѣ моей?

ПАРИСЬ. Что тамъ у него? Съ кѣмъ ужинаетъ онъ?

ЕЛЕНА. Не въ томъ дѣло, царевичъ, но...

ПАНДАРЬ. Что угодно очаровательной царицѣ? Не допытывайся только объ этомъ. Моя племянница ужасно разсердится, если узнаетъ, что объ этомъ ужинѣ извѣстно другимъ.

ПАРИСЬ. Головой ручаюсь, – дѣло идетъ о Крессидѣ.

ПАНДАРЬ. Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого. Ты не проницателенъ. Крессиде совсѣмъ нездорова сегодня.

ПАРИСЬ. Я догадываюсь.

ПАНДАРЬ. Догадываешься? О чемъ догадываешься? Но довольно! Лютню мнѣ! Лютню! Я иду пѣть, моя сладчайшая царица!

ЕЛЕНА. Вотъ это мило.

ПАНДАРЬ. Ахъ, моя племянница безъ

ума отъ одной вещи, принадлежащей тебѣ, сладчайшая царица.

ЕЛЕНА. Эта вещь будетъ принадлежать ей, если, конечно, рѣчь идетъ не о Парисѣ.

ПАНДАРЬ. О, нѣтъ и нѣтъ! Какой тамъ Парисъ, они теперь въ ссорѣ, они раздвоились.

ЕЛЕНА. Ну, послѣ ссоры такъ подчасъ мирятся, что изъ раздвоенія выходитъ утроеніе.

ПАНДАРЬ. Полно, полно. Уши-бы мои не слышали! Лучше спою-ка я вамъ пѣсенку.

ЕЛЕНА. Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! А знаешь-ли, милѣйшій Пандарь, у тебя прекрасный лобъ.

ПАНДАРЬ. Пріятно слышать хоть до завтра.

ЕЛЕНА. Нѣтъ, лучше пой о любви, объ одной любви! Знаешь о той, что погубить всѣхъ насъ. О, Купидонъ! Купидонъ! Купидонъ!

ПАНДАРЪ. Именно – любовь погубить.

ЕЛЕНА. И все-таки, пой любовь, любовь, одну любовь.

ПАНДАРЪ. Пѣсня моя именно такъ и начинается. (*Поетъ*).

Любовь! Одна любовь вездѣ!
Она и стрѣлы мечетъ.
Самецъ и самка съ ней въ бѣдѣ.
Она же ихъ и лѣчитъ.
"Ахъ, ахъ!" сильнѣе пѣтуха
Любовникъ восклицаетъ.
Но скоро счастье въ "ха-ха-ха"
"Ахъ, ахъ" преображаетъ.

ЕЛЕНА. Да Пандаръ влюбленъ! Такъ могутъ пѣть только по-уши влюбленные.

ПАРИСЪ. Онъ охотникъ до голубей, ну, а голуби, извѣстно, горячатъ кровь, горячая кровь возбуждаетъ пыкія мысли, пыкія мысли рождаютъ пыкія дѣла, а пыкія дѣла – любовь.

ЕЛЕНА. И это родословная любви! Горячая кровь, пыкія мысли, пыкія дѣла! Да это все ехидны. Неужели-же любовь порождение ехиднѣ! А кто былъ сегодня въ битвѣ, царевичъ?

ПАРИСЪ. Гекторъ, Дейфобъ, Эленъ, Антеноръ, а съ ними и лучший цвѣтъ Трои. Я тоже хотѣлъ вооружиться и идти съ ними, да моя дорогая Елена воспротивилась. Какъ хорошо, однако, случилось, что и братъ Троилъ также не пошелъ туда.

ЕЛЕНА. Онъ прилипъ къ чему то губами. Тебѣ это должно быть извѣстно, любезный Пандаръ.

ПАНДАРЪ. Не знаю, моя сладчайшая царица, не знаю. Самому хотѣлось бы знать, что они такое затѣваютъ сегодня? (*Парису*). Такъ ты не забудешь извиниться за него передъ царемъ-отцомъ?

ПАРИСЪ. Нѣтъ, не забуду.

ПАНДАРЪ. До свиданья, наисладчайшая царица.

ЕЛЕНА. Поклонись отъ меня своей племянницѣ.

ПАНДАРЪ. Буду кланяться, очаровательная царица. (*Уходитъ. Вдали бьютъ отбой*).

ПАРИСЪ.

Они идутъ обратно съ поля битвы.
Отправимся и мы въ дворецъ Пріама
Привѣтствовать бойцовъ. Еще хочу
Молить тебя, прекрасное созданье,
Помочь мнѣ снять доспѣхи боевые
Съ героя Гектора. Упорныя стальные
Застежки ихъ скорѣе упадутъ

Отъ нѣжныхъ рукъ, чѣмъ отъ мечей враждебныхъ.
Ты превзойдешь здѣсь силою своей
Всѣхъ греческихъ царей и полководцевъ.

Е Л Е Н А .

О, мой Парисъ безцѣнный, я горжусь
Подобнымъ порученьемъ: въ немъ, быть можетъ,
Залогъ безсмертной славы я явлю...

П А Р И С Ъ .

О, милая, какъ я тебя люблю!

СЦЕНА II.

Троя. Передъ садомъ Пандара.

ПАНДАРЪ и СЛУГА *Троила встрѣчаются.*

ПАНДАРЪ. А, это ты! Ну, гдѣ-же теперь твой хозяинъ? Не у моей-ли племянницы Крессиды?

СЛУГА. Нѣтъ, сударь, онъ ожидаетъ, чтобы вы проводили его туда.

ПАНДАРЪ. А вотъ и самъ онъ идетъ. (*Появляется Троиль*). Что такое? Скажи, что такое?

ТРОИЛЬ (*слуга*). Ты, болванъ, иди отсюда. (*Слуга уходитъ*).

ПАНДАРЪ. Видѣлся ты съ моей племянницей?

ТРОИЛЬ.

Нѣтъ, Пандаръ, нѣтъ. Все время я блуждалъ
Лишь у дверей завѣтныхъ, какъ блуждаетъ
Мятежная и грѣшная душа

У береговъ таинственнаго Стикса
И ждетъ ладью. О, Пандаръ мой, молю,
Будь мнѣ Харономъ, отвези меня
Къ полямъ благоухающимъ, тамъ страстно
Я упаду на дѣвственное ложе,
Достойное избранника. Сорви
Съ плечъ Купидона вычурныя крылья

И мы на нихъ съ тобою полетимъ
Къ моей Крессидѣ.

ПАНДАРЬ.

Погуляй по саду.
Я приведу ее къ тебѣ. (*Уходитъ*).

ТРОИЛЬ.

Я весь
Дрожу. Меня волнуютъ ожиданья,
Воображаемое счастье мнѣ
Такъ сладостно, что опьяняетъ чувства.
Что-жъ будетъ въ тотъ благословенный мигъ,
Когда прильну я жадными устами
Къ ея устамъ и влажный нектаръ вдругъ
Прольется въ грудь! Боюсь, что смерть мгновенно
Прерветъ любовь, иль обморокъ затмитъ
Сознаніе, иль знойное блаженство
Могучее и тонкое пронзитъ
Мой грубый умъ. Я трепещу заранѣ...
Я, кажется, утрачу въ наслажденьи
Способность разбираться, какъ въ бою,
Когда врага смѣшавшагося гонишь...

ПАНДАРЬ (*возвращается*). Она принаряжается и сейчасъ придетъ сюда. Царевичъ, будь смѣлѣе. Какъ будто духи бѣдную напугали. Она волнуется, краснѣетъ, дышетъ такъ тяжело, иду за ней. Сегодня она необыкновенно привлекательна, но это нисколько не мѣшаетъ ей дышать, подобно пойманному воробью. (*Уходитъ*).

ТРОИЛЬ.

И мнѣ до боли страсть стѣсняетъ сердце.
Какъ въ лихорадкѣ все оно горитъ,
Трепещетъ... Я растерянъ... Я дрожу,
Какъ подданный подъ взглядами монарха.

Входятъ ПАНДАРЬ съ КРЕССИДОЙ.

ПАНДАРЬ. Ну, иди, иди... Что ужъ краснѣть. Стыдливость – младенецъ. Вотъ она передъ тобой. Разсыпся передъ нею въ клятвахъ, какъ разсыпался предо мной. Ты, кажется, опять намѣреваешься улетучиться? Значитъ, тебя слѣдовало-бы проманежить хорошенько, чтобы сдѣлать ручной. Да, придется таки прибѣгнуть къ этому. Идемъ-ка рядомъ со мною, а вздумаешь артачиться, попадешь въ дышло. Ну, ты чего-же ничего ей не выскажешь? Поднимай-ка занавѣсъ и показывай картину. Ахъ, этотъ дневной свѣтъ! Вы оба, повидимому, боитесь оскорбить его. Будь теперь ночь, вы поскорѣ бы

сблизились. – Вотъ такъ, отлично. Цѣлуй свою владычицу, да такъ, чтобы поцѣлуй занялъ цѣлую вѣчность. Дѣйствуй, строитель. Воздухъ здѣсь благотворный... Клянусь, я до тѣхъ поръ не выпущу васъ, пока вы не выскажете другъ другу все, что накопилось въ сердцахъ. Ну, сокола сегодня можно будетъ поздравить съ соколихой. Въ этомъ я готовъ клясться всѣми утками, плавающими въ рѣкѣ.

Троиль. Милая! Ты лишила меня языка.

Пандаръ. Языкъ тутъ не при чемъ. Долгъ платежомъ красенъ. Плохо, если на дѣло не хватитъ силъ. Такъ, такъ... опять ужъ носъ съ носомъ... Отлично... "Когда обѣ стороны приходятъ ко взаимному соглашенію"... и проч... и проч. Войдите, войдите въ двери, а я поищу огня. (*Уходитъ*).

Крессида. Угодно тебѣ войти, царевичъ?

Троиль. О, Крессида! Какъ долго я томился ожиданьемъ этого счастья.

Крессида. Томился ожиданьемъ! О, да исполнять боги твое желаніе, мой властитель!

Троиль. Да исполнять боги твое желаніе! Къ чему такое восклицаніе! Или въ тихомъ ручьѣ нашей любви моя красавица увидѣла тину?

Крессида. Болѣе тины, чѣмъ свѣтлой любви, если только у предчувствія моего зоркіе глаза.

Троиль. Ихъ страхъ способенъ превратить въ демона и херувима.

Крессида. Но все-же слѣпой страхъ меньше спотыкается, когда поводыремъ у него зрячій разумъ, чѣмъ слѣпой разумъ, безъ страха. Бояться худшаго нерѣдко значитъ – избѣгать худшаго.

Троиль. О, пусть моя красавица забудетъ о страхѣ. Чудовища никогда не смѣютъ проникнуть во владѣнія Купидона.

Крессида. А чудовищное?

Троиль. Ничто, кромѣ нашихъ превыспренныхъ клятвъ – пролить океаны слезъ, жить въ огнѣ, ѣсть скалы, укрощать тигровъ, воображая, что нашей возлюбленной труднѣе придумать для насъ тяжкіе подвиги, чѣмъ намъ ихъ выполнить. Въ любви, моя Крессида, чудовищно только одно: воля

безгранична, а дѣйствіе рабски заключено въ оковы.

Крессида. Говорятъ, влюбленные обѣщаютъ больше, чѣмъ въ силахъ исполнить и вѣчно клянутся натворить дѣлъ, которыхъ никогда не совершаютъ. Клянутся свершить десятки подвиговъ, а не свершаютъ и десятой части одного изъ нихъ. Развѣ тотъ, кто кричитъ по львиному, а поступаетъ по заячьему – не чудовище?

Троиль. Неужто есть такіе! Я не изъ нихъ. Хвали меня по испытанію, цѣни по заслугамъ, но никогда не осуждай прежде испытанія. Голова моя будетъ непокрыта, пока не заслужитъ вѣнка. Ни одинъ подвигъ въ грядущемъ пусть не встрѣтитъ похвалъ въ настоящемъ. Не станемъ

возвеличивать мужество прежде проявленія его, а проявится, – скромно опредѣлимъ его значеніе. Вотъ тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ мой символъ вѣры. Троиль по отношенію къ Крессидѣ останется такимъ, что сама зависть не найдетъ въ немъ ничего для насмѣшки, развѣ – кромѣ его неизмѣримой вѣрности, а вѣрность эта превзойдетъ самую истину.

КРЕССИДА. Угодно тебѣ войти, царевичъ?

ПАНДАРЪ *возвращается.*

ПАНДАРЪ. Какъ! Все еще продолжаетъ краснѣть! Не было вамъ развѣ времени сговориться!

КРЕССИДА. Хорошо, дядюшка. Отнынѣ всѣ свои глупости я посвящаю вамъ.

ПАНДАРЪ. Покорно благодарю. Если у тебя отъ него будетъ ребенокъ, ты и его мнѣ посвятишь? Будь только вѣрна царевичу, а если онъ станетъ отбиваться отъ рукъ, – вини меня.

ТРОИЛЬ. Теперь, моя красавица, тебѣ извѣстны мои заложники: слово моего дяди и моя непоколебимая вѣрность.

ПАНДАРЪ. Прекрасно. А за Крессиду я тебѣ даю слово. Въ нашемъ роду долго не сдаются, но разъ сдавшись, остаются навѣкъ постоянны. Тебѣ, царевичъ, я могу это сообщить. Мы всѣ – точно репы: куда насъ кинутъ, тамъ и прицѣпляемся.

КРЕССИДА.

Теперь ко мнѣ вернулась снова смѣлость,
А вмѣстѣ съ ней – рѣшимость все сказать.
О, мой Троиль, царевичъ мой, послушай:
Въ теченье долгихъ мѣсяцевъ и дней
И днемъ и ночью я тебя любила.

ТРОИЛЬ.

Зачѣмъ-же былъ такъ страшно трудень путь
Къ твоей любви?

КРЕССИДА.

Я долго притворялась,
Что не люблю тебя, а между тѣмъ
Я всей душой тебѣ принадлежала
Едва-ль не съ той минуты, какъ впервой
Увидѣла... Узнавъ мою любовь,
Ты тотчасъ обратился бы въ тирана.
Люблю тебя, люблю, о, мой Троиль,
Но и любя, я все-жъ имѣю силы
Владѣть собой. Нѣтъ, нѣтъ, неправда, лгу!
Давно, давно всѣ мысли обратились

Въ балованныхъ дѣтей, и мать, увы,
Безсильна съ ними справиться. Вотъ видишь,
Насколько всѣ мы глупы! Я сейчасъ
Все разболтала. Какъ же избѣжимъ
Злословья мы, когда и о себѣ
Все выболтать готовы... Я любила,
Не подавая вида, что люблю,
А втайнѣ сожалѣла, что не смѣю
О страсти говорить своей, что я –
Я не мужчина... О, Троиль, скорѣе
Мнѣ прикажи молчать, иначе здѣсь
Въ чаду любви я выскажу такъ много,
Что первая раскаюсь. О, смотри!
Смотри – однимъ молчаніемъ умѣлымъ
Изъ глубины душевныхъ тайниковъ
Исторгъ ты рой признаній... О, молю
Замкни уста мои.

ТРОИЛЬ (*цѣлуя ее*).

Я повинуюсь
И заглушаю музыку любви.

ПАНДАРЪ.

Вотъ это ловко сдѣлано!

КРЕССИДА.

О, милый...

Молю тебя, прости меня, повѣрь,
Я далека намѣреній безстыдныхъ
Такъ поцѣлуй выпрашивать... Сама
Стыжусь того, что вырвалось. О, боги!
Что я сказала! Сдѣлала! Позволь
Мнѣ удалиться... Это такъ ужасно!

ТРОИЛЬ.

Какъ! Покидать меня! Такъ скоро!

ПАНДАРЪ.

Вздоръ.

Покинетъ, до... до завтра на разсвѣтъ.

КРЕССИДА.

Молю, пусти меня...

ТРОИЛЬ.

Но чѣмъ-же ты
Оскорблена?

98

КРЕССИДА.

Сама собой.

ТРОИЛЬ.

Такъ значить,
Ты отъ себя не можешь убѣжать.

КРЕССИДА.

Молю тебя, вдохни мнѣ эти силы!
Пускай здѣсь часть останется меня,
Но эта часть такъ зла, что не допустить
Меня служить игрушкой... Словомъ, мнѣ
Бѣжать! Бѣжать!.. О, гдѣ-же мой разсудокъ?
Что говорю? Сама не знаю – что!

ТРОИЛЬ.

О, нѣтъ, повѣрь, кто говоритъ такъ мудро,
Отлично знаетъ то, что говорить.

КРЕССИДА.

Такъ, можетъ быть, я больше проявляю
Находчивости, хитрости ума,
Чѣмъ искренной любви. Ты можешь думать,
Что страстныя признанія мои
Лишь удочки, которыми хотѣла
Поймать твое признание я... Слыхалъ
Ты, видимо, что быть возможно умнымъ
Лишь не любя. Нѣтъ, смертнымъ не дано
Любить, блистая разумомъ... Нѣтъ, это
Лишь небожителямъ однимъ доступно.

ТРОИЛЬ.

Я доселѣ

Мечталъ, что женщинѣ и въ томъ числѣ тебѣ
Въ своей груди хранить доступно вѣчно
Святой огонь любви и оживлять
Съ весенней нѣгой силу постоянства,

Чтобы имѣть возможность возрождать
Блескъ красоты былой воспоминаньемъ.
О, если бы съ сознаниемъ такимъ
Я вѣрить могъ, что страсть моя и вѣрность
Пробудятъ и найдутъ въ твоей душѣ
Такой же отзвукъ ласковый и нѣжный,
Какъ и любовь моя... Я весь бы, весь
Наполнился невыразимымъ счастьемъ!
Ты видишь, какъ я дѣтски простъ... Повѣрь,
Моя любовь проста, наивна такъ же.

КРЕССИДА.

Я въ этомъ бы поспорила съ тобой.

ТРОИЛЬ.

О, дивное, святое состязанье!
Здѣсь спорить вѣрность съ вѣрностью о томъ,
Кто искреннѣй и глубже... О, я знаю –
Настанетъ день, когда въ своей любви
И вѣрности лишь именемъ Троиля
Влюбленный станетъ клясться: истощивъ
Сокровищницу пламенныхъ сравненій
И образовъ и страстныхъ обѣщаній,
Наскучивъ повторять, что ихъ любовь
Крѣпка, какъ сталь, дружна, какъ солнце съ утромъ,
Приливъ съ луной, магнитъ съ сѣдымъ желѣзомъ,
Съ голубкой голубъ, ну, а шаръ земной
Съ той силою, что править имъ, – прійдется
Окончить тѣмъ, чтобъ коротко сказать:
"Я вѣренъ, какъ Троиль!"

КРЕССИДА.

О, еслибъ это
Пророчество сбылось! Мой ненаглядный,
О, если разлюблю когда-нибудь тебя я,
Пусть именемъ моимъ зовутъ измѣну!
И даже тамъ, въ грядущемъ, пусть, когда
Забвенію дряхлѣющее время
Предастъ себя, – влюбленные, клеймя
Презрѣніемъ все лживое, какъ рѣчи
Волковъ къ ягнятамъ, какъ мачехи любовь
Перечисляя все, что скоротечно,
Измѣнчиво, какъ вѣтеръ, волны, люди, –
И ужъ въ концѣ, исчерпавъ всѣ сравненья

Нелестныя, – пусть просто скажутъ: "Лжива,
Какъ эта ложъ по имени Крессида".

(Троиль цѣлуетъ ее).

ПАНДАРЪ. Дѣло! Договоръ заключенъ. Скрѣпляйте, скрѣпляйте его. Я буду свидѣтелемъ. Дай мнѣ руку. И ты, племянница, тоже. Если, несмотря на всѣ мои старанія васъ соединить, вы все-таки окажетесь невѣрными другъ другу, – пусть, пока есть свѣтъ на свѣтѣ, всѣ жалостливые посредники между любящими зовутся моимъ именемъ и пусть всѣ обращаются съ ними, какъ съ истинными Пандарами! Да! пусть всѣ вѣроломные любовники зовутся Троилами, всѣ коварныя женщины – Крессидами, а всѣ сводники – Пандарами. Говорите: "Аминь".

ТРОИЛЬ. Аминь.

КРЕССИДА. Аминь.

ПАНДАРЪ. Аминь. Теперь идемте – я покажу вамъ вашу спальню. Чтобы кровать не болтала о проказахъ вашихъ, давите ее до смерти. Ступайте. *(Троиль и Крессида уходятъ).*

Всѣмъ скромнымъ дѣвамъ здѣсь пусть дастъ Амуръ три дара:
И спальню, и постель, и сводника Пандара.

99

СЦЕНА III.

Греческій станъ.

Входятъ АГАМЕМНОНЪ, УЛИССЪ, ДІОМЕДЪ, НЕСТОРЪ, АЯКСЪ,
МЕНЕЛАЙ и КАЛХАСЪ.

КАЛХАСЪ.

Цари! Теперь, когда идетъ все гладко,
Осмѣлюсь я награду попросить
За важныя услуги. Вамъ извѣстно, –
Благодаря предвидѣнію, я
Покинулъ Трою; все мое имѣнье
Оставилъ тамъ и заслужилъ еще
Названіе измѣнника. Не мало
Вѣрнѣйшихъ благъ принесъ я на алтарь
Безвѣстнаго грядущаго: всѣ связи

Я разорвалъ, презрѣлъ привычки, санъ, –
Все, что слилось со мною неразрывно,
Для пользы грековъ родину презрѣвъ;
Я всѣмъ сталъ чуждъ, далекъ и ненавистенъ.
Теперь прошу я въ счетъ грядущихъ благъ,
Объщанныхъ за всѣ мои услуги,
Лишь милости, и, право, не большой.

А Г А М Е М Н О Н Ъ .

Чего-жъ ты хочешь? говори.

К А Л Х А С Ъ .

Троянецъ

Вчера былъ въ плѣнъ взятъ вами; Антеноръ
Его зовутъ; онъ въ Троѣ чтимъ высоко.
Припомните, не разъ, готовность вы
Мнѣ изъявляли, – я вамъ благодаренъ, –
За дочь мою Крессиду дать взаменъ
Любого плѣнника, на это Троя
Отказомъ отвѣчала... Часъ насталъ.
Для грековъ важенъ Антеноръ; онъ – сила,
Руководитель ихъ, и за него
Они отдать готовы даже сына
Пріамова... Такъ пусть-же Антеноръ
О, гордые цари и полководцы,
Идетъ домой и выкупомъ живымъ
За дочь мою послужить, а Крессиде
Вполнѣ собой меня вознаградить
За всѣ мои важнѣйшія услуги.

А Г А М Е М Н О Н Ъ .

Проводить Антенора Діомедъ
И приведетъ Крессиду! Я исполню,
Калхасъ, твое желаніе. А ты,
Мой милый Діомедъ, какъ подобаешь
Послу царя Агамемнона, будь
На высотѣ призванія, dospѣхи
Блестящіе одѣнь, да, кстати, тамъ
Узнай, – готовъ-ли Гекторъ къ поединку:
Аяксъ готовъ.

Д І О М Е Д Ъ .

Довѣріемъ такимъ

Я вознесенъ и все исполню точно.

(Уходитъ съ Калхасомъ).

Ахиллъ и Патроклъ *выходятъ изъ своихъ палатокъ.*

Улиссъ.

Смотри: Ахиллъ стоитъ въ дверяхъ палатки.
Прими, о, полководецъ, мой совѣтъ
И на него не обращай вниманья,
Когда пойдешь ты мимо. И цари
Другіе пусть поступятъ такъ же, взглянуть –
И далѣ пойдутъ своимъ путемъ.
Послѣднимъ я пройду. Меня онъ, вѣрно,
Вопросомъ остановить: почему
Относятся къ нему съ такимъ презрѣньемъ?
И я его насмѣшкой угощу
Холодною и ѣдкой, какъ лѣкарствомъ
Отъ гордости. Ему такой урокъ
Полезенъ будетъ. Гордость знаетъ только
Одно лишь зеркало и это – гордость:
Въ него взглянуть умѣстно ей... Когда
Всѣ гордецу потворствуютъ, – бѣда!

Агамемнонъ.

Совѣтъ хорошъ и мы его исполнимъ.
Мы всѣ пройдемъ, не кланяясь ему,
Какъ люди незнакомые... Нѣтъ, лучше
Иные пусть поклонятся, но такъ,
Чтобъ чувствовалъ онъ ихъ пренебреженье;
Его задѣнетъ это посильнѣй,
Чѣмъ невниманье полное. Пойдемте;
Я – первый.

Ахиллъ.

Какъ! Со мною говорить,
Повидимому, хочетъ полководецъ?
Но я сказалъ, что больше не хочу
Съ троянцами сражаться...

Агамемнонъ *(Нестору)*.

Ахиллъ тамъ что-то говоритъ? Чего
Отъ насъ онъ хочетъ?

Несторъ. Мнѣ кажется, прославленный Ахиллъ, ты хочешь что-то
сказать Агамемнону?

Ахиллъ. Нисколько!

Несторъ. Нѣтъ, государь.

АГАМЕМНОНЪ. Тѣмъ лучше.

(Уходитъ съ Несторомъ).

АХИЛЛЪ (Менелая). Здравствуй.

МЕНЕЛАЙ. Будь здоровъ. (Уходитъ).

АХИЛЛЪ. Что это! Рогоносецъ насмѣхается надо мною?

100

АЯКСЪ. Привѣтъ Патроклу.

АХИЛЛЪ. Доброго утра, Аяксъ.

АЯКСЪ. А?

АХИЛЛЪ. Доброго утра.

АЯКСЪ. До завтра. (Уходитъ).

АХИЛЛЪ. Что за дерзкое⁶ нахальство! Иль не хотятъ они Ахилла знать!

ПАТРОКЛЪ.

Да, это странно. Всѣ передъ Ахилломъ
Сгибалися, бывало, - издали
Его улыбкой льстивою встрѣчая
И пресмыкаясь, какъ предъ алтаремъ.

АХИЛЛЪ.

Да, это странно. Иль за это время
Я обѣднѣлъ? Давно извѣстно всѣмъ:
Когда величье во враждѣ съ фортуной,
И всѣ къ нему враждебны. Кто упалъ, -
Въ глазахъ другихъ прочтетъ свое паденье.
Вѣдь люди – это бабочки, они
Раскрашенные крылья распускаютъ
Лишь въ теплый день. Они глядятъ на насъ
Не какъ на человѣка; чтутся только
Лишь внѣшніе дары: богатство, санъ,
Прославленность, все, чѣмъ играетъ случай
Съ достойными. Капризный пьедесталъ!
Распался онъ – и рухнула съ нимъ вмѣстѣ
Непрочная любовь. Однако я
Съ фортуною покуда еще друженъ,
Все, чѣмъ владѣлъ, по прежнему мое,
Помимо развѣ только этихъ взглядовъ,
Которые открыли вдругъ во мнѣ –
Не знаю что – обидное для ихъ
Вниманья. Вотъ Улиссъ идетъ... Я чтенье

Его порву. – Улиссъ!

Улиссъ.

Что отъ меня
Желаетъ сынъ прославленный Ѳетиды?

Ахиллъ.

Что ты читаль?

Улиссъ.

Да вотъ, одинъ чудакъ
Мнѣ пишетъ вдругъ, что какъ бы ни былъ смертный
Превознесенъ, и такъ и сякъ богатъ, -
Онъ никогда похвастаться не можетъ,
Что всѣ дары дѣйствительно его,
А не живутъ въ его воображеньи,
Что чувствуетъ онъ только ихъ, когда
Отражены въ другихъ они, какъ будто
Лишь озаривъ и обогрѣвъ другихъ,
Онъ самъ живетъ счастливымъ отраженьемъ.

Ахиллъ.

Тутъ ничего чудного нѣтъ, Улиссъ.
И красота, которою другіе
Любуются, - лишь въ нихъ отражена;
Глазъ самого себя не можетъ видѣть,
Онъ проводникъ чистѣйшій нашихъ чувствъ,
И, встрѣтившись съ другимъ такимъ же глазомъ,
По отраженью судить о себѣ.
Самихъ себя не могутъ видѣть люди,
И о себѣ доступно имъ судить
По отношенью къ нимъ другихъ: вотъ это
Единственное зеркало.

Улиссъ.

Меня

Не самая основа удивляетъ;
Она стара и я согласенъ съ ней.
Но слѣдствіе... Доказываетъ авторъ,
Что никого нѣтъ въ мірѣ, кто бы могъ,
Хоть сто пядей имѣй во лбу, - похвастать,
Что убѣжденъ въ себѣ, пока ему
Не выкажутъ вниманія другіе.
Онъ часто самъ не вѣдаетъ о нихъ,

Пока ихъ въ отраженіи не увидить,
Иль не услышитъ ихъ въ рукоплесканьяхъ,
Какъ въ звонкихъ сводахъ собственное эхо,
Какъ отблескъ солнца въ стали...

Пораженъ

Такъ глубоко я былъ блестящей мыслью,
Что тотчасъ-же подумалъ объ Аяксѣ:
"Вѣдь вотъ осель, - подумалъ я, - и сразу
Онъ въ честь попалъ. О, сколько въ мірѣ есть
Такихъ вещей, которыя полезны,
Однако ихъ презрѣніемъ клеймятъ.
Другія же на взглядъ и драгоцѣнны,
А имъ лишь грошъ цѣна. И можетъ быть,
Мы завтра же увидимъ, какъ Аякса
Прославить случай... Боги! О, зачѣмъ
Приходится однимъ свершать дѣянья,
Когда другіе призваны къ тому!
Иной въ чертогъ Фортуны своенравной
Ползетъ себѣ, въ то время, какъ другой
Разинетъ ротъ... Иные рвутъ у славы
Себѣ куски, другіе-же ее
Изъ гордости минуютъ, иль отъ лѣни.
Смотрѣть противно, какъ вездѣ теперь
Привѣтствуютъ Аякса льстиво греки,
Какъ будто онъ ужъ гордо попиралъ
Грудь Гектора ногой своей, иль Троя
Колеблется могуществомъ его.

Ахиллъ.

Да, да, я вѣрю этому. Какъ скряги
Предъ нищими, сейчасъ они прошли...
Вотъ здѣсь прошли, - меня не удостоивъ

Ни словомъ, ни привѣтомъ. Неужель
Всѣ подвиги мои уже забыты?

Улиссъ.

Не забывай, что время за спиной
Несетъ суму, въ которую бросаетъ
Забвенію подачки. Это звѣрь,

Чудовище, - оно неблагодарно,
И какъ бы ни былъ подвигъ величавъ, -
Забвеніе пожрать его готово.
Повѣрь Ахиллъ, не подвиги въ быломъ
Опора славы, - мудрость въ настоящемъ.
Что подвиги бывые? Лоскуты,
Колеблемые вѣтромъ, ржавый панцырь,
Подвѣшенный на гвоздикъ для смѣха.
Скорѣе въ путь! Узка, тѣсна тропа,
Проложенная къ славѣ, невозможно
По ней идти двоимъ. Не уступай
Другому путь. Знай, у соревнованья
Есть тысячи испытанныхъ сыновъ,
Бѣгущихъ неустанно за тобою.
Лишь уступи имъ первенство въ пути,
Отстань на мигъ, - и на тебя всѣ хлынутъ,
Какъ волны моря злобныя, сомнутъ
И позади забытаго оставлятъ.
Такъ, впереди всегда привыкшій быть,
Горячій конь оступится случайно
И упадетъ, и чрезъ него тогда
Проносятся другіе, безпощадно
Топча его копытами. Таковъ
Теперь и ты съ своей поблекшей славой.
Пусть далеко героямъ скороспѣлымъ
До подвиговъ твоихъ, но вѣдь за то
Ихъ положеніе выгоднѣе. Время –
Воспитанный хозяинъ. Руку жметъ
Онъ гостю уходящему небрежно,
Входящему – объятья и почетъ.
Здороваются люди, улыбаясь;
Прощаются, вздыхая. Не ищи
За прошлыя дѣла вознагражденья.
Всѣ блага жизни: красота, любовь,
Умъ, сила, власть, происхождение, дружба, -
Клеветниковъ завистливыхъ родятъ,
И время, несомнѣнно – самый злѣйшій.
Весь міръ роднитъ единая черта:
Всѣхъ увлекаетъ новость бездѣлушекъ,
Хотя на нихъ прошедшаго печать.
И золото, облѣпленное грязью,
Предъ грязью позолоченной – ничто.
Дневное къ дню приковано, и ты,
Герой великій, не дивись, коль греки

Всѣ поголовно стануть обожать
Бездарнаго Аякса. Что недвижно –
Не такъ въ глаза бросается, какъ то,
Что движется. Восторги,
Которыми ты прежде встрѣченъ былъ,
Могли-бы не умолкнуть и понынѣ;
Могла бы слава гордая избрать
Своимъ жилищемъ постояннымъ ставку
Того, кто здѣсь, на этихъ же поляхъ
Умѣлъ своею храбростью безмѣрной
Такой восторгъ всеобщій возбуждать,
Что даже Марсъ отъ зависти бѣсился!

Ахиллъ.

Да, я ушелъ отъ дѣлъ, но у меня
На это есть разумныя причины.

Улиссъ.

Но противъ нихъ найдутся безъ труда
И болѣе достойныя героя.
Извѣстно всѣмъ, что страстно ты влюбленъ
Въ одну изъ дочерей Пріама.

Ахиллъ.

Вотъ какъ!

Извѣстно всѣмъ?

Улиссъ.

Ты удивленъ? Но знай,
Правительство все видитъ и все слышитъ.
Ему извѣстно, все: и золото, что въ нѣдрахъ
Земли хранить Плутось и тайны
Глубокихъ безднъ. Оно способно вскрыть
Тѣ помыслы, что зрѣютъ въ колыбели.
Въ душѣ любого государства есть
Таинственная сила и донинѣ
Исторія ея не поняла,
Умъ не постигъ, не выразило слово.
Намъ такъ же хорошо, какъ и тебѣ,
Извѣстна связь твоя съ семьей Пріама.
Но слушай: Поликсена, можетъ быть,
Красива – побѣдить, однако,
Почтеннѣй для Ахилла не ее,
А Гектора. Какое горе Пирру

Ты принесешь, когда сто устъ молвы
Передадутъ ему, что дочь Пріама
Ты славѣ предпочелъ, а рои дѣвѣ
Съ насмѣшкой и укоромъ въ хороводѣ
Вдругъ запоютъ: "Сестру плѣнилъ
У Гектора Ахиллъ,
Но Гекторъ самъ – позоръ и стыдъ!
Аяксомъ былъ убитъ".
Прощай – уже стоитъ на льду глупецъ –
Взломай тотъ ледъ и вновь возьми вѣнецъ!

(Уходитъ).

ПАТРОКЛЪ.

Тебѣ не разъ совѣтовалъ я то же.
Хоть женщина съ хваткою мужской
Противна всѣмъ, не лучше и мужчина,
Когда во время гибельной войны
На женщину походить. Не меня-ли
Винять въ твоихъ поступкахъ? Всѣ вполнѣ
Убѣждены, что только отвращенье

102

<На странице расположена фотография древнегреческой золотой короны, обнаруженная при Микенских раскопках Шлимана.>

Мое къ войнѣ способно удержать
Тебя средь битвъ. Страхни-жъ любовь скорѣе,
Какъ съ гривы левъ полночную росу, -
И Купидонъ слѣпой, сластолюбивый
Падетъ во прахъ.

АХИЛЛЪ.

Такъ неужель Аяксъ
Сразится съ Гекторомъ?

ПАТРОКЛЪ.

Да, и за трудный,
Отважный подвигъ славу обрѣтеть.

АХИЛЛЪ.

Въ опасности моя былая слава –
Я самъ нанесъ ей гибельный ударъ.

ПАТРОКЛЪ.

Такъ берегись. Нѣтъ тяжелѣе раны
Той, что своей рукой нанесена.
Опасности являются нерѣдко
Отъ собственной оплошности; онѣ,
Какъ лихорадка, часто заражаютъ,
Когда сидимъ на солнцепекѣ мы.

АХИЛЛЪ.

О, дорогой Патроклѣ мой, позови
Ко мнѣ Терсита. Я шута отправлю
Посломъ къ Аяксу съ просьбой пригласить
Ко мнѣ вождей троянскихъ послѣ битвы.
Пусть это прихоть женская, но я
Горю желаньемъ Гектора увидѣть
Безъ латъ стальныхъ, а въ мирномъ одѣянии.
Лицомъ къ лицу хочу съ нимъ говорить...
Но вотъ Терситъ – ты отъ хлопотъ избавленъ
Идти за нимъ.

Входитъ ТЕРСИТЪ.

ТЕРСИТЪ. Вотъ такъ чудо!

АХИЛЛЪ. А что такое?

ТЕРСИТЪ. Аяксъ шатается взадъ-впередъ по полю и ищетъ самого себя.

АХИЛЛЪ. Какъ такъ?

ТЕРСИТЪ. Онѣ долженъ завтра идти на поединокъ съ Гекторомъ и
геройская потасовка, которую онѣ получить, дѣлаетъ его до того пророчески
гордымъ, что онѣ бредитъ безъ словъ.

АХИЛЛЪ. Неужели?

ТЕРСИТЪ. Вѣрно. Распустилъ хвостъ, какъ павлинъ. Походитъ,
походитъ и остановится, какъ трактирщица, которой негдѣ свести своихъ
счетовъ, кромѣ своей головы. Онѣ, какъ вельможа, кусаетъ себѣ губу, словно
хочетъ глубокомысленно возвѣстить: "Въ этой головѣ ума палата, да только
онѣ изъ нея выходить не хочетъ". И точно, онѣ въ ней есть, да только не
выскакиваетъ, какъ изъ кремня искра, покуда его не стукнуть какъ слѣдуетъ.
Малый этотъ погибъ окончательно: если ему Гекторъ не сломитъ шеи, то
она переломится отъ тяжелого тщеславія. Меня онѣ не узнаетъ ужъ: Я
говорю ему: "Здравствуй, Аяксъ", а онѣ мнѣ на это: "Благодарю,
Агамемнонъ". Ну, что вы скажете о человѣкѣ, принимающемъ меня за
полководца! Онѣ превратился въ настоящую береговую рыбу, безгласное

чудище... Велика радость славы! Ее, какъ кожаную куртку, можно и на изнанку выворачивать.

АХИЛЛЪ. Я хочу тебя, Терситъ, отправить къ нему посломъ.

ТЕРСИТЬ. Меня? Напрасный трудъ. Отъ него теперь ни на одинъ вопросъ не

103

добьешься отвѣта: онъ выше этого; только ничтожество разговариваетъ. Онъ ходитъ, держа языкъ въ кулакѣ. Я готовъ вамъ представить его. Пусть Патроклъ спрашиваетъ меня. Вы увидите живого Аякса.

АХИЛЛЪ. Хорошо. Ты, Патроклъ, подойди и скажи ему, что я прошу покорнѣйше доблестнаго Аякса пригласить нахрабрѣйшаго Гектора придти безъ оружія въ мой шатеръ и добыть для него пропускъ отъ великаго, дважды, трижды прославленнаго предводителя греческихъ войскъ Агамемнона и т. д. Начинай.

ПАТРОКЛЪ. Да благословитъ Зевесъ великаго Аякса.

ТЕРСИТЬ. Гм...

ПАТРОКЛЪ. Я пришелъ отъ имени достойнаго Ахилла.

ТЕРСИТЬ. А...

ПАТРОКЛЪ. Онъ покорнѣйше проситъ тебя пригласить Гектора въ его палатку.

ТЕРСИТЬ. Гм...

ПАТРОКЛЪ. И добыть ему свободный пропускъ отъ Агамемнона.

ТЕРСИТЬ. Отъ Агамемнона?

ПАТРОКЛЪ. Да, отъ него, свѣтлѣйшій Аяксъ.

ТЕРСИТЬ. А...

ПАТРОКЛЪ. Что ты на это скажешь?

ТЕРСИТЬ. Да хранить тебя Зевсъ... Отъ чистаго сердца...

ПАТРОКЛЪ. А твой отвѣтъ?

ТЕРСИТЬ. Если завтра будетъ хорошій день съ утра, я подумаю и дамъ отвѣтъ, такъ или иначе, онъ дорого заплатитъ прежде, чѣмъ одолѣетъ меня.

ПАТРОКЛЪ. Твой отвѣтъ, дорогой Аяксъ?

ТЕРСИТЬ. Будь здоровъ... отъ всей души.

АХИЛЛЪ. Неужто онъ поетъ въ такомъ духѣ?

ТЕРСИТЬ. Напротивъ, онъ не въ духѣ. Какая будетъ изъ него музыка, когда Гекторъ завтра выколотитъ изъ него мозги, – не знаю. Вѣроятно, ни малѣйшей, если Аполлонъ не вытянетъ изъ него жилы и не надѣлаетъ изъ нихъ струнь.

АХИЛЛЪ. Ты сейчасъ же отнесешь ему посланіе.

ТЕРСИТЬ. Давай лучше письмо къ его лошади: изъ нихъ двоихъ она все же умнѣе.

АХИЛЛЪ. Мой умъ, какъ источникъ, взволнованный бурей до того смятенъ, что я самъ не вижу его дна.

(Ахиллъ и Патроклъ уходятъ).

ТЕРСИТЬ. Ахъ, еслибы источникъ твоего ума снова просвѣтлѣлъ хоть на столько, чтобы мнѣ въ немъ осла напоить! Лучше бы я желалъ быть подкожнымъ паразитомъ у барана, чѣмъ такимъ безнадежно храбрымъ дуракомъ!

(Уходитъ).

<На странице расположена фотография кубка, обнаруженного при троянских раскопках Шлиманом.>

104

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица въ Троѣ.

Съ одной стороны входитъ ЭНЕЙ, за нимъ – СЛУГА съ факеломъ, съ противоположной – ПАРИСЪ, ДЕЙФОВЪ, АНТЕНОРЪ, ДІОМЕДЪ и другіе, также съ факелами.

ПАРИСЪ.

Эй, кто идетъ?

ДЕЙФОВЪ.

Эней.

ЭНЕЙ.

Да, это принцъ!

Самъ принцъ Парисъ! Ну, принцъ, когда-бы мнѣ
Такой предлогъ блаженствовать въ постели,
Небесный гнѣвъ лишь могъ меня-бъ отвлечь
Отъ жаркаго, томительнаго ложа,
Отъ нѣгъ и ласкъ подруги дорогой.

ДІОМЕДЪ.

Меня-бы тоже. А, Эней! Здорово.

ПАРИСЪ.

Передъ тобою, славный мой Эней,
Грекъ доблестный. Ты самъ тому свидѣтель:
На полѣ битвы онъ не мало дней
Преслѣдовалъ тебя.

ЭНЕЙ.

Прійми привѣтъ мой,
Достойный воинъ. Счастливъ будь, пока
Сіяетъ миръ. А встрѣтимся въ dospѣхахъ, –
Жди вызова такого отъ меня,
Какого никогда не создавала
Ничья вражда и мужество ничье
Не выполняло.

ДІОМЕДЪ.

Что-жъ, благодарю
За то и за другое. А пока
Спокойна кровь, тебѣ такого-жъ счастья
Желаетъ Діомедъ. Но вспыхни бой,
Явися случай и, Зевесъ свидѣтель! –
Со всею силой, съ ловкостью, съ отвагой
За жизнь твою брошусь я!

ЭНЕЙ.

Ты бросишься за львомъ, а онъ не станетъ
Ни отступать, ни убѣгать. Съ тобой –
Ко глазу глазъ – онъ встрѣтится. Но встрѣча
Такая впереди, а до нея,
Прошу тебя пожаловать къ намъ въ Трою.
Клянуся головой Анхиза, ты
Желаннымъ гостемъ будешь въ ней. Я даже
Готовъ рукой Венеры клясться здѣсь,
Что никогда, никто не могъ такъ сильно
Любить того, кого хотѣлъ убить.

ДІОМЕДЪ.

Вполнѣ тебѣ сочувствую. Юпитеръ!
О, дай еще лѣтъ тысячу прожить
Энею, если смерть его не можетъ
Меня прославить. Если же она⁷
Прославить мечъ мой, – пусть умретъ онъ завтра!

ЭНЕЙ.

Другъ друга мы узнали хорошо.

ДІОМЕДЪ.

Но жаждемъ знать другъ друга и похуже.

ЭНЕЙ.

Я никогда привѣта не слыхалъ
Столь злобнаго и дружескаго вмѣстѣ,
Столь полного любви и ненависти.

ДІОМЕДЪ.

Что

Тебя такъ рано подняло?

ЭНЕЙ.

За мною

Самъ царь Пріамъ гонца послалъ. Зачѣмъ, –
Не знаю.

ПАРИСЪ.

Онъ предупреждаетъ
Твое желанье. Долженъ проводить
Ты молодого грека въ домъ Калхаса.
И привести взамѣнъ его сюда
Красавицу Крессиду. Если хочешь,
Пойдемъ со мною вмѣстѣ, иль, будь добръ,
Опреди насъ. Мнѣ сдается сильно...
Нѣтъ, болѣе! Я убѣжденъ вполнѣ,
Что нынче тамъ мой братъ Троилъ ночуетъ.
Предупреди его, скажи, что мы
Идемъ во слѣдъ, да объясни причину,
Заставившую насъ не пощадить
Его блаженства. Вѣрно тамъ насъ примутъ
Не очень-то любезно.

ЭНЕЙ.

Да, конечно,

Троилу легче видѣть увезенной
Всю Трою въ Грецію, чѣмъ дочь Калхаса
Изъ Трои увозимую.

<На странице расположена иллюстрация «Остатки Трои» (Раскопки Шлимана в 1870-х гг).>

ПАРИСЪ.

Что дѣлать!

Такъ время повелѣло. Но скорѣе
Иди впередъ. Мы – за тобою слѣдомъ.

ЭНЕЙ.

Прощай. (*Уходитъ*).

ПАРИСЪ.

Скажи мнѣ, честный Діомедъ,
Какъ слѣдуетъ товарищу, открыто:
Кому по справедливости должна
Принадлежать Елена: Менелаю,
Иль мнѣ? Рѣши.

ДІОМЕДЪ.

Обоимъ вамъ. Ему
За то, что онъ, презрѣвъ свое безчестье,
Цѣною жертвъ, терзаній и борьбы
Старается вернуть ее. Тебѣ-же
За то, что ты, не чувствуя ея
Позора, все безъ сожалѣнья губишь:
Друзей своихъ, сокровища. Готовъ
Слезливый рогоносецъ тотъ упиться
Подонками изъ чаши, налитой
Давно напиткомъ выдохшимся. Ты-же
Не прочь изъ нѣдръ развратнѣйшихъ имѣть
Наслѣдниковъ. Колю взвѣситъ васъ обоихъ,
Другъ другу вы окажетесь подъ стать.
Но, впрочемъ, онъ съ рогатымъ украшеньемъ
Ей болѣе подходитъ.

106

ПАРИСЪ.

Ты жестокъ
Къ прекрасной соотечественницѣ.

ДІОМЕДЪ.

Право,
Къ отечеству ея жестокость злѣй.
Послушай: капля каждая ея
Распутной крови куплена цѣною
Прекрасной жизни грека. Каждый скрупуль
Ея позоромъ вскормленнаго тѣла
Оплаченъ смертью храбраго троянца.
Съ тѣхъ поръ, какъ заболталъ ея языкъ,
Она сказала меньше словъ разумныхъ,
Чѣмъ за нее погибло въ схваткахъ шумныхъ
Троянъ и грековъ.

ПАРИСЪ.

Въ этомъ Діомедъ
Подобень покупателю: желая
Купить предметъ, его стремится онъ
Унизить. Но мы, молча, сохраняемъ
Заслуженную стоимость... Итакъ,
Зоветь насъ путь. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Троя. Дворъ при домѣ Пандара. Утро.

Входятъ ТРОИЛЬ и КРЕССИДА.

ТРОИЛЬ.

Моя голубка,
Вернись... Опасенъ утренникъ сырой.

КРЕССИДА.

Хочу я кликнуть дядю, о, мой милый,
Чтобъ отперъ намъ ворота.

ТРОИЛЬ.

Нѣтъ, оставь.
Въ постель! Въ постель! Пусть
Сонъ сомкнетъ рѣсницы,
Покоемъ дѣтскимъ чувства оковавъ.

КРЕССИДА.

Такъ добрый день.

ТРОИЛЬ.

Иди, усни, молю я.

КРЕССИДА.

Ужъ я тебѣ наскучила?

ТРОИЛЬ.

Молчи!

Крессида! Еслибъ жаворонокъ звонкій
Не разбудилъ назойливаго дня,
Не поднялъ всѣхъ воронъ сластолюбивыхъ,
И еслибъ ночь завѣсою своей
Мечтательной и темною прикрыла
Блаженство наше, я-бъ не въ силахъ былъ
Тебя оставить.

КРЕССИДА.

О, какъ ночь поспѣшна!

ТРОИЛЬ.

Проклятая колдунья! Безъ конца
Съ терпѣньемъ адскимъ топчется на мѣстѣ
Она для злыхъ... А отъ блаженныхъ ласкъ
Летитъ быстрѣ мысли. Что-жъ ты медлишь?
Простудишься и проклянешь меня.

КРЕССИДА.

Молю, позволь хоть мигъ побыть съ тобою!
Не любишь ты, какъ всѣ мужчины, ждать.
О, глупая Крессида! Будь я тверже,
Не уступи, ты поневолѣ-бъ ждалъ...
Но слушай... Тамъ идутъ...

ПАНДАРЬ *(за сценой)*.

Что это значитъ?

Всѣ двери настезъ.

ТРОИЛЬ.

Это дядя твой.

КРЕССИДА.

Ахъ, пропади онъ пропадомъ! Я знаю,
Посыпятся насмѣшки... Что за жизнь!

Входитъ ПАНДАРЪ.

ПАНДАРЪ. Ну, какъ чувствуетъ себя твоя невинность?... Да гдѣ же моя племянница Крессида? Я оставилъ дѣвственницу, а эта...

КРЕССИДА. Отстань ты, дядя, злой насмѣшникъ. Самъ же меня подвелъ и надо мной гаумится.

ПАНДАРЪ. Я подвелъ? Къ чему подвелъ? Ну, скажетъ пусть онъ – къ чему?

КРЕССИДА.

Негодный и безпутный человѣкъ!
Порядочнымъ никакъ ты быть не можешь,
Да и другихъ сбиваешь.

ПАНДАРЪ. Ха-ха-ха! О, моя глупенькая бѣдняжка! Ты всю ночь не спала. Тебѣ мѣшали! Вѣрно, все этотъ несносный человѣкъ, забодай его быкъ! *(Стучать въ дверь).*

КРЕССИДА.

Я говорила! Право, было-бъ славно,
Когда-бъ стучали въ голову его
Вотъ такъ, вотъ такъ... какъ въ эту дверь. Но кто тамъ?
Пойди, взгляни-ка, дядя... Милый мой,
А ты ко мнѣ вернись... Но ты смѣешься,
Какъ будто здѣсь дурное видишь.

ТРОИЛЬ.

Гм...

107

<Сверху на странице расположена репродукция рисунка известного английского иллюстратора Кини Медоуса (Kenny Meadows, 1790-1874) «Крессида».>

КРЕССИДА.

Ошибся, милый. Ничего такого
Я не желала. *(Стукъ сильнѣе).* Ахъ, какъ тамъ стучать!
Пожалуйста, уйдемъ, уйдемъ отсюда.

Я – половины Трои не возьму
За то, чтобъ здѣсь тебя сейчасъ застали.

(Уходитъ съ Троиломъ).

ПАНДАРЬ *(подходя къ двери)*. Кто тамъ? Что случилось? Этакъ ворота не трудно выломать. *(Отпирая)*. Да что-же, наконецъ, случилось?

Входитъ Эней.

Здорово. Съ добрымъ утромъ.

ПАНДАРЬ.

Что такое?

Эней! Клянусь, я не узналъ тебя.
Скажи, зачѣмъ такъ рано?

Эней.

Я къ Троилу.

ПАНДАРЬ.

Какой Троиль? Подумай самъ, зачѣмъ
Въ такую рань онъ будетъ здѣсь?

Эней.

Я знаю,
Онъ ночевалъ у васъ. Не прекословь,
Веди къ нему. То, что сказать я долженъ.
Глубоко важно...

108

ПАНДАРЬ. Гм... Такъ ты говоришь, - онъ здѣсь... Мнѣ и въ голову не приходило. Клянусь! Я самъ вернулся поздно. Подумай, что ему здѣсь дѣлать – ни свѣтъ, ни заря.

Эней. Что дѣлать ему? Ну, полно... Иди за нимъ, не то своимъ упорствомъ ты повредишь ему: вѣрность иногда хуже измѣны. Можешь не знать, что онъ здѣсь, но все-же позови его.

(Пандарь уходитъ).

Входитъ Троиль.

Троиль.

Въ чемъ дѣло?

Эней.

Принцъ... Прости, что не могу
Привѣтствовать тебя какъ должно. Видишь,
Сюда, за мною слѣдуютъ: твой братъ
Парисъ, Дейфобъ, грекъ Діомедъ, а также
Явившійся изъ плѣна Антеноръ.
Взамѣнь его, предъ жертвоприношеніемъ
Мы Діомеду выдать здѣсь должны
Красавицу Крессиду.

ТРОИЛЪ.

Такъ рѣшили?

ЭНЕЙ.

Пріамъ съ совѣтомъ Трои, и сейчасъ
Они придутъ, чтобъ выполнить рѣшеніе.

ТРОИЛЪ.

О, счастье! Ты глумишься надо мной!
Я встрѣчу ихъ... А ты, Эней, ты скажешь,
Что мы случайно встрѣтились съ тобой –
Не здѣсь... не здѣсь... А гдѣ нибудь, гдѣ знаешь...

ЭНЕЙ.

О, будь покоенъ. Тайну сохраню
Я глубже, чѣмъ хранить ее природа.

(Троилъ и Эней уходятъ).

ПАНДАРЪ. Вотъ такъ штука! бѣдный малый! Только что добылъ и
приходится терять! Бѣдный принцъ, пожалуй, съ ума сойдетъ. Чтобъ
проказа поразила этого Антенора! Чтобъ онъ шею себѣ сломалъ!

Входитъ КРЕССИДА.

КРЕССИДА.

Что здѣсь за шумъ и что еще случилось?

ПАНДАРЪ.

Ахъ!

КРЕССИДА.

Ты вздыхаешь? Гдѣ Троилъ? Ушелъ?
О, дядя! Что случилось? Что случилось?

ПАНДАРЪ. Отъ души желалъ бы провалиться на два аршина подъ
землю.

КРЕССИДА.

О, боги! Что случилось?

ПАНДАРЬ. Уходи, прошу тебя. Лучше бы тебѣ, бѣдняжка, на свѣтъ не родиться. Я такъ и зналъ, что ты вгонишь его въ гробъ. О, бѣдный, бѣдный! Проклятый Антеноръ!

КРЕССИДА. Дядя, на колѣняхъ умоляю тебя, скажи въ чемъ дѣло.

ПАНДАРЬ. Ты должна уйти отсюда, о, бѣдная моя дѣвочка! Тебя продали, вымѣняли на Антенора. Ты должна уйти, покинуть Троила, идти къ отцу. Это погубить Троила, уложить его въ гробъ: онъ не вынесетъ разлуки.

КРЕССИДА. Боги! Боги! Я не пойду отсюда!

ПАНДАРЬ. Тебя принудятъ.

КРЕССИДА.

Нѣтъ, не пойду! Я узъ родства не знаю!
Забыла я отца. Ни кровныхъ узъ, ни чувствъ.
Ни близкихъ, ни родныхъ и никого на свѣтъ
И ничего въ душѣ моей! Одна
Любовь къ Троилу! Боги! Пусть Крессидой
Зовутъ непостоянство, если я
Когда нибудь забуду о Троилѣ!
О, время! Смерть! Бичующая сила!
Возьмите тѣло хрупкое мое,
Терзайте, мучьте! Но основа, зданье
Моей любви прочны, какъ центръ земли...
Пойду къ себѣ и тамъ запрусь, чтобъ плакать!

ПАНДАРЬ. Плачь, плачь, бѣдняжка.

КРЕССИДА.

Я повырву пряди
Моихъ волосъ, царапать стану щеки,
Рыданіями голосъ надорву
И сердце разорву, крича Троила,
Но не уйду изъ Трои.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Тамъ-же. Передъ домомъ Пандара.

Входят ПАРИСЪ, АНТЕНОРЪ, ТРОИЛЬ, ЭНЕЙ, ДЕЙФОВЪ, ДІОМЕДЪ и др.

ПАРИСЪ.

Ужъ разсвѣло. Часъ пробилъ и Крессиду
Должны мы сдатьъ съ рукъ на руки красавцу,
Пришедшему изъ греческаго стана.

109

Спѣши, Троиль, и объясни Крессидѣ, –
Что предстоитъ ей.

ТРОИЛЬ.

Вы войдите въ домъ.
Я постараюсь вывести Крессиду.
Въ тотъ мигъ, когда ее я греку сдамъ, –
Знай, что твой братъ Троиль приносить въ жертву
Растерзанное сердце. (*Уходитъ*).

ПАРИСЪ (*про себя*).

Ахъ и мнѣ
Любовь знакома! Я желалъ бы страстно
Ему помочь, утѣшить... Но, увы!
Идемъ, друзья. (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната Крессиды.

Входятъ ПАНДАРЪ и КРЕССИДА.

ПАНДАРЪ.

Ну, полно, не отчаявайся.

КРЕССИДА.

Какъ!

Ужель меня ты хочешь успокоить?
Но безысходно, ядовито горе,
И какъ вина его, неумолимо.

Какъ заглушить отчаяніе!? Еслибъ
Могла любовь я подавить, ослабить,
Расхолодить!... О, я тогда, конечно,
Могла бы горе легче выносить...
Но ни любовь, ни горе не стихаютъ...
Такъ велика потеря!

Входитъ ТРОИЛЬ.

ПАНДАРЪ.

Вотъ онъ самъ.

Ахъ, бѣдненькій цыпленокъ!

КРЕССИДА.

Ты? О, боги!

О, мой Троиль! (*Обнимаетъ его*).

ПАНДАРЪ. Вотъ парочка! Точно два стекла въ очкахъ, они созданы другъ для друга. Дайте мнѣ расцѣловать васъ. Какъ это славно сказано въ стихахъ:

О, сердце, сердце, почему
Себя ты такъ тревожишь?

А сердце отвѣчаетъ:

Увы, вѣдь горю моему
Ничѣмъ ты не поможешь.

Сколько правды въ этихъ стихахъ. Не надо пренебрегать никакимъ вздоромъ, потому что и стихи иногда бываютъ кстати: вы въ этомъ сами можете убѣдиться. Но какъ-же быть, однако, ягнятки мои?

ТРОИЛЬ.

Крессида! Я люблю тебя такъ страстно,
Что сами боги въ злобѣ поднялись,
Завидуя, что холодны и слабы
Въ сравненіи съ огнемъ моей любви
Молитвенные вздохи всѣхъ живущихъ.

КРЕССИДА.

Ужель богамъ доступна зависть?

ПАНДАРЪ.

Конечно, да! Доказывать не стоитъ
Того, что очевидно.

КРЕССИДА.

И неужто
Изъ Трои я должна уйти?

ТРОИЛЪ.

Увы!

КРЕССИДА.

Сказать "прости" Троилу?

ТРОИЛЪ.

И Троилу
И Троѣ!

КРЕССИДА.

Нѣтъ, не можетъ быть!

ТРОИЛЪ.

Такъ надо.

Намъ злобный рокъ не хочетъ дать проститься,
Отказывая даже и въ отсрочкѣ.
У насъ съ тобой онъ грубо отнимаетъ
Блаженство снова слить уста въ лобзаньи,
Въ объятіяхъ другъ друга сжать, и клятвы
Въ одно дыханье слить. И оба мы,
Купившіе цѣной несчетныхъ вздоховъ
Другъ друга, - мы должны продать сегодня
Все счастье мимолетное за вздохъ,
За тайный вопль страданія. А время,
Какъ жадный воръ, безсмысленно уноситъ
Сокровища зарытыя въ сердцахъ,
Прощанія, несчетныя, какъ звѣзды,
И каждое съ особымъ выраженьемъ,
Съ особымъ поцѣлуемъ. Какъ въ мѣшокъ,
Въ одно "прости" оно забило грубо
И отравило блѣдный поцѣлуй
Солеными и горькими слезами.

ЭНЕЙ.

Готова-ль въ путь Крессида, принцъ?

ТРОИЛЪ.

Ты слышишь,
Тебя зовутъ. Не такъ-ли геній смерти
Кричить: "иди" тому, кто предназначенъ.
Пусть подождутъ. Она сейчасъ придетъ.

ПАНДАРЪ. Гдѣ мои слезы? Тѣ слезы, которыя, подобно дождю, должны
укротить бурю, или она съ корнемъ вырветъ мое сердце. (*Уходитъ*).

КРЕССИДА.

Такъ я должна, должна вернуться къ грекамъ?

ТРОИЛЪ.

Да, это неизбежно.

КРЕССИДА.

О, Крессида!
Печальная среди веселыхъ грековъ!
Когда опять увидимся?

ТРОИЛЪ.

Послушай –
Будь только мнѣ вѣрна...

КРЕССИДА.

Что? Я – вѣрна!
Откуда это злостное сомнѣнье?

ТРОИЛЪ.

Въ разлуки часъ не надо ссоръ и споровъ.
Не потому сказалъ я: "будь вѣрна",
Чтобъ сомнѣвался.. Самой смерти брошу
Перчатку я в защиту чистоты
Твоей души. Я рѣчь свою не кончилъ –
"Будь только мнѣ вѣрна, - хотѣлъ сказать я, -
И я приду".

КРЕССИДА.

Опасенъ твой обѣтъ,
Но буду я вѣрна.

ТРОИЛЪ.

Тогда опасность
Я обольщу. Носи наручникъ мой.

КРЕССИДА.

А ты – мои перчатки. Такъ когда-же
Свиданья день?

ТРОИЛЬ.

Сегодня-жъ подкуплю
Я часовыхъ и буду каждой ночью
Съ тобой! Съ тобой! Будь только мнѣ вѣрна.

КРЕССИДА.

Опять "вѣрна". О, боги!

ТРОИЛЬ.

Но послушай,
Вотъ почему я это говорю:
У грековъ молодыхъ достоинствъ много.
Они любезны всѣ, одарены
Природой щедрой; ловкимъ воспитаньемъ
Возвышены. Подумать страшно мнѣ,
Что новизна прельститъ тебя, совмѣстно
Съ ихъ красотой. Предчувствія змѣя
Впились въ меня и не даютъ покоя.

КРЕССИДА.

Меня совсѣмъ не любишь ты, Троиль.

ТРОИЛЬ.

Пусть, если такъ, погибну я злодѣемъ!
Я не твоей невѣрности боюсь,
А недостатковъ собственныхъ. Не знаю
Я тѣхъ наукъ, въ которыхъ такъ сильны,
Искусны греки. Не владѣю даромъ
Ни говорить красно, ни пѣть. Могу,
Однако-же, сказать тебѣ, что дьяволъ
Подъ ихъ прельстительной личиною сокрытъ,
Чтобъ обольщать таинственно и тихо.
Но ты, Крессида, не плѣняйся имъ.

КРЕССИДА.

Я! дьяволомъ!... Ты думаешь?...

ТРОИЛЬ.

Нисколько
Не думаю. Но съ нами иногда

Бываетъ то, о чемъ мы не гадаемъ.
Мы демоны порою для себя,
Когда не зная бѣдность нашей силы,
Ее мы искушаемъ...

Эней (*за сценой*).

Что-же, принцъ?

Троиль.

Цѣлуй меня и разлучимся.

Парись (*за сценой*).

Братъ мой,
Троиль!

Троиль.

Войди о, милый мой Парись,
Введи Энея, грека...

Крессидъ.

Ненаглядный
Мой принцъ, - ты будешь вѣренъ мнѣ?

Троиль.

Кто? Я!
Да весь порокъ мой, весь мой недостатокъ

111

Въ томъ, что когда другіе въ высь идутъ
То хитростью, то кознями, - я кротко
Довольствуюсь лишь ясной простотой.
Они умѣютъ позлащать искусно
И мѣдныя вѣнцы, тогда какъ я
Ношу вѣнецъ такой, какой имѣю.
Не сомнѣвайся въ вѣрности моей.
Знай навсегда, что "простота и вѣрность"
Вотъ мой девизъ.

Входятъ Эней, Парись, Антеноръ, Дейфобъ и Діомедъ.

Троиль (*Діомеду*).

Прошу васъ. Вотъ Крессидъ,

Которую мы грекамъ отдаемъ
За Антенора. До воротъ Крессиду
Я провожу и по дорогъ все
Тебѣ о ней открою. А куда
Я одного прошу, чтобъ обращался
Привѣтливо ты съ нею и, клянусь,
Прекрасный грекъ, когда ты мечъ мой встрѣтишь, -
Лишь назови Крессиду, - жизнь твоя
Ненарушима будетъ, какъ въ стѣнахъ
Священныхъ Илліона – жизнь Пріама.

ДІОМЕДЪ.

Красавица Крессиде, я прошу
Избавь меня отъ тѣхъ благодареній,
Которыхъ принцъ Троилъ, я сознаюсь,
Заслуживаетъ... Нѣтъ, твоя улыбка,
Твоихъ очей сіянье и ланитъ
Плѣнительный румянецъ – все внушаетъ
Невольно обожанье. Діомедъ
Тебя своей властительницей видитъ,
Себя – рабомъ восторженнымъ твоимъ.
Повелѣвай.

ТРОИЛЬ.

Блестящій грекъ, со мною
Ты неучтивъ. Разсыпавъ вслухъ хвалы,
Ты унижаешь мой завѣтъ. Запомни,
Сынъ Греціи, еще: Крессиде выше
Твоихъ похвалъ настолько, что рабомъ
Ты недостойнъ быть, но обращайтесь, -
Я требую, - какъ слѣдуетъ вы съ ней
Не только ради красоты ея, но также
И ради просьбъ моихъ. Клянусь тебѣ
Плутономъ грознымъ, - иначе, будь трижды
Самъ Ахиллесъ защитникомъ твоимъ,
Я горло разрублю тебѣ.

ДІОМЕДЪ.

Напрасно
Ты горячишься, принцъ. Признай за мной
Права посла и знатность. Я свободенъ
Въ своихъ рѣчахъ. Изъ города уйду, -
И никому въ дѣлахъ не дамъ отчета.
Не выношу я принужденій, но

Достоинства Крессиды вынуждаютъ
На уваженъе. Если-жъ ты, Троиль,
Потребуешь, чтобъ я приказъ твой слушалъ, -
Изъ гордости отвѣчу я: "Нѣтъ! Нѣтъ!"

ТРОИЛЬ.

Идемъ къ воротамъ. Діомедъ, запомни:
Я дерзость не прощу тебѣ и ты
Изъ-за нея не разъ скрываться станешь.
Крессида, дай мнѣ руку – обо всемъ
Дорогой мы условимся. Идемъ.

(Троиль и Крессида уходятъ. За ними – Діомедъ. Вдали трубятъ).

ПАРИСЪ.

То Гектора труба.

ЭНЕЙ.

Какъ пронеслось
Сегодня утро! Гекторъ вправѣ будетъ
Считать меня лѣнтяемъ. Какъ нарочно
Я поклялся быть первымъ на конѣ.

ПАРИСЪ.

Во всемъ Троиль виновенъ. Но идемте,
Идемте въ поле съ Гекторомъ.

ДЕЙФОБЪ.

Скорѣй.

ЭНЕЙ.

Да, полетимъ за Гекторомъ съ проворствомъ
Влюбленнаго въ невѣсту жениха.
Вѣдь отъ него зависитъ слава Трои.
Мы иль падемъ иль будемъ съ нимъ – герои!

СЦЕНА V.

Греческій лагерь. Передъ нимъ обнесенное изгородью мѣсто
для поединка.

*Входятъ Аяксъ, Агамемнонъ, Ахиллъ, Патроклъ, Менелай,
Улиссъ, Несторъ и другіе.*

АГАМЕМНОНЪ.

А, ты ужъ здѣсь, Аяксъ, вооруженный
И полный жизни, свѣжести! Труби!
Пусть мужество твое ударить громомъ
И грозный вызовъ Троѣ донесетъ.
Пусть гордый врагъ воспрянетъ и на битву
Спѣшитъ сюда!

АЯКСЪ.

Вотъ кошелекъ, трубачъ.
Греми сильнѣе, не жалѣя легкихъ

112

И мѣдныхъ стѣнъ трубы своей! Дуй, дуй
Въ ея жерло, чтобъ вѣтромъ налилося,
Какъ чрево Аквилона отъ натугъ,
Чтобы глаза наполнились кровью!
Вѣдь ты гремишь для Гектора.

(Звукъ трубы).

УЛИССЪ.

Никто
На зовъ не отвѣчаетъ.

АХИЛЛЪ.

Слишкомъ рано.

АГАМЕМНОНЪ.

Не Діомедъ-ли тамъ съ Крессидой?

УЛИССЪ.

Онъ.

Ужъ видно по походкѣ: онъ какъ будто
По воздуху отъ пылости скользитъ.

Входятъ Діомедъ съ Крессидой.

АГАМЕМНОНЪ.

Такъ вотъ она – Крессидида.

ДІОМЕДЪ.

Да, Крессида.

АГАМЕМНОНЪ (*цѣлуя ее*).

Прекрасная! Сердечнѣйшій привѣтъ
Тебѣ отъ грековъ.

НЕСТОРЪ.

Этимъ поцѣлуемъ
Почтилъ тебя нашъ предводитель.

УЛИССЪ.

Но
Хоть искренній привѣтъ, а все-же личный.
Будь общимъ, - онъ значительнѣе-бъ былъ.
Не такъ-ли, Несторъ?

НЕСТОРЪ.

Правда, принимаю
Я твой совѣтъ. Вотъ Нестора привѣтъ.

АХИЛЛЪ.

Прекрасная! Печать зимы холодной
Я съ устъ твоихъ хотѣлъ бы удалить.
Прійми привѣтъ Ахилла.

МЕНЕЛАЙ.

Ахъ, имѣлъ я тоже
Когда-то право цѣловать!

ПАТРОКЛЪ.

Пускай –
Изъ этого не слѣдуетъ, однако,
Чтобъ сохранилъ ты право и теперь –
Парись за то имъ пользуется, вѣрь!

УЛИССЪ.

О, оскорбленіе злостное! Вина
Насмѣшки и глумленія надъ нами.
Онъ губить насъ позорными рогами.

ПАТРОКЛЪ.

Вотъ поцѣлуй... онъ былъ за Менелая.
Сейчасъ тебя цѣлую за себя я.

МЕНЕЛАЙ.

Вѣдь вотъ злодѣй!

ПАТРОКЛЪ.

Съ Парисомъ, безъ стѣсненья
Мы за него цѣлуемъ.

МЕНЕЛАЙ.

Съ позволенья
Красавицы я поцѣлую самъ.

КРЕССИДА.

Ты поцѣлуй даешь иль принимаешь?

МЕНЕЛАЙ.

И то и это, если пожелаешь.

КРЕССИДА.

Нѣтъ, цѣловать себя тебѣ не дамъ:
Что ты даешь совсѣмъ не интересно.
Такъ значитъ и мѣняться такъ – нечестно.

МЕНЕЛАЙ.

За твой одинъ трема я заплачу.

КРЕССИДА.

Не надо. Я чужого не хочу.
Ты – мотъ.

МЕНЕЛАЙ.

А кто-жъ не мотъ?

КРЕССИДА.

О томъ изволить
Твоя жена съ Парисомъ знать.

МЕНЕЛАЙ.

Какъ колетъ
Твой язычокъ.

КРЕССИДА.

Ты сердишься напрасно.

УЛИССЪ.

О, съ нимъ шутить, красавица, опасно –
Того гяди наколешься на рогъ.
А я бы могъ разсчитывать?..

КРЕССИДА.

Да, могъ.

113

УЛИССЪ.

Молю тебѣ...

КРЕССИДА.

Моли.

УЛИССЪ.

Какъ только снова
Его жена невинность обрѣтетъ
И жить къ нему вернется безъ заботъ, -
О, поцѣлуй тогда меня!

КРЕССИДА.

Готова.

Я у тебѣ въ долгу и безъ труда
Свой долгъ отдамъ, когда настанетъ время.

УЛИССЪ.

Онъ за тобой. Не тягостное бремя.
Тѣмъ болѣе, что срокъ твой – никогда!

ДИОМЕДЪ.

Пора къ отцу, красавица.

(Уходитъ съ Крессидой).

НЕСТОРЪ.

Дѣвица

Пребойкая.

УЛИССЪ.

Такихъ не надо намъ.
Въ ней все: языкъ, глаза и даже ноги
Безъ умолку болтають, и сквозить

Въ движеніяхъ, въ улыбкѣ – легкомыслѣ.
Я знаю ихъ, готовыхъ предлагать
То, что у нихъ никто еще не проситъ,
И раскрывать предъ грамотными весь
Нечистый свитокъ мыслей и желанья.
Игрушки прихоти! Порочныя созданья!

(Вдали трубятъ).

В с ѣ .

Труба троянцевъ.

А Г А М Е М Н О Н Ѣ .

Да. А вотъ они.

*Входитъ Г Е К Т О Р Ѣ , вполне вооруженный. За нимъ – Э Н Е Й , Т Р О И Л Ъ и другіе
троянскіе вожди со свитой.*

Э Н Е Й .

Привѣтъ героямъ Греціи. Скажите,
Какъ побѣдитель долженъ быть почтенъ?
Хотите-ль вы, чтобъ именемъ счастливымъ
Гордился міръ? Хотите-ль также вы,
Чтобы бойцы сражались на смерть, или
Разстались – лишь какъ прогремитъ труба?
Желаешь это Гекторъ знать заранѣ.

А Г А М Е М Н О Н Ѣ .

А какъ желаетъ Гекторъ самъ?

Э Н Е Й .

Ему

Все это безразлично.

А Х И Л Л Ѣ .

Предложеніе

Достойно Гектора; въ немъ все есть: гордость
И самомнѣнье, только уваженія
Къ противнику не чувствуется.

*<На странице расположена фотография английской актрисы 18 века Киллер
(Cuyler) в роли Крессиды.>*

Э Н Е Й .

Ты самъ Ахиллъ?

Ахиллъ.

Будь я не онъ, я, значить,
Совсѣмъ ничто.

Эней.

Такъ значить ты Ахиллъ.
Но знай, кто-бъ ни былъ ты – соединились
И неразрывны гордость съ доблестью живой
У Гектора: одна ничтожна такъ же,
Какъ велика другая. Ты взглядишь

114

Внимательнѣй въ него и угадаешь, -
Не гордость то, а вѣжливость. Аяксъ,
На половину той-же славной крови,
И Гекторъ потому на бой принесъ
Лишь половину Гектора, другая
Осталась въ Троѣ. Вашъ боецъ – Аяксъ,
Онъ полу-грекъ, полу-тroyанецъ родомъ,
И потому увидитъ лишь полъ-силы,
Полъ-сердца Гектора, полъ-мужества его.

Ахиллъ.

Ну, это бабья битва будетъ. Знаю.

Діомедъ возвращается.

Агамемнонъ.

Вотъ Діомедъ. Будь стороной Аякса.
Ты опытенъ и заодно съ Энеемъ
Опредѣли условия поединка:
Сражаться на смерть, иль для вида только.
Противники родня, и это ихъ
Еще до боя тайно примиряетъ.

Аяксъ и Гекторъ выходятъ на арену.

Улиссъ.

Они сошлись лицомъ къ лицу.

Агамемнонъ.

Кто тамъ
Съ такимъ печальнымъ видомъ? Онъ изъ Трои?

Улиссъ.

То младшій сынъ Пріама. Молодъ онъ,
Но воинъ настоящій и не много
Соперниковъ имѣеть. Въ словъ твердъ
И больше дѣломъ говоритъ, чѣмъ словомъ.
Онъ сердцемъ тихъ, на ссору не податливъ,
Но, вызванный на ссору, помнитъ зло.
Онъ добръ и щедръ. Рука его и сердце
Открыты: онъ имѣеть, что даетъ,
Высказываетъ то, что думаетъ, но вздорной
Не выскажетъ онъ мысли и не дастъ
Ни гроша зря. Онъ мужественъ, отваженъ,
Какъ Гекторъ, но опаснѣе его.
И среди боя яростнаго тотъ
Способенъ чувствамъ женственнымъ поддаться,
А онъ въ разгаръ боя тверже, злѣй
И мстительнѣй любви ревниво-грозной.
На юношу, – зовутъ его Троиль, –
Надежды смѣло возлагаетъ Троя
И ихъ, какъ Гекторъ оправдаетъ онъ.
Эней о немъ повѣдалъ намъ все это,
Когда мы были въ Троѣ. Онъ его
Высоко цѣнитъ оттого, что знаетъ.

Трубятъ. Аяксъ и Гекторъ сражаются.

Агамемнонъ.

Бой начался.

Несторъ.

Держись, Аяксъ.

Троиль.

Ты, Гекторъ,
Какъ будто дремлешь. Такъ проснись скорѣй.

Агамемнонъ.

Какъ ловко онъ удары направляетъ.
Держись, Аяксъ!

Диомедъ.

Довольно. (*Трубы умолкаютъ*).

Эней.

Да, пора
Остановиться.

Аяксъ.

Нѣтъ, начнемъ бой снова;
Я не успѣлъ согрѣться.

Диомедъ.

Если такъ
Угодно Гектору.

Гекторъ.

Нѣтъ. Неудобно.
О, доблестный Аяксъ, ты мнѣ родня,
Ты сынъ сестры великаго Пріама,
Двоюродный мнѣ братъ и родственная связь
Не допускаетъ здѣсь кровопролитья.
Когда бы явно могъ ты отличить
Въ себѣ троянца кровь отъ крови грека,
И объявить, что эта вотъ рука
Принадлежитъ троянцу, эта греку,
Все въ той ногѣ, помимо нервовъ, жилъ, –
Троянское, а прочее отъ грека.
Иль-въ той щекѣ играетъ кровь отца,
Здѣсь – матери. Тогда, клянусь Зевесомъ,
Ты ни одинъ суставъ – наслѣдье грека –
Не вынесъ бы изъ боя нерушимымъ:
Печать ожесточенья я бѣ оставилъ
На нихъ вездѣ. Но небу неудобно,
Чтобъ мечъ мой пролилъ даже каплю крови,
Дарованной тебѣ сестрой Пріама,
Моею теткой, матерью твоей,
Чью память чту я свято и понынѣ.
Обнимемся-же; Зевсомъ я клянусь,
Что руки у тебя сильны и ловки,
И я желаю, чтобъ онѣ сейчасъ
Ко мнѣ упали дружески на плечи.
Хвала тебѣ, Аяксъ, мой милый братъ!

Аяксъ.

О, Гекторъ – правда, ты великодушень
И скромень. Я же съ цѣлью шелъ сюда

Убить тебя и тѣмъ снискать себѣ
Немеркнущую славу.

НЕСТОРЪ.

Самъ великій
Неоптолемъ, на чьемъ челѣ перстомъ
Безсмертной славы начерталось: "Чтите
Его – то онъ", – едва-ль сравниться могъ
Онъ съ Гекторомъ и храбростью, и честью.

ЭНЕЙ.

Та и другая сторона желаютъ
Знать, какъ рѣшить.

ГЕКТОРЪ.

Скажите нашъ отвѣтъ:
Былъ братскій поцѣлуй исходомъ боя.
Прощай, Аяксъ.

АЯКСЪ.

Когда-бъ я думать могъ,
Что просьба увѣнчается успѣхомъ,
Я доблестнаго брата бы просилъ
Нашъ лагерь посѣтить.

ДИОМЕДЪ.

О томъ же просить
Агамемнонъ, и славный Ахиллесъ
Стараетъ жаждой Гектора увидѣть
Вблизи и безъ оружія.

ГЕКТОРЪ.

Троилу
Скажи, Эней, что я его зову,
А также передай и всѣмъ троянцамъ,
Сопровождавшимъ насъ, о приглашеніи.
Пуškai домой вернуться. Дай мнѣ руку,
Любезный братъ. Пируя за столомъ,
Мы съ радостью увидимъ славныхъ грековъ.

АЯКСЪ.

Агамемнонъ великій къ намъ идетъ.

ГЕКТОРЪ.

Ты назовешь мнѣ всѣхъ знатнѣйшихъ грековъ.
Ахилла я узнаю, вѣрно, самъ
По доблестной и царственной осанкѣ.

АГАМЕМНОНЪ.

Привѣтъ тебѣ, великій вождь, мы рады
Принять тебя, насколько эта радость
Идетъ къ врагу, подобному тебѣ.
Привѣтъ мой вышелъ не совсѣмъ радушнымъ, –
Я выскажусь яснѣе. Что прошло,
Пусть замететъ забвенье сорнымъ прахомъ,
Грядущее пусть скроется во тьмѣ,
А этотъ мигъ свиданья безусловно
И искренній, и честный. Потому
Отъ всей души, о, Гекторъ именитый,
Прошу тебя пожаловать.

ГЕКТОРЪ.

Прійми,
Агамемнонъ великій, благодарность
Отъ Гектора.

АГАМЕМНОНЪ (*Троилу*).

Привѣтъ мой и тебѣ,
Прославленный троянецъ.

МЕНЕЛАЙ.

Добавляю
Къ привѣтамъ брата я и свой привѣтъ:
Пожалуйте, воинственные братья!

ГЕКТОРЪ.

Кого въ лицѣ твоёмъ благодарить?

ЭНЕЙ.

Да Менелая.

ГЕКТОРЪ.

О, я радъ знакомству
Съ царемъ великой Спарты и, клянусь
Перчаткой Марса, – очень благодаренъ.
Надъ клятвою непринятой моею

Не смѣйся царь. Твоя quondam жена
Венериной перчаткою клянется.
Она вполнѣ здорова, но тебѣ
Привѣтствій передать не поручала.

МЕНЕЛАЙ.

Воспоминанья эти – острый ножъ
Моей душѣ!

ГЕКТОРЪ.

Ахъ, я тебя обидѣлъ!

НЕСТОРЪ.

Не разъ видалъ я, доблестный троянецъ,
Какъ ты, покорный гибельной судьбѣ,
Кровавый путь свой пролагалъ средь грековъ.
Иль въ зломъ бою, пылая какъ Персей,
Летѣлъ впередъ, высоко мечъ вздымая
И на скаку фригійскаго коня
Осаживалъ, бояся тронуть павшихъ,
Я говорилъ стоявшимъ вокругъ меня:
"Смотрите, вонъ Юпитеръ, въ вихрѣ битвы
Властительно дарить онъ жизнь и смерть".
Видалъ и то, какъ въ сонмѣ грековъ мощно
Ты сдерживалъ горячаго коня,
Переводя дыханіе. Да, правда,
Не разъ я это видѣлъ, но лицо,
Твое лицо я подъ стальнымъ забраломъ
Не различалъ. Я дѣда твоего
Когда то зналъ, онъ былъ достойный воинъ,
Но все-жъ, клянуся Марсомъ, далеко
Ему до внука было. Такъ позволь-же
О, доблестный воитель, старику

116

Обнять тебя и съ радостнымъ привѣтомъ
Сказать: "Добро пожаловать въ нашъ станъ".

ЭНЕЙ.

Вѣдь это Несторъ!

ГЕКТОРЪ.

Онъ? живая память
Минувшаго! Позволь тебя обнять.
Ты долго велъ въ пути съ собою время.
Душевно радъ прижать тебя къ груди.

НЕСТОРЪ.

Желалъ бы я, чтобъ эти руки снова
Могли съ тобой помѣяться въ бою,
Какъ вотъ теперь въ объятяхъ дружбу мѣрятъ.

ГЕКТОРЪ.

Я былъ бы радъ.

НЕСТОРЪ.

О, будь возможность, я
Съ тобой сразился бъ завтра же... Но нынѣ
Скажу – одно: "Довольно... Было время".
Теперь добро пожаловать въ нашъ станъ.

УЛИССЪ.

Дивлюся я, какъ не упала Троя,
Когда ея опора здѣсь, у насъ.

ГЕКТОРЪ.

Я узнаю, Улиссъ, твою любезность
Да, мудрый царь Итаки, свершено
Троянами и греками не мало
Великихъ дѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Иліонѣ
Посланникомъ пришелъ ты съ Діомедомъ
И я тебя увидѣлъ въ первый разъ.

УЛИССЪ.

Я предсказалъ тогда-жъ конецъ раздора.
На полпути пророчество мое,
Но скоро стѣны царственныя Трои
И башни, что цѣлуютъ облака,
Разрушатся и поцѣлуютъ землю.

ГЕКТОРЪ.

Не вѣрится. Еще троянцы живы
И стѣны ихъ незыблемы, какъ встарь,
И если гибель Трою ждетъ, то каждый
Фригійскій камень будетъ смертию греку.
Конецъ вѣнчаетъ дѣло; время, старый

Судья, рѣшить когда нибудь нашъ споръ.

Улиссъ.

Такъ все ему рѣшить и предоставимъ.
Ну, а пока привѣтствую тебя,
О, храбрый Гекторъ! Ты Агамемнона
Сначала посѣтишь, потомъ меня.

Ахиллъ.

Я перебую, Улиссъ, твое желанье.
Ну, Гекторъ, я тобой насытилъ взоръ,
Я изучилъ всего тебя, измѣрилъ
Малѣйшіе суставы.

Гекторъ.

Предо мной

Ахиллъ?

Ахиллъ.

Да, я Ахиллъ.

Гекторъ.

Постой-же
Прошу тебя – взглядѣться дай.

Ахиллъ.

Смотри

Хоть до утра.

Гекторъ.

Я кончилъ.

Ахиллъ.

Слишкомъ скоро.

А я такъ вотъ готовъ смотрѣть тебя
Вторично, членъ за членомъ, какъ покупку.

Гекторъ.

Твое желанье – точно интересъ
Къ забавной книгѣ. Но читай ее
Хоть сотни разъ, ты встрѣтишь въ ней не мало
Такого, что во вѣки не поймешь.
Что на меня ты такъ упорно смотришь?

Ахиллъ.

Скажите мнѣ, всевидящіе боги,
Куда ударъ направить, чтобъ вѣрнѣй
Его сразить? Я знать хочу то место,
Откуда вылетитъ его душа.
О, боги! Я жду вашего отвѣта!

ГЕКТОРЪ.

Тщеславный человѣкъ, отвѣтъ подобный
Боговъ стыдомъ покрылъ бы. Или ты
Воображаешь, что довольно мѣсто
Въ своемъ умѣ назначить, и меня
Ты поразишь?

АХИЛЛЪ.

Увѣренъ.

ГЕКТОРЪ.

Нѣтъ, едва-ли.

Будь даже ты оракуломъ, и то
Твоимъ словамъ хвастливымъ я-бъ не вѣрилъ.
Но берегись отнынѣ, потому,
Что я искать не стану мѣстъ заранѣ –
Здѣсь поразить, иль тамъ – о, нѣтъ, клянусь

117

Я кузницей, гдѣ Марсу шлемъ ковали,
Тебя всего я разомъ поражу
И раскрою потомъ, какъ ветошь, въ клочья.
Простите мнѣ, мудрѣйшіе изъ грековъ,
Такое самохвальство, но оно
Порождено лишь дерзостью безмѣрной.
Я постараюсь, чтобъ мои слова
На дѣлѣ оправдались, – иначе
Пусть никогда...

АЯКСЪ.

О, мой любезный братъ,
Не гнѣвайся. А ты, Ахиллъ, угрозы
Оставь, пока лицомъ къ лицу вась случай,
Или желанья рока не поставятъ.
Ты, если хочешь, можешь каждый день

Питаться Гекторомъ, коль хватить
Желанья твоего. А впрочемъ, я
Не думаю, что даже всѣмъ совѣтомъ
Уговорять тебя тягаться съ нимъ.

Г Е К Т О Р Ъ .

Я радъ тебя на полѣ битвы встрѣтить.
Съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ битвы, мы
Въ войну играемъ только.

А Х И Л Л Ъ .

Ты сраженья
Желаешь, Гекторъ? Что-же я готовъ
Къ тебѣ на бой грознѣе смерти выйти.
До завтра. А сегодня дружба!

Г Е К Т О Р Ъ .

Дай
Мнѣ руку въ знакъ взаимнаго согласья.

А Г А М Е М Н О Н Ъ .

Пусть Греціи отважные вожди
Идутъ впередъ, въ шатеръ мой. Если-жъ дальше
У васъ желанье будетъ, у него –
Досугъ, къ себѣ вы приглашайте гостя.
При звукѣ трубъ и громѣ барабана
Пройдетъ нашъ другъ изъ вражескаго стана.

(Всѣ уходятъ, кромѣ Улисса и Троила).

Т Р О И Л Ъ .

Теперь, Улиссъ, скажи мнѣ, гдѣ палатка
Калхаса?

У Л И С С Ъ .

Онъ, свѣтлѣйшій принцъ, пока
Живетъ у Менелая. Мнѣ извѣстно,
Что онъ къ себѣ сегодня приглашалъ
Красавца Діомеда; тотъ, утративъ
Способность видѣть землю, небеса,
Влюбленнымъ взоромъ видитъ лишь Крессида.

Т Р О И Л Ъ .

Признателенъ тебѣ я буду, если
Проводишь ты туда меня, когда

Мы кончимъ пиръ въ шатръ Агамемнона.

Улиссъ.

Я радъ служить. Повѣдай только мнѣ,
Какою славой пользовалась въ Троѣ
Красавица Крессиды? Можетъ быть,
Въ разлукѣ съ ней, о ней скорбитъ любовникъ?

Троилъ.

Насмѣшки и презрѣнія достоинъ,
Кто раной сердца хвастается самъ.
Иди впередъ... Прошу... Она любила...
Была любима... Любить и любима
И до сихъ поръ!... Но страсти такъ тревожны...
А женщины, какъ волны, ненадежны.

<Внизу на странице расположена фотография фрагмента античной вазы из коллекции Венского музея древностей «Древнегреческій воинъ».>

118

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Греческій лагерь передъ палаткой Ахилла.

Входятъ Ахиллъ и Патроклъ.

Ахиллъ.

Въ немъ нынче кровь виномъ разгорячу я,
А завтра охлаждаю ее мечемъ.
Патроклъ, готовъ для гостя пиръ на славу!

Патроклъ.

Сюда идетъ Терситъ.

Входитъ Терситъ.

Ахиллъ.

Что, зависти волдырь,

Позорище природы, что случилось?

ТЕРСИТЬ. Вотъ письмо тебѣ, вывѣска своего ничтожества, кумирь идіотовъ.

АХИЛЛЪ. Откуда, оскребокъ человѣчества?

ТЕРСИТЬ. Изъ Трои, олицетвореніе дураковъ, изъ Трои.

ПАТРОКЛЪ. Кто теперь сторожить палатку?

ТЕРСИТЬ. Фельдшерская связка инструментовъ для больного, которому придется перевязывать рану.

ПАТРОКЛЪ. Мѣтко сказано, воплощенная безсмыслица, но только безцѣльно.

ТЕРСИТЬ. Молчи, молокососъ. Мнѣ прямой ущербъ болтовня съ тобой. Вѣдь ты мужская прислужница Ахилла.

ПАТРОКЛЪ. Какъ мужская прислужница! Что это значить, негодяй?

ТЕРСИТЬ. Ну, если хочешь, наложница. Чума, колотья, грыжа, параличъ, гніеніе печени – всѣ сорокъ черныхъ недуговъ, всѣ вы набросьтесь на эту сволочь за всѣ ея безобразія и грызите и глодайте, пока не уничтожите.

ПАТРОКЛЪ. Какъ смѣешь ты, гнусное скопище ядовитой зависти, такъ ругать и клясться!

ТЕРСИТЬ. Гдѣ же тутъ клятвы и ругательства?

ПАТРОКЛЪ. А развѣ нѣтъ, треснувшій боченокъ, выкидышь разврата!...

ТЕРСИТЬ. Не клятвы и не ругательства, а истинная правда, потому ты и злишься, скверный мотокъ сырца, лоскутъ зеленой матеріи для гнойныхъ глазъ, кисточка отъ кошелька мота. О, боги! какъ заражень воздухъ смрадными тучами этихъ мошекъ, позорящихъ самую природу!

ПАТРОКЛЪ. Вонъ отсюда, тварь!

ТЕРСИТЬ. Ахъ ты воробыиное яйцо-болтунъ.

АХИЛЛЪ.

Мой другъ Патроклъ. Разбиты всѣ мечты
О завтрашнемъ сраженіи. Отъ царицы
Гекубы я посланье получилъ,
А въ немъ приписка дочери, - безцѣнной
Моей любви: мольбы не измѣнять
Имъ данной клятвѣ. И ее, клянусь,
Я не нарушу! Пусть погибнутъ греки
И честь моя и слава, - я теперь
Подвластенъ только сердцу. Помоги мнѣ,
Терситель, для пира мой шатеръ убрать.
Ночь напролетъ мы будемъ пировать.
Пойдемъ, Патроклъ.

(Ахиллъ и Патроклъ уходятъ).

Терситъ. Да, благодаря обилію крови и недостатку мозга, обоимъ молодцамъ этимъ не трудно спятить съ ума. Но пусть я навѣки останусь лѣкаремъ въ домѣ умалишенныхъ, если они когда нибудь спятятъ съ ума по обратной причинѣ. А этотъ Агамемнонъ! Онъ ничего себѣ парень и большой любитель перепелокъ, а мозгу у него тоже не больше, чѣмъ сѣры въ ушахъ. А тотъ – чудесное превращеніе Юпитера въ быка, братецъ его, Менелай, - первобытный истуканъ, кривой символъ рогоносцевъ, жалкій рожокъ для напяливанія башмаковъ, пристегнутый вѣчно на цѣпочкѣ къ ногѣ своего брата!... Гдѣ найдетъ соотвѣтствующую посуду для его ума острота, взбодренная злостью, или злость, взбодренная остротой? Оселъ?.. Нѣтъ онъ и оселъ и быкъ въ то же время. Будь я собакой, муломъ, котомъ, хорькомъ, жабой, ящерицей, селедкой безъ икры, - куда ни шло, но Менелаемъ! – нѣтъ, слуга покорный! Я возмущусь противъ судьбы. Не допытывайтесь, чѣмъ бы я желалъ видѣть себя, если-бы не былъ Терситомъ, потому что не называть же вошь паршивца вмѣсто Менелая! А вотъ наши остряки идутъ сюда съ огнемъ.

119

*Входятъ съ факелами Гекторъ, Троилъ, Аяксъ, Агамемнонъ,
Улиссъ, Несторъ, Менелай и Діомедъ.*

АГАМЕМНОНЪ.

Мы сбились съ пути.

АЯКСЪ.

Нѣтъ, вѣрно! Свѣтъ мелькаетъ.

ГЕКТОРЪ.

Я безпокою васъ.

АЯКСЪ.

Нисколько!

УЛИССЪ.

Вотъ онъ самъ

Идетъ на встрѣчу намъ.

Входитъ Ахиллъ.

АХИЛЛЪ.

Привѣтъ, великій Гекторъ.

Добро пожаловать, достойные вожди.

АГАМЕМНОНЪ.

Спокойной ночи, царственная отрасль
Могучей Трои! Стражею твоей
Начальствовать я поручилъ Аяксу.

ГЕКТОРЪ.

Благодарю властителя, и самъ
Ему желаю доброй ночи.

МЕНЕЛАЙ.

Гекторъ,

Спокойной ночи.

ГЕКТОРЪ.

Также и тебѣ,
Любезный Менелай, спокойной ночи.

ТЕРСИТЬ. Любезный Менелай. Не лучше-ли сказать: любезное отхожее
мѣсто, любезная сточная канава, помойная яма...

АХИЛЛЪ.

Спокойной ночи уходящимъ. Всѣмъ
Оставшимся – привѣтъ.

АГАМЕМНОНЪ.

Спокойной ночи.

(Уходитъ. За нимъ Менелай).

АХИЛЛЪ.

Маститый Несторъ остается здѣсь,
И ты останься, Діомедъ. Вотъ Гекторъ.
Мы попируемъ чась-другой.

ДІОМЕДЪ.

Нѣтъ, нѣтъ,

Любезный Ахиллесъ. Я долженъ
Спѣшить: дѣла есть важныя... Прощай,
Великій Гекторъ.

ГЕКТОРЪ.

Руку!

Улиссъ *(тихо Троицу)*.

Прямо слѣдуй

За факеломъ его. Стремится онъ
Къ шатру Калхаса. Я пойду съ тобою.

ТРОИЛЪ.

О, царь Итаки, я благодарю
За эту честь. *(Диомедъ уходитъ, за нимъ Троиль и Улиссъ).*

ГЕКТОРЪ.

Ну, если такъ, прощайте.

АХИЛЛЪ.

А мы въ шатеръ. *(Уходитъ съ Гекторомъ, Аяксомъ и Несторомъ).*

ТЕРСИТЪ. Этотъ Диомедъ – отъявленный бездѣльникъ, продувная бестія. Я склоненъ вѣрить его улыбка не больше, чѣмъ ласковому шипѣнью змѣи. Ему обѣщать такъ же легко, какъ собакѣ лаять на вѣтеръ; что касается исполненія, если его предскажутъ звѣздочеты, берегись какогонибудь бѣдствія: солнце станетъ заимствовать у луны свой свѣтъ и прочее. Лучше ужъ я откажусь видѣть Гектора, а этого выслѣжу. Говорятъ, онъ связался съ этой троянской прелестницей и вѣчно трется подъ палаткой Калхаса. Пойду за нимъ. Куда ни плюнь, – развратъ. Всѣ гнусные развратники. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Передъ шатромъ Калхаса.

Входитъ ДІОМЕДЪ.

ДІОМЕДЪ.

Эй, отзовитесь, кто не спитъ!

КАЛХАСЪ *(за сценой).*

А кто тамъ?

ДІОМЕДЪ.

Я – Диомедъ. Калхасъ?... Гдѣ дочь твоя?

КАЛХАСЪ.

Сейчасъ придетъ къ тебѣ.

Входятъ ТРОИЛЬ и УЛИССЪ. Останавливаются въ отдаленіи. За ними ТЕРСИТЬ.

УЛИССЪ.

Ты стань подальше,
Чтобъ насъ не освѣтило.

Входитъ КРЕССИДА.

ТРОИЛЬ.

Вотъ къ нему
Крессида вышла.

ДИОМЕДЪ.

Ну, мой другъ, что скажешь?

КРЕССИДА.

Мой милый охранитель, я пришла
Къ тебѣ на пару словъ. Послушай.

(Шепчутся).

ТРОИЛЬ.

Боги!

Такая близость!

УЛИССЪ.

О, она мужчинъ
Какъ книги раскрываетъ.

ТЕРСИТЬ. Ну, да и ее раскрыть не трудно мужчинѣ. Было бы чѣмъ! А тогда читай безъ указки.

ДИОМЕДЪ.

Будешь помнить?

КРЕССИДА.

О, буду помнить!

ДИОМЕДЪ.

Значить, въ добрый часъ.
Лишь бы слова не расходились съ дѣломъ.

ТРОИЛЬ.

О чемъ онъ просить помнить?

УЛИССЪ.

Слушай.

КРЕССИДА.

НѢтъ,

О, милый грекъ, ты вкрадчивою рѣчью
Не соблазняй меня.

ТРОИЛЪ.

Коварство!

ДИОМЕДЪ.

Да?

КРЕССИДА.

О, выслушай.

ДИОМЕДЪ.

Все, что-бъ ты ни сказала,
Все вѣроломствомъ будетъ.

КРЕССИДА.

Почему?

Что отъ меня ты требуешь?

ТЕРСИТЬ *(въ сторону)*.

Э, вздоръ!

Не на словахъ согласье дать, - на дѣлѣ!

ДИОМЕДЪ.

Не ты-ль клялась исполнить все?

КРЕССИДА.

НѢтъ, нѢтъ!

Молю тебя, о, милый грекъ, я рада
Исполнить все... не это только. НѢтъ!

ДИОМЕДЪ.

Коль такъ, - прощай.

ТРОИЛЪ.

О, небо, ниспошли
Терпѣнье мнѣ! Терпѣнье!

УЛИССЪ.

Что съ тобой!

КРЕССИДА.

О, Діомедъ, послушай!

ДІОМЕДЪ.

Нѣтъ, прощай.

Я не хочу быть въ дуракахъ!

ТЕРСИТЬ.

Однако,

Другой и лучше, а остался имъ.

КРЕССИДА.

Постой, одно лишь слово.

ТРОИЛЬ.

О, мученье!

УЛИССЪ.

Ты такъ взволнованъ! Поскорѣй уйдемъ.
Боюсь, твой гнѣвъ потокомъ словъ прорвется.
Опасное здѣсь мѣсто, да и часъ –
Зловѣщій часъ. Уйдемъ, уйдемъ отсюда.

ТРОИЛЬ.

Постой, прошу тебя.

УЛИССЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, уйдемъ.

Ты внѣ себя.

ТРОИЛЬ.

Прошу, прошу, останься

О, адомъ я клянусь и мукой ада...

Я буду нѣмъ.

ДІОМЕДЪ.

Итакъ, прощай.

<Сверху на странице расположена иллюстрация картины знаменитой швейцарско-английской художницы Анджелики Кауфманн (Angelica Kauffmann, 1741-1807) «Троиль подслушиваетъ разговоръ Крессиды съ Діомедомъ».>

КРЕССИДА.

Но ты
Разгнѣваннымъ уходишь?

ТРОИЛЬ.

Это грустно
Тебѣ, созданье наглое?

УЛИССЪ.

А что
Ты говорилъ недавно?

ТРОИЛЬ.

Я Зевесомъ
Клянусь быть терпѣливымъ.

КРЕССИДА.

О, молю,
Останься здѣсь, защитникъ мой.

ДІОМЕДЪ.

Я вижу,
Лукавишь ты.

КРЕССИДА.

Нисколько. О, побудь!

УЛИССЪ.

Ты весь дрожишь. Уйдемъ. Собою не въ силахъ
Ты овладѣть.

ТРОИЛЬ.

Она его рукой
Ласкаетъ по щекѣ.

УЛИССЪ.

Уйдемъ скорѣе!

ТРОИЛЪ.

Нѣтъ, подожди! Я Зевсомъ поклялся
И не скажу ни слова. Отъ кровавой
Моей обиды волю отдѣляетъ
Стѣна терпѣнья. О, Улиссъ, побудемъ
Два-три мгновенья здѣсь!

ТЕРСИТЬ (*въ сторону*). А демонъ

122

сладострастья своимъ жирнымъ, толстымъ пальцемъ такъ и щекочетъ
обоихъ. Ну, разгорайся, похоть! Хорошенько разгорайся въ нихъ!

ДИОМЕДЪ.

Теперь исполнишь?

КРЕССИДА.

О, клянусь, исполню,
Иль никогда не вѣрь мнѣ!

ДИОМЕДЪ.

Дай въ залогъ
Мнѣ чтонибудь.

КРЕССИДА.

Сейчасъ. (*Уходитъ*).

УЛИССЪ.

Ты далъ мнѣ слово
Быть терпѣливымъ.

ТРОИЛЪ.

Брось сомнѣнья. Ты
Сейчасъ увидишь все мое терпѣнье.
Сознаніемъ я въ сердцѣ задушу
Страданія. Я буду весь терпѣнье!

КРЕССИДА *возвращается*.

ТЕРСИТЬ.

Посмотримъ твой залогъ.

КРЕССИДА.

Вотъ, Діомедъ,
Мой нарукавникъ.

ТРОИЛЬ.

Красота! О, гдѣ-же,
Гдѣ вѣрность?

УЛИССЪ.

Будь-же терпѣливъ, Троиль.

КРЕССИДА.

Ты смотришь на подарокъ мой, красавецъ?
Онъ твой! *(Про себя)*. О, вѣроломное созданье!
Троиль тебя любилъ! *(Діомеду)*. О, нѣтъ, отдай
Его назадъ. Скорѣй!

ДІОМЕДЪ.

Чей онъ былъ прежде?

КРЕССИДА.

Не все-ль равно. Отдай. Вотъ такъ. Я завтра
Къ тебѣ не выйду ночью. Діомедъ,
Не приходи и ты ко мнѣ. Молю я.

ТЕРСИТЬ. Теперь она его поджигаетъ. Искусно, надо сознаться.

ДІОМЕДЪ.

Онъ будетъ у меня?

КРЕССИДА.

Какъ! Нарукавникъ?

ДІОМЕДЪ.

Конечно, онъ.

КРЕССИДА.

О, драгоценный даръ!
Твой господинъ покоится на ложѣ
И страстно воспоминаетъ обо мнѣ,
Вздыхая, онъ зоветъ меня, къ устамъ
Перчатку прижимаетъ и цѣлуетъ,
Какъ я тебя. Не отнимай его.
Кто у меня его отниметъ, сердце

Мое отниметь.

ДІОМЕДЪ.

Сердце отдала
Ты раньше мнѣ и, значить, нарукавникъ –
Мой!

ТРОИЛЪ.

Я клялся терпѣть!

КРЕССИДА.

Нѣтъ, нѣтъ, клянусь!
Я чтонибудь въ подарокъ дамъ другое.

ДІОМЕДЪ.

Его! Его! Но чей онъ раньше былъ?

КРЕССИДА.

Не все-ль равно?

ДІОМЕДЪ.

Кому принадлежалъ онъ?

КРЕССИДА.

Тому, кто такъ любилъ меня, какъ ты
Во вѣки не полюбишь. Но ты хочешь, –
Возьми его.

ДІОМЕДЪ.

Чей нарукавникъ? Чей?

КРЕССИДА.

Клянусь Діаною и дѣвственной свитой, –
Ты не узнаешь этого!

ДІОМЕДЪ.

На шлемъ
Нарочно завтра я пришпилю,
Чтобъ разозлить того, кто не дерзнетъ
Его назадъ потребовать.

ТРОИЛЪ.

Ошибся!

Будь дьяволъ ты и я его сорву
Съ твоей башкой рогатой.

КРЕССИДА.

Полно, полно...
Ужъ то прошло... Нѣтъ, не прошло... Нѣтъ, нѣтъ!
Я не могу исполнить обѣщанья.

ДІОМЕДЪ.

Коль такъ – прощай. Глумиться не тебѣ
Надъ Діомедомъ!

КРЕССИДА.

Не могу я слова
Произнести, чтобъ не сердился ты.

ДІОМЕДЪ.

Я не терплю ломанья. Помни это.

ТЕРСИТЬ (*въ сторону*). Я тоже не терплю этого, но теперь готовъ
полюбить, чтобы не сойтись съ тобой въ чемъ нибудь. Клянусь Плутономъ.

ДІОМЕДЪ.

Ну, чтожъ, придти мнѣ завтра?

КРЕССИДА.

Да. Я небомъ
Молю – прійди. Я истерзалась вся.

ДІОМЕДЪ.

Такъ до свиданья.

КРЕССИДА.

Доброй ночи, милый.
А завтра жду тебя въ блаженный часъ.
(*Діомедъ уходитъ*). Прощай, Троиль...
Еще одинъ мой глазъ
Тобою полнъ, другой-же съ сердцемъ скованъ
И отвернулся. Бѣдный ты нашъ полъ!
Ошибка глазъ – надъ нами произволъ.
И весь нашъ путь глазами заколдованъ.
Въ концѣ концовъ – пусть это между нами –

Бѣда душѣ, обманутой глазами!

(Уходитъ).

Терситъ.

Сильнѣй итогъ трудненько подыскать –
Себя осталось *сволочью* назвать.

Улиссъ.

Увы, Троиль, все кончено!

Троиль.

Да, вижу.

Улиссъ.

Чего-жъ мы ждемъ?

Троиль.

Хочу я перебрать
Въ своемъ умѣ все, что здѣсь говорилось,
Все, до послѣдней думы. Но ужель,
Все повторивъ, всю правду этой сцены,
Я не солгу! Нѣтъ, все еще горитъ
Въ моей душѣ тоскующая вѣра,
Сверкаетъ лучъ надежды и она,
Безумная, не хочетъ... больно вѣрить
Своимъ глазамъ и слуху! Иль они
Для клеветы лишь созданы?! Иль это
Былъ только призракъ... не Крессида?!

Улиссъ.

Я

Не вызыватель духовъ.

Троиль.

Вѣрно, вѣрно...

То не она...

Улиссъ.

Невѣрная, – она!

Троиль.

Но вѣдь не бредъ сомнѣніе мое!

Улиссъ.

Тѣмъ болѣе – не бредъ мои слова.
Крессида здѣсь была.

Троиль.

О, ради чести женщинъ,
Всѣхъ женщинъ, дай разрушить это мнѣ,
Иначе въ руки мы даемъ оружье
Всѣмъ тѣмъ, что женщинъ презираютъ. Вѣдь по ней
По этой... по Крессидѣ будутъ вправѣ
Судить о нашихъ матеряхъ. Скорѣй
Забудемъ, что была Крессида!

Улиссъ.

Полно!
Чѣмъ можетъ такъ жестоко опозорить
Крессида нашихъ матерей!

Троиль.

Ничѣмъ,
Ничѣмъ, конечно, если... если только
Ея здѣсь не было.

Терситъ. Онъ готовъ опровергать даже свои собственные глаза.

Троиль.

О, если правда – здѣсь была Крессида, –
То не моя, – Крессида Діомеда!
У красоты есть сердце и, конечно,
То не она! Душа ведетъ къ святынѣ,
Боговъ святыня радуется и, если

У самага единства есть законы, –
То не она! О, бредъ, о, власть разсудка
Творить и за и противъ!... Умъ возсталъ
На возбужденіе, заблужденіе-жъ громко
Провозглашаетъ истиной, и умъ
Вполнѣ здоровъ! Здѣсь и была Крессида
И не была. Я чувствую въ душѣ своей разладъ,
И части неотъемлемыя такъ же
Раздѣлены, какъ небо отъ земли,
А между тѣмъ, едва-ли между ними

Съумѣетъ Арахнея нить продѣть.
О, очевидность! Какъ врата Плутона,
Ты непреложна. Узами небесъ
Со мной Крессида связана. Тѣ узы
Разорваны, но грязною рукой
Вновь связаны ничтожные остатки
Любви и вѣрности Крессиды. Діомедъ
Ихъ завязалъ съ отбросами, съ костями
И грязью женской чести въ узелокъ...

Улиссъ.

Скажи, Троиль достойный, неужели
Твои слова – правдивый отзвукъ чувствъ?

Троиль.

Да, грекъ, и я все это начертаю
Огнемъ, какимъ пылаетъ сердце Марса,
Зажженое Венерой! Миръ не зналъ
Такого сердца вѣрнаго, какъ то,
Которое я въ даръ принесъ Крессидѣ.
Но чѣмъ сильнѣй любовь къ ней, тѣмъ страшнѣй
И ненависть къ воришкѣ Діомеду,
Ея любовь укравшему. – На дняхъ
Я подарилъ Крессидѣ нарукавникъ,
Имъ Діомедъ украсить хочетъ шлемъ.
Будь этотъ шлемъ самымъ Вулканомъ скованъ,
Я разсѣку въ куски его! Тифонъ,
Гроза морей, рожденный властнымъ солнцемъ,
Ничто предъ тѣмъ, какъ бѣшенъ будетъ мечъ,
Троиловъ мечъ надъ жалкимъ Діомедомъ.

Терситъ. Онъ таки пощекочетъ того за волокитство.

Троиль.

О, лживая, коварная Крессида!
О, лживая! О, лживая! Едва-ль
Всѣ гнусности людскія, всѣ пороки
Сравнятся съ тѣнью гнусности твоей!

Улиссъ.

Довольно! Гнѣвъ твой явно привлекаетъ
Къ намъ постороннихъ.

Входитъ Эней.

Эней (*Троилу*).

Ужъ я давно ищу тебя повсюду.
Вооруженъ Гекторъ одѣваетъ
Поспѣшно въ Троѣ. Твой тѣлохранитель –
Аяксъ со стражей ждетъ, чтобы доставить
Тебя домой.

Троиль.

Идемъ. Благодарю
Тебя, Улиссъ внимательный и добрый.
Прощай, о, вѣроломная! А ты,
Ты, Діомедъ, ты каменную крѣпость
На головѣ воздвигни.

Улиссъ.

Я тебя
До самой Трои провожу.

Троиль.

Спасибо,
Хотя душа подавлена тоской.

(Троиль, Эней и Улиссъ уходятъ).

Терситъ. Хотѣлось бы мнѣ встрѣтить этого каналью, Діомеда. Я
согласенъ быть ворономъ, чтобы накаркать ему какую-нибудь пакость. А
вѣдь Патроклъ дастъ мнѣ что угодно, если я сообщу ему объ этой шлюхѣ.
Попугай и тотъ не надѣлаетъ изъ-за миндалины столько глупостей, сколько
Патроклъ изъ-за податливой дѣвчонки. О, сластолюбіе, сластолюбіе! Только
сластолюбіе да война постоянно въ модѣ. Чтобы васъ чортъ унесъ въ
преисподнюю!

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Въ Троѣ. Передъ дворцомъ Пріама.

Входятъ Гекторъ и Андромаха.

Андромаха.

О, что съ тобой, властитель мой? Ты нынѣ
Такъ раздраженъ, не слушаешь моихъ
Любовныхъ увѣщаній. Умоляю, –

Сними, сними доспѣхи, не ходи
На поле битвы.

ГЕКТОРЪ.

Ты на оскорбленья
Меня способна вызвать! Возвращайся
Домой. Клянусь богами, – я иду.

АНДРОМАХА.

Недобрый день мнѣ злые сны пророчать.

125

ГЕКТОРЪ.

Довольно! Я сказалъ.

Входитъ КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Гдѣ Гекторъ? Братъ!

АНДРОМАХА.

Вотъ онъ, сестра. Вооруженъ для битвы.
Кровавыхъ думъ полна его душа.
Его молить мы станемъ на колѣняхъ...
Зловѣщіе мнѣ ночью снились сны:
Кровавые сраженья да убійства.

КАССАНДРА.

Все правда! Правда!

ГЕКТОРЪ.

Эй, трубить въ рога!

КАССАНДРА.

О, милый братъ, иди на бой ты нынѣ
Безъ громкихъ трубъ. Богами я молю.

ГЕКТОРЪ.

Уйдите! Я поклялся небесами.

КАССАНДРА.

О, братъ, повѣрь мнѣ: глухи небеса
Къ упрямымъ, необдуманнѣмъ обѣтамъ.
Преступные дары! Они богамъ
Противнѣ тѣхъ пятенъ, что бываютъ
На жертвенныхъ животныхъ.

АНДРОМАХА.

О, внимли
Совѣтамъ нашимъ. Небу невозможно
Однимъ упрямствомъ угодить; оно,
Какъ воровство для милостыни – низко.

КАССАНДРА.

Лишь только цѣль даетъ обѣтамъ цѣну.
Не всѣ обѣты надо исполнять.
Сними съ себя оружье.

ГЕКТОРЪ.

Замолчите!
Законъ судьбы мнѣ честь моя. Иной
Предпочитаетъ жизнь, мнѣ честь дороже.

Входитъ ТРОИЛЬ, тоже вооруженный.

А, юноша, и ты идешь въ сраженье?

АНДРОМАХА.

Скорѣй зови отца сюда, Кассандра.
Пусть Гектора онъ образумитъ!

(Кассандра уходитъ).

ГЕКТОРЪ.

Нѣтъ,
О, мой Троиль, сними съ себя оружье!
Сегодня я героемъ быть хочу.
Ты слишкомъ молодъ. Мышцамъ дай окрѣпнуть,
Тогда судьбу испытывай въ бояхъ.
Иди, сними доспѣхи. Храбрый мальчикъ,
Повѣрь мнѣ, я сегодня постою
За насъ обоихъ и за нашу Трою.

ТРОИЛЬ.

Братъ! Есть въ тебѣ природный недостатокъ –
Великодушье; человѣку меньше
Подходить онъ, чѣмъ льву.

<На странице расположена иллюстрация картины английского художника Кирка (Thomas Kirk) «Гекторъ, Андромаха и Кассандра» из собрания Малой Бойделевской галереи.>

ГЕКТОРЪ.

Скажи мнѣ, какъ
Я проявляю этотъ недостатокъ,
Тогда брани.

ТРОИЛЬ.

Я видѣлъ и не разъ,
Какъ греки малодушно и трусливо
Валились ницъ, лишь мечъ завидя твой, -
Ты говорилъ имъ: "Встаньте и живите".

126

ГЕКТОРЪ.

Веселая игра!

ТРОИЛЬ.

Нѣтъ, Гекторъ, нѣтъ,
Преглупая игра!

ГЕКТОРЪ.

Какъ?!

ТРОИЛЬ.

Состраданье
Оставимъ мы на долю матерей.
А мечъ въ рукахъ, – такъ пусть пылаетъ мщенье,
Пусть мчится мечъ на грозныя дѣла,
Пусть разгорается пожаромъ злоба
И милосердье гибнетъ подъ ударомъ.

ГЕКТОРЪ.

Стыдись, дикарь, стыдись!

ТРОИЛЬ.

Тогда къ чему
Война?

ГЕКТОРЪ.

Я не желалъ бы, братъ мой,
Чтобъ нынче ты сражался.

ТРОИЛЪ.

Кто меня
Удержать? Нѣтъ, ни рокъ, ни послушанье,
Ни самый Марсъ, хотя бы онъ жезломъ
Велѣлъ остановиться, ни молящій
Пріамъ, ни плачь колѣнопреклоненной
Гекубы съ покраснѣвшими глазами
Отъ горькихъ слезъ, ни даже ты, мой Гекторъ!
Меня сразить ты можешь смертоноснымъ
Своимъ мечомъ, но не отрѣзать путь!

Возвращается КАССАНДРА съ Пріамомъ.

КАССАНДРА.

Отецъ, отецъ, держи его сильнѣй!
Онъ посохъ твой, и если только ты
Опору потеряешь въ немъ – и Троя,
Которой ты опорой, упадетъ.

ПРІАМЪ.

О, Гекторъ! Возвратись домой. Послушай –
Твоей женѣ приснился мрачный сонъ,
Недоброе Кассандра сердцемъ чувствуетъ.
И твой отецъ, предчувствіемъ томимъ,
Тебя съ слезами молитъ: "О останься!
Вернись домой. Несчастный нынче день".

ГЕКТОРЪ.

Уже Эней сражается. Я грекамъ далъ
Торжественную клятву нынче быть
Въ сраженіи и показать воочью,
Чего я стою.

ПРІАМЪ.

Лишь не нынче.

ГЕКТОРЪ.

Нѣтъ!

Я не нарушу клятву. Иль не знаешь
Ты, мой отецъ, что рыцарь чести я.
О, царственный Пріамъ! Родного сына
Не вынуждай отказывать тебѣ
Въ повиновеньи, иль презрѣть его.
Дай съ твоего согласія мнѣ выйти
Въ кровавый бой.

КАССАНДРА.

Не уступай, Пріамъ.

АНДРОМАХА.

Не уступай, отецъ мой!

ГЕКТОРЪ (*Андромахѣ*).

Огорчаешь
Меня ты. Именемъ любви прошу
Въ послѣдній разъ – уйди, уйди отсюда!

(*Андромаха уходитъ*).

ТРОИЛЬ.

Всему виною ты, одна лишь ты,
Трусливая и глупая дѣвчонка.
Но вздоръ всѣ предсказанія твои!

КАССАНДРА.

Прощай, о, дорогой о, милый Гекторъ!
Смотри, смотри, какъ умираешь ты!
Померкли очи; кровь течетъ ручьями...
Прислушайся, вотъ стонетъ Троя!... вотъ
Рыдаетъ Андромаха и Гекуба...
Отчаяніе, бѣшенство и ужасъ
Объяли всѣхъ... И общій вопль звучитъ:
"Гдѣ Гекторъ? Гдѣ нашъ Гекторъ? Умеръ Гекторъ!
О, Гекторъ! Гекторъ!"

ТРОИЛЬ.

Замолчи! Уйди!

КАССАНДРА.

Прощай... Нѣтъ стой... Мой Гекторъ,
Прійми мое послѣднее "прости".
Самообманомъ ты обманешь Троя.

(*Убѣгаетъ*).

ГЕКТОРЪ.

О, мой отецъ и царь! Злымъ предсказаньемъ
Моей сестры ты пораженъ. Вернись

127

Скорѣй домой и успокой нашъ городъ.
Для славныхъ дѣлъ мы въ грозный бой идемъ.
О нихъ тебѣ расскажемъ мы потомъ.

ПРИАМЪ.

Иди, мой сынъ – храни тебя, о небо!

(Уходитъ въ одну сторону. Гекторъ – въ другую. За сценой шумъ битвы).

ТРОИЛЬ.

А, трубы загремѣли. Это Гекторъ
Въ бой ринулся. Иду и я за нимъ.
Ну, Діомедъ!.. Иль я паду со славой,
Иль нарукавникъ мой достанетъ мечъ кровавый!

Въ то время, какъ ТРОИЛЬ идетъ въ одну сторону, съ другой появляется ПАНДАРЪ.

ПАНДАРЪ. Принцъ, принцъ! на одно слово!

ТРОИЛЬ. Что такое?

ПАНДАРЪ. Письмо отъ этой бѣдной дѣвочки.

ТРОИЛЬ. Прочтемъ.

ПАНДАРЪ. Рѣшительно, меня мучить эта собачья дочь – чахотка, подлая чахотка. Но не меньше ея мучать нелѣпыя неудачи этой дѣвчонки. Такъ или иначе, а мнѣ скорехонько прійдется распрощаться со всѣми вами. Ко всему этому – у меня глаза слезятся, а кости ломаютъ до того, что я думаю, ужъ не порча ли это... Что она пишетъ?

ТРОИЛЬ.

Слова, слова... Ни искренняго звука!
Вся искренность другому отдана.

(Разрываетъ письмо и бросаетъ его по вѣтру).

Лети, лети, о вѣтренность, по вѣтру
И вмѣстѣ съ нимъ кружись и измѣняйся.
Со мной она безжалостно играетъ,
Его дарить любовью и ласкаетъ.

(Хочетъ идти).

ПАНДАРЪ. Что съ тобой? Послушай.

ТРОИЛЬ.

Прочь, сводникъ, съ глазъ! Пускай и ночь и день
Тебя позоръ преслѣдуетъ, какъ тѣнь!

(Уходитъ).

СЦЕНА IV.

Равнина между Троей и греческимъ лагеремъ.

Шумъ битвы. Схватки. Входитъ ТЕРСИТЬ.

ТЕРСИТЬ. Кажется, начали лупцоваться. Пойти посмотрѣть. И этотъ каналья Діомедъ – тоже – прицѣпилъ къ своему шлему нарукавникъ этого щуплаго, безмозглаго троянца. Воображаю, какъ они схватятся! Я бы желалъ, чтобы троянскій осель, обожающій эту дѣвку, отнялъ бы у нашего развратника Діомеда свой нарукавникъ, а его самого отправилъ къ той сладострастной и лицемѣрной шкурѣ безъ признаковъ мужчины. А эта продѣлка нашихъ отъявленныхъ мошенниковъ!.. Этотъ Несторъ, покрытый плѣсенью, изъѣденный мышами кусокъ сыра! Эта помѣсь лисицы и собаки, именуемая Улиссомъ!.. Своими уловками, не стоящими и волчьей ягоды, они натравили ублюдка на такого-же пса – Ахилла, и теперь Аяксъ задралъ носъ выше Ахилла и объявилъ, что не пойдетъ драться, – хоть ты тресни. Въ просакъ попали молодцы и все искусство грековъ снизвели до варварства. Но – осторожность! Вотъ настоящій владѣлецъ нарукавника, а за нимъ прошедшій.

Вбѣгаетъ Діомедъ, преслѣдуемый ТРОИЛОМЪ.

ТРОИЛЬ.

Стой, Діомедъ! Напрасныя попытки.
Не убѣжать тебѣ, и еслибъ даже въ Стиксъ
Ты бросился, – я-бъ поплылъ за тобою.

ДІОМЕДЪ.

Ты бѣгствомъ называешь отступление.
Я не бѣглець! Я вырвался въ просторъ,
Чтобы съ тобой свободнѣе сразиться.
Ну, берегись!..

ТЕРСИТЬ. Сильнѣе держись, грекъ, за свою потаскушку... Троянецъ...
Ну-ну-ну... Хорошенько стой за нарукавникъ... За нарукавникъ его!

Діомедъ и Тройль удаляются, сражаясь.

Входитъ ГЕКТОРЪ.

ГЕКТОРЪ.

Кто ты такой? По крови и дѣламъ
Достоинъ-ли ты съ Гекторомъ сразиться?

ТЕРСИТЪ. Нѣтъ, нѣтъ, какая тамъ кровь и дѣла! Я паршивая дрянь,
клеветникъ и бездѣльникъ.

128

ГЕКТОРЪ

Живи. – Я вѣрю. (*Уходитъ*).

ТЕРСИТЪ. Хвала небесамъ, что повѣрилъ. Но пусть возьметъ тебя чортъ
за то, что ты напугалъ меня. Куда-же дѣвались эти развратники? – Ужъ не
сожрали-ли они другъ друга? Вотъ потѣшило-бы меня такое чудо. А,
впрочемъ, похоть и такъ сама себя пожираетъ. Пойду искать ихъ!

Уходитъ.

СЦЕНА V.

Появляется ДІОМЕДЪ и СЛУГА.

ДІОМЕДЪ.

Пойди сюда. Возьми коня Троила
И отведи къ Крессидѣ. Передай
Ей отъ меня привѣтъ, скажи, что славно
Я проучилъ Троила и теперь
Вполнѣ ея достоинъ.

СЛУГА.

Все исполню.

(*Уходитъ*).

Входитъ АГАМЕМНОНЪ.

АГАМЕМНОНЪ.

Скорѣй туда! На помощь, Діомедъ!
Свирѣпый Полидамъ повергъ Менона

Маргарелонъ, ублюдокъ, взялъ Дорея
И, какъ коллосъ, ногами попираетъ
Царей, сраженныхъ на смерть: Епострофа
И Цедія. Погибъ нашъ Поликсенъ
И ранены смертельно – Анфимахъ
Съ Ѳеадомъ, а Патроклъ иль плѣнникъ,
Иль также трупъ. Изрубленъ Пеламедъ.
Какой-то разъярившійся Центавръ
Войска въ смятеніе дикое приводитъ.
Спѣши на помощь, Діомедъ, иль мы
Погибнемъ всѣ.

Входитъ Несторъ.

Несторъ.

За мной! Вы трупъ Патрокла
Къ Ахиллу отнесите. Пусть Аяксъ,
Лѣнивая улитка, устыдится
И схватится за мечъ. Тамъ не одинъ
Оважный Гекторъ – тысячи! То здѣсь онъ
На боевомъ конѣ своемъ Галатъ,
То – пѣшій – тутъ. Всѣ передъ нимъ бѣгутъ,
Всѣ падаютъ, какъ мелкая рыбешка предъ китомъ
Онъ сразу тамъ и здѣсь... вездѣ и всюду!
То грековъ въ плѣнъ беретъ, то на-смерть бьетъ,
И ловкостью своей съ отвагой спорить.
Онъ чудеса такія совершаетъ,
Что кажется – все это лишь во снѣ.

Входитъ Улиссъ.

Улиссъ.

Мужайтесь, ахейскіе герои.
Я видѣлъ самъ: великій нашъ Ахиллъ
Съ рыданьями, съ проклятьями, съ обѣтомъ
Губительнаго мщенія схватилъ
Доспѣхи боевые. Смерть Патрокла
Въ немъ распалила стынущую кровь,
А видъ разбитыхъ жалкихъ мирмедонцевъ
Кровавыхъ, изуродованныхъ на смерть
И проклинавшихъ Гектора, сильнѣе
Разжегъ въ немъ гнѣвъ. Аяксъ лишился друга
И также, съ пѣной на губахъ, схватилъ
Оружіе и ринулся на битву,
Крича: "Троиль! Подайте мнѣ Троила!"

А нынче тотъ, не менѣе, чѣмъ братъ,
Прославится кровавыми дѣлами.
Онъ съ удалю и мощью беззаботной
Проносится и дерзко и легко
Надъ самой смертью, точно счастье нынче
Летитъ предъ нимъ, наперекоръ всему.

Входитъ Аяксъ.

Аяксъ.

Гдѣ трусь Троиль?

Диомедъ.

Онъ тамъ. За нимъ! (*Аяксъ уходитъ*).

Несторъ.

Такъ вмѣстѣ!

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ.

Гдѣ Гекторъ! Гдѣ дѣтей убійца злобный?
Пусть онъ покажетъ подлое лицо
И поглядитъ, каковъ Ахиллъ во гнѣвѣ.
Гдѣ Гекторъ? Гдѣ? Мнѣ нуженъ только онъ.
(Убѣгаетъ).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля.

Появляется Аяксъ.

Аяксъ.

Гдѣ, гдѣ Троиль? Пусть только носъ покажетъ
Трусишка мнѣ!

Входитъ Диомедъ.

Диомедъ.

Троила! Гдѣ Троиль?

Аяксъ.

Зачѣмъ тебѣ онъ?

Діомедъ.

Проучить мальчишку.

Аяксъ.

Будь предводитель я, я-бъ уступилъ свой санъ
Скорѣй, чѣмъ это счастье... Гдѣ онъ скрылся?
Троиль! Троиль!

Вбѣгаетъ Троиль.

Троиль.

Гдѣ Діомедъ? Гдѣ онъ?
Взгляни въ глаза мнѣ, лжецъ, обманщикъ низкій,
И поплатися жизнью за коня.

Діомедъ.

А, наконецъ-то, ты передъ врагами!

Аяксъ.

Товарищъ, стой! Съ нимъ биться буду я.

Діомедъ.

Нѣтъ, нѣтъ, моя добыча! Я не только
Свидѣтель боя!

Троиль.

Здѣсь мы не для словъ.
Я васъ двоихъ на битву вызываю.

(Уходятъ сражаясь).

Появляется Гекторъ.

Гекторъ.

Гдѣ мой Троиль? Гдѣ братъ мой? Нынче бьется
Онъ хорошо.

Входитъ Ахиллъ.

Ахиллъ.

А, наконец-то я
Тебя нашелъ. Ну, Гекторъ, берегися!...
Теперь ты мой!

ГЕКТОРЪ.

Ой, прежде отдохни!

АХИЛЛЪ.

Противна мнѣ твоя любезность, гордый
Троянецъ! Ты ужъ счастливъ тѣмъ сейчасъ,
Что все мое оружье притупилось.
Бездѣйствіе невольное щадить
Жизнь Гектора, но ты меня увидишь!
Теперь живи и жди своей судьбы.

ГЕКТОРЪ.

Прощай. (*Ахиллъ уходитъ*). Ну, еслибъ я предвидѣлъ встрѣчу, -
Сберегъ бы силъ немного для тебя.

Входитъ ТРОИЛЪ.

ГЕКТОРЪ.

Что, милый братъ?

ТРОИЛЪ.

Аяксъ взялъ въ плѣнъ Энея.
Допустимъ-ли мы это! Нѣтъ, клянусь
Огнями неба, что его я вырву
Изъ вражьихъ рукъ, иль самъ паду. О, рокъ!
О, грозный рокъ! Ты слышишь эту клятву?
Не все-ль равно, когда ни умирать!

(*Убѣгаетъ*).

Появляется воинъ въ великолѣпномъ вооруженіи.

ГЕКТОРЪ.

Нарядный грекъ, ни съ мѣста! Ты по виду
Вполнѣ достоинъ моего меча.
Не хочешь? Мнѣ пришлось такъ по вкусу
Твои доспѣхи, что – одинъ ударъ,
И я собою всѣ пряжки. Нѣтъ, не хочешь?
Бѣги-же, если трусишь, негодяй,
А я, свидѣтель небо, не оставляю
Тебя, покуда шкуру не сдеру.

(*Оба уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Другая часть того-же поля.

АХИЛЛЪ.

Сюда, сюда стекайтесь, мирмидонцы,
И слушайте, что я скажу. Меня
Живымъ кольцомъ замкните вы средь битвы
И ринемтесь впередъ, не нанося
Ни одного удара, вплоть до встрѣчи
Съ злодѣемъ Гекторомъ. Тогда всю свѣжесть силъ
Вы на него обрушьте! Окружите
Его стѣною копій и мечей,
Колите, бейте, рѣжьте безпощадно.
Теперь – за мной, товарищи! Впередъ!
Пусть Гекторъ славень, - нынче онъ умретъ!

(Уходитъ).

Появляются ПАРИСЪ и МЕНЕЛАЙ. За ними – ТЕРСИТЬ.

ТЕРСИТЬ. Эге! Рогоносець сцѣпилъ съ тѣмъ, кто ему приставилъ рога.
Ну, быкъ! ну, щенокъ... Живѣе! Кусай его, Парисъ... Что-же ты... Ой, ой,
быкъ одолѣваетъ. Берегись, у него здоровенные рога!

130

ПАРИСЪ и МЕНЕЛАЙ удаляются.

Входитъ МАРГАРЕЛОНЪ.

МАРГАРЕЛОНЪ.

Рабъ, повернись ко мнѣ и защищайся.

ТЕРСИТЬ.

Кто ты?

МАРГАРЕЛОНЪ.

Побочный сынъ Пріама.

ТЕРСИТЬ. Я тоже побочный. Побочные мнѣ по душѣ. Я побочно рождень, побочно воспитанъ, побочно уменъ, побочно храбръ... Я побочный во всѣхъ статьяхъ. И медвѣди не кусаютъ другъ друга, такъ зачѣмъ же станеть кусать побочный побочнаго. А сверхъ того, ссора не принесла бы намъ счастья. Сынъ распутницы, вступаясь за распутницу, самъ врядъ-ли распутается за это передъ богами. Прощай, побочный!

(Уходитъ).

МАРГАРЕЛОНЪ. Чортъ бы тебя побралъ, трусь. *(Уходитъ).*

СЦЕНА VIII.

Другая часть поля битвы.

Входитъ ГЕКТОРЪ.

Такая гниль въ прекрасной оболочкѣ!
Доспѣховъ блескъ принесть тебѣ мракъ смерти.
На этотъ день довольно. Ты, мой мечъ,
Напился крови до-сыта и жадно...
Вкуси покой. Здѣсь такъ дышать отрадно.
(Снимаетъ шлемъ и щитъ и кладетъ оружіе за собою).

АХИЛЛЪ.

А, Гекторъ, ты! Смотри, садится солнце...
Зловѣщее дыханье затая,
Подходить ночь, а съ ней и смерть твоя.

ГЕКТОРЪ.

Стыдись, Ахиллъ – гляди, я безоружень.

АХИЛЛЪ.

Сюда! ко мнѣ! Вотъ тотъ, кто былъ мнѣ нуженъ!
Убить его. *(Мирмидонцы бросаются на Гектора. Онъ падаетъ).*

Оплоть враговъ сражень!

Погибъ ихъ умъ и сила. Иліонъ!
Такъ рухнешь ты и царственная Троя!
Здѣсь все твое могущество земное.
Идемте, мирмидонцы! "Гекторъ палъ!"
Кричите такъ, чтобъ воздухъ задрожалъ!

(За сценой трубятъ отступленіе).

Что это? трубы грековъ! Отступленье!

МИРМИДОНЕЦЪ.

Трубятъ троянцы тоже.

АХИЛЛЪ.

Ночь кругомъ
Раскинулась драконовымъ крыломъ
И, какъ судья, воюющихъ разводитъ.
Мой мечъ еще насыщенъ не вполнѣ...
Но Гекторъ палъ. Одна лишь смерть здѣсь бродитъ.
Мой мечъ, пора подумать и о снѣ!

(Мечъ влагаетъ въ ножны).

Къ хвосту коня я этотъ трупъ привѣшу
И съ нимъ промчусь и грековъ имъ потѣшу.

(Уходитъ).

СЦЕНА IX.

Другая часть равнины.

*Съ барабаннымъ боемъ входятъ АГАМЕМНОНЪ, АЯКСЪ, МЕНЕЛАЙ, НЕСТОРЪ,
ДІОМЕДЪ и др. За сценой радостные крики.*

АГАМЕМНОНЪ.

Прислушайтесь, что тамъ за ликованье?

НЕСТОРЪ.

Молчите, барабаны...

ЗА СЦЕНОЙ ГОЛОСА.

О, хвала!

Хвала Ахиллу! Гекторъ палъ, сраженный
Ахилломъ! О, хвала! хвала! хвала!

ДІОМЕДЪ.

Толпа кричитъ, что Гектора не стало:
Палъ от руки Ахилла онъ!

АЯКСЪ.

И что-жъ!
При чемъ-же здѣсь ликующіе крики?
Гордятся нечѣмъ. Гекторъ былъ великій,
Ну, а Ахиллъ – поменьше.

АГАМЕМНОНЪ.

Такъ впередъ,
Впередъ друзья! Пускай Ахиллъ прійдетъ
Ко мнѣ въ шатеръ. Смерть Гектора отрада
Такая намъ, что лучшей и не надо.
Хвала богамъ... Окончена война,
И Троя вся на смерть обречена.

(Уходятъ).

131

*<Сверху на странице расположен рисунок Джильберта (Gilbert) «Ахиллъ:
Гекторъ палъ!».>*

СЦЕНА X.

Другая часть поля.

Входитъ Эней, Парисъ, Антеноръ и Дейфобъ.

Эней.

Эй, стойте здѣсь. За нами поле битвы.
Хоть впроголодь, а мы ночуемъ здѣсь.

Вбѣгаетъ Троиля.

Троиля.

Нашъ Гекторъ палъ!

Троянцы.

Палъ Гекторъ! Боги! Боги!

Троиля.

Убить... Убить! А гнусный побѣдитель
Трупъ привязалъ къ хвосту коня и мчитъ,
Ругаясь, позорнымъ полемъ битвы.

Его! Его! Достойнѣйшаго! Небо,
Затмися тучами и разразись громами!
А вы, о, боги, съ царственныхъ высотъ
Улыбкой ясной Трою озарите, -
И если ей погибнуть суждено, -
Скорѣй! Скорѣй!

132

Эней.

Ты опечалишь войско
И бодрости лишишь его, Троицъ.

Троилъ.

Нѣтъ, ты меня не понялъ. Не о бѣгствѣ
И не о страхѣ смерти я кричу – нѣтъ! нѣтъ!
Я брошусь самъ туда, гдѣ есть опасность...
Но Гекторъ умеръ! Кто пойдетъ туда
Съ такою вѣстью страшною?... Къ Пріаму!?
Къ Гекубѣ!? Пусть, кто хочетъ слыть совою,
Тамъ, въ Иліонѣ скажетъ: "Гекторъ умеръ".
Двухъ словъ такихъ довольно, чтобъ Пріамъ,
Старикъ отецъ нашъ - обратился въ камень,
Всѣ дочери – въ потоки слезъ, всѣ жены –
Въ скорбящихъ Ніобей, вся молодежь
Въ нѣмыя изваянія, а Троя –
Въ страшилище себѣ. Идемъ... Идемъ!
Нѣтъ Гектора и больше словъ не надо.
Иль – нѣтъ еще! Вы, гнусныя палатки,
Вы подлые ахейскіе шатры,
Разбитые здѣсь на поляхъ фригійскихъ, -
Внемлите! Пусть вашъ выскочка Титанъ
За васъ возстанетъ грудью, - я проѣду
Межъ вашими рядами завтра. О, подлый,
О, вѣроломный трусъ! Ни время, ни пространство
Моей вражды къ тебѣ не отдѣлятъ!
Преслѣдовать я буду неустанно
Тебя вездѣ, какъ совѣсть, и терзать
Терзать твой умъ мучительнымъ укоромъ,
Я горе задушу въ своей груди,
Чтобы тебѣ отмстить за смерть героя...
Звучи труба! Насъ ждетъ родная Троя!

Эней и троянцы уходятъ. Въ то время, когда за ними собирается слѣдовать
Троиль, съ противоположной стороны появляется Пандаръ.

ПАНДАРЪ.

Послушай, послушай, Троиль.

ТРОИЛЬ.

Прочь! сводникъ! прочь! Пускай и ночь и день
Тебя позоръ преслѣдуетъ, какъ тѣнь.

(Уходитъ).

ПАНДАРЪ. Что-жъ, это будетъ хорошее средство противъ моей ломоты.
О, свѣтъ, свѣтъ! Вотъ какъ въ тебѣ презирають бѣдныхъ посредниковъ. О,
предатели и сводники! Какъ васъ запрягаютъ, когда надо, и какъ скверно
вознаграждаютъ! Не понимаю, отчего такъ любятъ ваши услуги и такъ
презирають ваше ремесло! Какой бы стишокъ приспособить къ этому?
Поищемъ...

Пока у пчелки въ лапкахъ медъ,
Она рѣзвится и поетъ,
Но чуть лишилась она жала –
И медъ и пѣсни, - все пропало.

Да, друзья мои, торгующіе человѣческимъ мясомъ, - зарубите себѣ это
на носу.

Когда средъ васъ, о, милые друзья,
Есть хоть одинъ, кто боленъ такъ, какъ я,
Пусть онъ слезу надъ Пандаромъ уронить,
А нѣтъ слезы – отъ боли пусть застонетъ...
О, всѣ вы, всѣ съ такимъ-же ремесломъ!
Въ наслѣдство я оставляю вамъ свой домъ...
Но не сейчасъ... Молю васъ подождать.
Я чистъ душой, но мнѣ страшны, о братья,
Шипѣнье, свистъ винчестерскихъ гусей...
Но не хочу томить я васъ, ей-ей!
И на прощанье, если вамъ въ охоту,
Я завѣщать могу свою ломоту!

(Уходитъ).

А. Федоровъ.

¹ Исправленная опечатка. Было: «трегедіями».

² Исправленная опечатка. Было: «Ульрици видитъ въ этотъ подтвержденіе».

³ Шекспиръ (ранній періодъ): Исторія любви Троиля и Крессиды. I актъ: сц. 1-9 до
107 стиха: сцена 2-ая, – цѣликомъ. III актъ: сцена 1-ая и 2-ая – цѣликомъ. IV актъ: сцена 2, 3, 4-

ая – цѣликомъ: сцена 4-я, стихи отъ 1-110. Сцена 5-я: стихи отъ 27-293, измѣнены Шекспиромъ позже. V актъ: сцена 3, отъ ст. 97-112 (первоначальный конецъ пьесы).

Шекспиръ (позднѣйшій періодъ). Исторія несогласій въ греческомъ лагерѣ: I актъ, сц. 3-я, 1-212 и 310-392. II актъ, сцена 1-ая, 1-132; сц. 3-я – вся. III актъ, сц. 3-я, – цѣликомъ.

Марстонъ. Исторія Гектора, I актъ, сц. 1-я, 108-119. Сц. 3-я, 213-310. II актъ, сц. 1-я, 134-141; сц. 2-я – вся. IV актъ, сц. 1-я – вся. Сц. 4-я, 111-150, сц. 5-я – вся (за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ первоначальной пьесы пересмотрѣнныхъ Шекспиромъ).

V актъ: сц. 1-я – вся, сц. 3-я, 1-96, сц. 4-я – вся и конецъ пятого акта. По этому раздѣленію Шекспиру принадлежатъ около 1100 стиховъ ранняго періода и около 740 позднѣйшаго, а Марстону почти 1200 стиховъ.

⁴ Переводъ (*Зин. Ав. Венгеровой*) съ рукописи. Статья написана для нашего изданія. Авторъ – одинъ изъ видныхъ современныхъ шекспирологовъ, до извѣстной степени принадлежитъ и русской ученой средѣ. Шотландецъ по происхожденію (р. 1842), Робертъ Ивановичъ Бойль живетъ около 30 лѣтъ въ Россіи, былъ лекторомъ англійскаго языка въ Дерптскомъ Унив., а теперь состоитъ профессоромъ англ. яз. въ Академіи Генеральнаго Штаба и Annenschule. *Ред.*

⁵ Исправленная опечатка: вместо запятой ошибочно стояла точка.

⁶ Исправленная опечатка. Было: «деркое».

⁷ Исправлено. Было: «Если же-она».